

1
1968

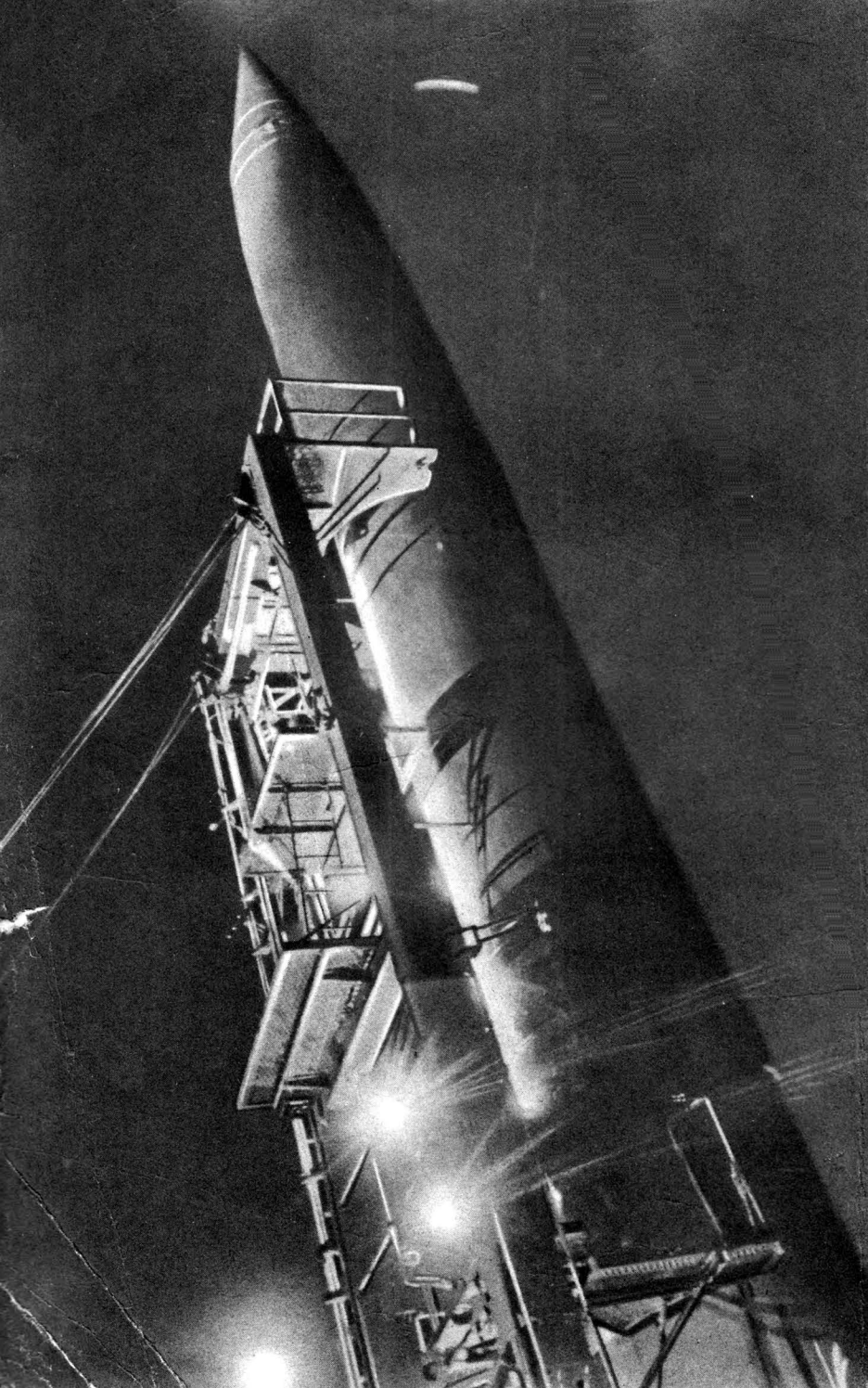
Искатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ДОБЛЕСТНЫХ
СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
ПОСВЯЩАЕТСЯ:

Юрий ТАРСКИЙ — ВДВ — быстрота и натиск	2
Борис СМАГИН — Перед ночным ударом	10
Е. ДОРОШ — Фрунзе освобождает Крым	153

В. МЕНЬШИКОВ, В. ГАЕВСКИЙ — Ставка — жизнь	30
Станислав ЛЕМ — Проказы короля Балериона	108
Уильям АЙРИШ — Окно во двор	122

№ **1** (43)

1968

ВОСЬМОЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

ВДВ — БЫСТРОТА И НАТИСК

Очерк

Тревога!.. Тревога!.. Это дневальный. Просунул голову в откиннутый полог палатки и кричит во все горло. После бессонной ночи голос у него сильный и ломкий. В маленькие оконца сочится тусклый рассвет. Недоспанный сон отлетает прочь. Встаю с постели, кого-то толкая, торопливо натягиваю полученное еще вчера обмундирование десантника. Снаряжение, как назло, не застегивается; левый сапог не влезает на сбившуюся портянку, и я, чертыхаясь, прыгая на одной ноге, бесконечно долго трамбую земляной пол.

В лесу сыро. Липкий туман грязно-серой кисеей повис на ветвях деревьев. Глухо гудят сосны. Продираясь через кусты, бегу к штабной палатке. Полковник, командир части, уже на ногах. Стоит в окружении группы офицеров. Среднего роста, крутоплечий, на висках ранняя седина. Он коротко кивает мне и бросает с насмешливой полуулыбкой:

— Вот и пресса на месте, а хозяйственники все чикаются.

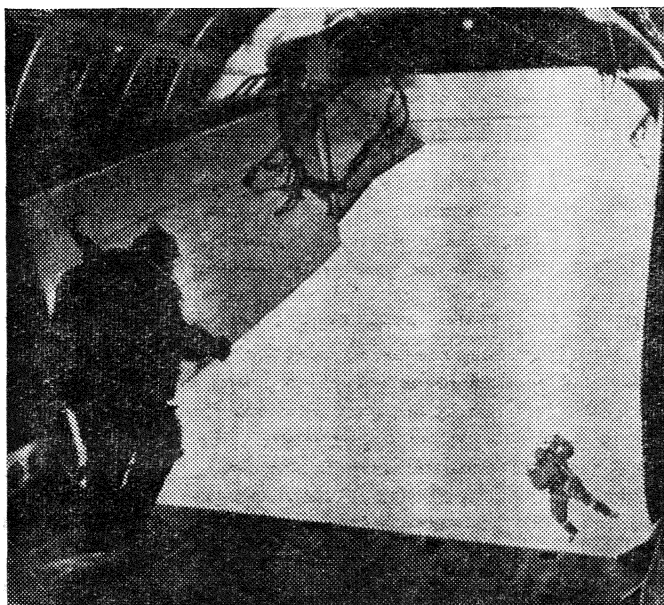
«Помпохоз», которому адресован упрек, майор высоченного роста, косая сажень в плечах, переминается с ноги на ногу, глухо произносит:

— Но мы сэкономили сегодня почти три минуты.

— Мало. Пора драться за секунды, — оборачивается к нему полковник.

В это время в стороне возникает дробный рокот мотора. Ему начинает вторить другой. Третий. И вот уже весь лес до краев наполняется переливчатым гулом. Заглушая его, летит, как эхо, многократно повторенная команда: «По машинам!»

Земля пробуждалась. Небо на востоке наливалось багрянцем. Предутренняя свежесть, беззвучный сырой ветерок... И вдруг,

*«Прыжок из стратосферы»
Фото Л. Поликашина*

как взрыв, рев десятков самолетных двигателей. Воздух над гигантским полем аэродрома клокочет и содрогается. Людских голосов не слышно: они без остатка растворяются в вибрирующем грохоте. Туча пыли на какое-то время заслоняет выкатывающееся из-за леса солнце.

Самолет трогается с места. Справа и слева — вереница готовых к взлету машин. Короткая остановка на взлетной полосе. Свистящий вой двигателей. Лес за иллюминатором сливается в сплошное зеленое пятно и вдруг, кренясь, проваливается куда-то вниз. Под крылом стремительно уменьшающийся аэродром. Один за другим стартуют с него самолеты. И вот уже впереди, по бокам, позади нас в ровном строю плывут воздушные колоссы. Их так много, что не вижу ни тех, что летят во главе колонны, ни тех, что замыкают ее.

Мы летим на задание. Мы — гвардейская часть воздушнодесантных войск, ВДВ. Задача: стремительным броском с воздуха захватить назначенный район в тылу «противника», «разгромить» его особо важные объекты и оседлать речную переправу.

— Задание сложное, трудное и по плечу лишь крылатой пехоте, — так сказал вчера полковник.

— Но у «противника» в месте выброски может оказаться намного больше сил, чем у вас, тогда что же? — спросил я.

— Возможно и так, — согласился полковник. — И сил у него может быть больше, и возможность маневрировать ими, и даже хорошо подготовленная оборона. Это его, «противника», актив. А наш — внезапность и стремительность удара, точный расчет. И конечно же, боевая выучка и лихость десантников. На то мы и ВДВ! Впрочем, — он улыбнулся, — итог разговору подведем после.

Мы в воздухе. Что-то уж очень медленно течет время. Дверь пилотской кабины слегка приоткрыта, из-за нее еле слышно доносится унылый голос невидимого мне радиста. Чекая слоги, он монотонно повторяет одни и те же слова, видно, чьи-то позывные. Оглядываю кабину самолета. Ее размеры потрясают. Только сейчас осознаешь по-настоящему, что отнюдь недаром эту исполнскую крылатую машину именуют кораблем. Впечатление такое, будто находишься в широченном, уходящем вдаль туннеле.

Десантники, мои новые товарищи, сидят на откидных скамьях вдоль бортов и в центре машины. У них спокойные лица, словно бы едут в городском автобусе. Многие дремлют «про солдатский запас», кто-то в самом хвосте, пристроившись к свету, листает книжку. Напротив меня у противоположного борта Леонид Михайлович Поскребышев, капитан медицинской службы, стоматолог, развязал свой пухлый рюкзак и с серьезным лицом копается в его нутре. Рядом с ним — Толя Швейкин, круглолицый, ясноглазый сержант, пристроив на колене блокнот, что-то торопливо записывает. Толя любимец подразделения и третий судья во всех спорах товарищей. Он волжанин, успел год поработать модельщиком на заводе, мечтает об учебе в политехническом институте. И не только мечтает, серьезно готовится к этому. Может быть, и сейчас, кажется в такую неподходящую минуту, «щелкает» задачки по алгебре или тригонометрии. Рядом с ним, привалившись к борту спиной, сидит Гена Кукушкин, пулеметчик, а по совместительству ротный баянист и признанный остро слов. Он худенький, длиннорукий. Ребята говорят, что неутомим в пеших походах. Я как-то спросил, откуда у него силы на это берутся. Ни секунды не промедлив, ответил с усмешкой: «Сапоги у меня кирзовые, да зато с атомными каблуками. Шаг шагну — километр за спиной». И сейчас, перехватив мой взгляд, Гена улыбается во весь рот и поднимает руку

с оттопыренным большим пальцем. У него дела идут всегда только «на большой»...

Я пробегаю глазами по знакомым лицам и невольно думаю об этих ребятах, ворошу в памяти все, что узнал о них за эти дни.

Не раз я видел на парадах машины с эмблемами ВДВ — воздушнодесантных войск. В них сидели, как на подбор, рослые, загорелые парни в летчицких шлемах и в новеньких, с иголки мундирах. Проносясь по площади под тысячетрубный грохот торжественного марша, они гордо — мол, знай наших! — косились на рукоплещущие трибуны. Богатыри!..

А тут, в десантной части, едва войдя в ворота, я встретил просто до предела уставших ребят. Русые и темноволосые, кряжистые и узкоплечие, в пропотевших насквозь гимнастерках, в заляпанных рыжей грязью сапогах, они шли с учения. Струйки пота прочертили борозды на их дичерна загорелых молодых лицах. Сбоку строя шагал их командир, капитан, сухой, жилистый, с внимательным взглядом. И у него на спине тоже проступали белые разводья соли, и пыль запорошила брови и ресницы. В первой шеренге кто-то затянул песню. Тут же ее подхватил весь строй:

Служба наша не простая,
Но десантнику почет.
Как ангел, с неба он слетает,
Зато дерется он, как черт!..

Это была рота капитана Денисова.

«Бравая рота», — сказал о ней командир части. «Певуны», — добавил строгий начальник штаба. И я тогда не понял — хорошо это или плохо, что певуны. Оказалось, хорошо — ротный хор, в котором участвуют все, от солдата до капитана, — принес немало славы всей части.

Я «прикипел» к этой роте и пробыл в ней до дня отъезда. Скажу заранее: ничего особенного за это время не случилось. «Рота занималась повседневной боевой подготовкой», — записано в журнале капитана Денисова. А если расшифровать, то это труд до седьмого пота: многокилометровые марш-броски с полной выкладкой, учебные стрельбы, рытье окопов, десантная подготовка, дневные и ночные тревоги.

Я часто и подолгу беседовал с офицерами, сержантами и бойцами. Хотелось понять: почему даже после самого тяжелого солдатского труда не видно скучных, унылых лиц? Почему радость, беда одного — радость или печаль всех? Почему все солдаты и сержанты с такой истовостью выполняют любые

приказы немногословного, суховатого на вид Ивана Яковлевича Денисова? В общем «почему» набиралось очень много.

«Мы — ВДВ, и любое нам должно быть по плечу», — несколько заносчиво ответил водитель Саша Кальчевский. А Жора Картавцев, бывший колхозный шофер со Ставропольщины, сказал: «У меня и отец был десантником-парашютистом. Нелегкая, конечно, служба, а мне нравится. Я за всю жизнь того не увидел бы, что повидал тут за год...»

Сержант Анатолий Швейкин, опытный командир, очень взыскательный к себе и к подчиненным, говорит так: «Трудная она, наша служба, но нужная. А ребята у нас лихие и неунывающие, потому что молоды, да и подготовка у них хорошая — и военная, и физическая. Традиции тоже не забывают. У нас в ВДВ они не слабее, чем, предположим, на флоте...»

Однажды разговор о людях воздушнодесантных войск зашел у меня с командиром части. «Что из себя представляет офицер-десантник? — раздумчиво переспросил полковник. — Его образ в моем понимании условно должен укладываться в такую схему: любовь к своей профессии, хорошее знание ее и отличная выучка, твердая воля и высокий моральный дух. Это, конечно, не все, но, думаю, главное. И знаете, многие мои младшие коллеги, вернее — большинство, отвечают этой схеме, — убежденно сказал полковник. — Вот возьмите хотя бы старшего лейтенанта Левченко. Владимир Иванович служит офицером пять лет. Сейчас он заместитель командира роты, секретарь партийной организации. Три года до этого командовал взводом, и все три года его взвод был отличным, лучшим в части. В 1966 году за успехи в боевой подготовке Левченко был награжден орденом Красной Звезды, товарищи избрали его делегатом на XV съезд комсомола. Самостоятельный офицер, думающий. Для такого указки не нужны. Дашь ему задание и уверен — выполнит...»

Как-то я спросил капитана Денисова:

— Не много ли времени тратите вы на физическую подготовку, на овладение приемами самбо, на все эти кроссы, плавание?

— На акробатику, вольную борьбу, гимнастику и многое другое? — в тон мне добавил с улыбкой Иван Яковлевич.

— Однако для прыжка с парашютом этого больше чем достаточно.

Денисов посерьезнел.

— Прыжок с парашютом — не самое главное. Десантники, бойцы в глубоком тылу врага, обязаны уметь делать многое. Мало того, что они должны быть выносливыми и закаленными,

по-снайперски стрелять из автомата или пулемета, но они должны быть еще хорошими разведчиками-следопытами, саперами, радистами, должны уметь водить автомашины...

— Должны?

— И умеют. Попробуйте испытать.

— А вы?

— Я же учу их...

Позже я узнал, что капитан Денисов, сын солдата, павшего в сражении под Москвой, пришел в воздушнодесантные войска добровольцем, когда ему не было еще семнадцати лет. Войну начал в 44-м в Венгрии у озера Балатон, а закончил под маленьким городком Тын в Чехословакии. Первый прыжок с парашютом Иван Яковлевич сделал осенью сорок четвертого, а сейчас их число давно перевалило за две с половиной сотни. Солдаты о своем ротном говорят: «Он умеет делать и делает все, как и мы, только в несколько раз лучше».

О прыжках с парашютом я разговорился с командиром отличного взвода лейтенантом Олегом Алексеевичем Дорохиным. Он парашютист-спортсмен, участник многих крупных соревнований. На его счету сотни прыжков. Прыгал с разных высот и из различных типов самолетов днем и ночью, садился на землю и на воду, на горящий лес и крыши домов. Немало героических, грустных и смешных историй поведал он мне о парашютистах. В основном его мысль сводилась к тому, что без высокой моральной и физической подготовки нет хорошего парашютиста. И еще Олег вдруг сказал, что парашютист в дополнение ко всем своим качествам должен быть добрым и отзывчивым человеком. «А как же иначе!» — воскликнул он, заметив мое недоумение. Но объяснять не стал. Только бросил: «Знаете, небо не переносит пижонов и себялюбцев. Уверен в этом. Убедился не раз».

— Волнуетесь ли вы перед прыжками?

— Волнуюсь, — очень просто ответил он. — Волнуются все: и те, кто совершает первый прыжок, и те, кто прыгал сотни раз. Все же человек — существо сугубо земное. И потом волнение волнению рознь. У офицера, например, оно особого рода: беспокоиться за себя он подчас не успевает — волнуется за своих подчиненных, за выполнение задачи.

— А бывает, что бойцы отказываются от прыжков?

— Бывает, — сказал неохотно Дорохин. — Встречаются такие случаи. Это ведь совсем не простое дело — прыгнуть с парашютом. Человек, повторяю, существо земное...

— И как же поступаете в таком случае?

— Снимаем с прыжка, и все. Ну, а потом добиваемся, чтобы в следующий раз прыгнул. Нет, конечно, не крутыми мерами, не взысканиями и нудными «проработками». Постепенно закаляем волю этого человека, убеждаем его в полной надежности техники, заставляем поверить в самого себя, в собственное умение и отвагу. Тут не один я — все отделение, весь взвод — агитаторы и верные мои помощники. Вы поговорите с солдатами и сержантами: только и ноют, что им мало дают прыгать...

Мне показалось, что десантники, отправляясь в полет, слишком уж нагружены. У каждого за спиной и на груди тяжелые ранцы основного и запасного парашютов, у некоторых в придачу — рация; на поясе подсумки с боезапасом, ручные гранаты, электрофонарь и обязательный для десантника нож; через плечо автомат или гранатомет.

— Конечно, нелегко все это носить на себе, да и не просто носить — совершать многокилометровые марши, вести бой, — согласился со мной заместитель командира части по тылу, мужчина геркулесовского роста, весельчак и балагур. — Но иначе нельзя, — тут же сказал он. — Сброшенные в глубоком тылу противника, часто в незнакомой местности, десантники, как правило, сразу же вступают в бой, ведут его подчас в полном окружении с превосходящими силами врага и, естественно, не могут знать, как долго этот бой продлится, представится ли возможность получить с воздуха запасы и подкрепления. Отсюда — бережливость и экономия, неприхотливость, привычка переносить любые походные тяготы — качества чрезвычайно важные для парашютиста-десантника.

Во время прошлой войны был такой случай, — рассказывает он. — Большую группу наших парашютистов сбросили в тылу поблизости от узловой железнодорожной станции. Дело было перед большим наступлением противника на этом участке фронта, и разгром важного железнодорожного узла если не срывал всего наступления врага, то, во всяком случае, крепко дезорганизовал бы работу вражеского тыла. Сил у гитлеровцев было вдесятеро больше, чем у нас, сопротивлялись они отчаянно и ожесточенно, и все же десантники ворвались на станцию, забитую эшелонами с грузами и солдатней, разгромили ее в пух и прах и еще два дня и две ночи отбивали контратаки фашистов. И это в глубоком тылу врага, в окружении, при полном отсутствии какой-либо возможности получить подкрепление... А потом что? Потом они с непрерывными боями пробивались к своим. И пробивались...

Резкий квакающий сигнал ревуна. Над десантным люком и по бортам кабины вспыхивают желтые световые табло.

«Приготовиться к прыжку!»

Все вскакивают со скамей и поворачиваются лицом к десантному люку. Каждый проверяет подогнанное на земле, много раз уже проверенное снаряжение. Пальцы правой руки, перехваченные для надежности страхующей резинкой, сжимают вытяжное кольцо парашюта. Сегодня прыжки с принудительным раскрытием парашюта, но все равно каждый десантник должен, отсчитав положенное число секунд после отделения от самолета, вырвать вытяжное кольцо.

Створки огромного люка бесшумно откидываются. В кабину ударяет тугой, будто спрессованный воздух. От его свежести ломит в висках. В провале люка — земля. Она подернута дымкой.

Смотрю на людей. Лица решительные, в глазах — напряжение и тревога. Загорается зеленое табло. Выпускающий капитан Денисов рубит воздух ладонью.

— Пошел!..

Парашютисты бегут цепочками вдоль бортов к люку и один за другим скрываются в его квадратном проеме.

Все небо усеяно белыми куполами, а самолеты подходят волнами и сбрасывают новые и новые группы десантников.

В самую критическую минуту на горизонте появляется вертолетный десант. Огромные стрекозы, сотрясая воздух ревом двигателей, садятся на поле. Из их бездонных чрев выползают по крутым сходням самоходки, машины с десанниками. И сразу же устремляются к цели.

«Противник» остановлен. Он медленно пятится, отходя к лесу. В «бой» брошены его резервы. Над нашими головами развертывается воздушная «схватка». Наша авиация, прикрывая десант, не подпускает к месту сражения вызванные «противником» самолеты.

Устроившись с рацией в глубокой канаве, связист сержант Копытов монотонно выкрикивает в микрофон позывные. По его сердитому лицу струятся ручьи пота. Но вдруг он умолкает, напряженно слушает и расплывается в радостной улыбке.

— Здорово прут, ангелы! Они уже на переправе!..

Борис СМАГИН

ПЕРЕД НОЧНЫМ

Рассказ

Ночью перестрелка немного затихла, а утром загромыhalo снова. В горах эхо сильное, со всех сторон ревет, кажется, стреляют.

Мы с Валькой сидим, опустив ноги в нашу яму. Локоть расположился неподалеку, закусывает, возится ложкой в банке с консервами. Банка уже почти пустая, поэтому и стоит звон — ложка скребется о стенки. Ночь была холодная, сейчас тепло, и мы обогреваемся. А поскольку не спим уже третьи сутки, в тепле очень хочется спать.

Локоть, наш ординарец, а во время работы наш бдительный часовой, недовольно ворчит. Его лейтенантов оставили без землянки, саперы в штабе корпуса на вес золота.

Вот и проводим мы нашу кочевую жизнь в яме. В об-

щем-то жить можно. Натянули плащ-палатку, яму углубили, сделали ступеньки, подобие столика. Работаем — куда денешься.

Локтя в штабе так и зовут «отец лейтенантов», хотя Валька уже год как старший лейтенант, а я всего лишь младший. Не везет: после училища почти полгода проторчал в резерве штаба фронта, работал там, как ишак, но звания не давали. Потом попал в штаб дивизии, а после контузии — вот сюда.

Мы сидим балагурим. Валька курит, я лениво слежу за толстыми облаками, переругиваюсь с Локтем. Можно бы поспать, но скоро будет работа, не стоит себя расстраивать сном.

Тут, на НП, все расположилось рядом. У начальника штаба — прекрасная землянка, у оперативников — ничего себе. И связистам вырыли и инженеру, а вот нам, шифровальщикам, — не успели.

И вообще-то здесь все перемешалось. Наблюдательный пункт штаба корпуса, а в кустах неподалеку сидит батальон одной из наших дивизий, штаб ихнего полка за нами, а вот, чтобы попасть в штаб дивизии, надо пройти километра три по немецким позициям. Во фронтовом фольклоре это называется «слоеный пирог». Он вообще-то не очень сладкий, а тут еще горное исполнение — холмы, лещины, тропинки — запутаешься.

Ровно неделю тому назад попали в эту кашу. Гитлеровцы мучительно хотят прорваться на запад, а наш корпус загораживает им дорогу.

УДАРОМ

Рисунки Ю. МАКАРОВА

Где-то там, за лысоватой вершиной, в штабе дальней дивизии, сидят наши друзья лейтенант Кирсанов и капитан Окунев — основные корреспонденты. Связь с ними только по радио, поэтому все передают шифром.

Но сегодня ночью мы идем в наступление. Скоро будет боевой приказ. Его-то мы и ждем. Двум дивизиям можно послать нарочного, они сидят под боком. А в ту, дальнюю, нарочного посылать опасно. Остается только одно — шифровка.

Мы ждем. Надо заделать приказ побыстрее и передать на рацию. И шифровать придется потщательнее, радио постарается понаделать искажений, только смотри.

Локоть куда-то испарился. И мы с Валькой остаемся одни, без присмотра.

Валька докуривает папиросу и встает.

— Кончай перекур!

Он смачно потягивается и зычно кричит:

— Локоты! Бегом сюда, айн, цвай, драй!

Зачем ему понадобился наш дядька? А, понятно: из землянки начальника штаба бежит поджарый офицер в яркой кубанке, подполковник Скворцов. Начальник оперативного отдела сам несет боевой приказ. Мы встаем и ждем. Скворцов подскакивает к нашей яме, на ходу открывает планшетку.

— Вот, — сует он Вальке два мелко исписанных листа бумаги. — В четыре адреса. И поскорее, братцы, времени в обрез.

Я прыгаю в яму, набрасываю на четыре колышка плащ-палатку. Никто не видит, никто не должен видеть, что мы там в этой яме делаем. Так, вроде неплохо. Правда, писать неудобно. Но для этого наверху сидит Валька. Он и пишет, и караулит: заменяет пропавшего куда-то Локтя. Я не вижу, что там поддельвает Валька, но отлично знаю, могу рассказать о каждом его движении. Вот он взял лист фанеры, наложил на него бланки, переложил копиркой, прикнопил, взял в руки карандаш, послунявил его... Валька все делает неторопливо, зато очень добротнo. И я уже слышу его спокойное:

— Я жду, можешь начинать.

Начали, так начали. Я беру бумаги, исписанные каллиграфическим почерком полковника Новикова. Старый генштабист, пишет, как учитель чистописания. Мне бы так! Быстро вхожу в темп. Многозначные группы цифр так и сыплются наверх, туда, где восседает Валька. Как это писал Ильф в записных книжках: «Шулеру надо иметь крепкий большой палец правой руки и абсолютно здоровое сердце». Нам тоже необходимо и то и другое.

Кто-то останавливается около нас. Мне видны лишь ноги, вернее, нижняя часть ног. Узенькие хромовые сапожки, в голенище немецкий кинжал. Узнаю Власенко.

— Ну, как колдуется?

Валька отвечает скороговоркой:

— Проходи, мальчик, своей дорогой. Не мешай творчеству.

Власенко хороший парень. Только почему-то стесняется своих пяти курсов филологического факультета, щеголяет жаргоном, носит за голенищем этот нож, которым, правда, наловчился открывать консервы, пьет чистый спирт, при случае может «выразиться». А вместе с тем отличный переводчик, хороший разведчик и смелый парень.

Я задал дьявольский темп. В голове цифры, одни только цифры. Вкалываю, как автомат. Интересно, сколько групп я сейчас даю? Скорость нужна — приказ срочный. Но вот и подпись: «Начальник штаба корпуса полковник Новиков».

Ура! Можно немного передохнуть. Но недолго. Валька

бросает мне копию шифровки и мчится на рацию, а я снова вкалываю. Локоть уже занял свой боевой пост, можно работать. Каждое возможное искажение нужно подавить в зародыше. Вот я и сижу расшифровываю свой только что зашифрованный текст. Все-таки за столом работать лучше. Ноги затекли, и спина устала.

Так, все правильно. Сегодня ночью дадим фрицам по шапке. По ложине пойдет танковая бригада. Я видел танкистов оттуда. Недавно получили новые машины, ребята что надо. Им только прорваться через горловину, а там...

Я кончаю, укладываю документы, вылезая из ямы. Искажений немного — всего лишь три группы. Надо передать на рацию. Сую записку Локтю и заваливаюсь на спину, подложив под голову сумку. Локоть недоволен. «Опять мальчишки не поедят вовремя», — наверняка думает он. Его оторвали от кашеварения, заставили бежать на рацию. Нехорошо. Локоть бережет нас, читает порой нудные нотации, но вообще мужик отличный, мы его очень любим.

Он галопом сбегал на рацию и уже возится с обедом. Наконец-то дорвался. У него на большой вышитой салфетке (из дому, кубанская) — бутылка с молоком, концентрат, сахар и масло. Сейчас он согреет молоко и будет поить Вальку. У Вальки сильнейший бронхит. Он кашляет ночами напролет, давно уже не высыпается. Он очень верный друг, толстый Валька, учитель математики из сибирской деревни.

За последние дни он осунулся, щеки ввалились. Локоть боится за Валькины легкие, готовит для него смесь молока с маслом и еще какие-то специи.

Обед уже готов, а Вальки еще нет. Что он там делает, на рации?

Видно, ждет подтверждения, что телеграмма получена. Потом последует просьба повторить какие-нибудь группы, искаженные при передаче. И уже тогда все. Мы свое дело сделали.

Сейчас два часа дня. А в два часа ночи начнется. Как там ребята — Пашка Кирсанов и толстый капитан Окунев? Завтра мы к ним сходим, фашистов вышибут из ложины, и мы сходим...

— Младший лейтенант!

Что это? За мной прибежал старшина Кривченко, ординарец полковника. Машет рукой — значит что-то спешное! Так и есть.

— Вас гвардии полковник кличут. Срочно!

Вскакиваю, расправляю гимнастерку, одергиваю ремень, надеваю пилотку и бегу. Толстая сумка бьет меня по спине, я придерживаю ее рукой, прижимаю к бедру. Нас легко узнать по этим тяжелым спецсумкам. Правда, солдаты на этом основании иногда принимают нас за медиков, но мы узнаем друг друга сразу.

Я добегаю до землянки, скатываюсь по ступенькам, открываю дверь.

— Товарищ гвардии полковник, младший лейтенант Лопухов по вашему приказанию прибыл!

Квартирку полковнику отделали шикарно. Два больших окна, раздвижной стол, стеллажи с книгами. Этот порядок сохраняется неизбежно, куда бы мы ни попадали. Так что для нас комната начальника штаба всегда выглядит одинаково.

Новиков сидит за столом мрачный, черные лохматые брови сдвинуты, тяжелый бритый череп навис над картой. Он поднимает голову и выразительно смотрит на меня. В землянке много народу. Валька (вот куда он задевался!), начальник связи майор Суцеский, подполковник Скворцов и Власенко. Здесь же старшина Сычев — лучший власенковский разведчик. Все они тоже смотрят на меня, будто видят в первый раз.

Валька дергает головой, сдерживая кашель. Сейчас его прорвет, он закатится на полчаса. Валька багровеет, сдавленно бухает два-три раза, но удерживается от сильного кашля.

Все молчат, я тоже молчу, совсем не понимая, что же происходит. Наконец молчание нарушает сам Новиков:

— Слушайте, товарищ младший лейтенант, мы хотим посоветоваться с вами по очень важному делу.

«Советоваться», «младший лейтенант»... В чем дело, зачем так торжественно? Я давно уже усвоил нехитрую армейскую истину. Если начальник, с которым у вас прекрасные отношения, вдруг так официально обращается к вам — значит, или вами недовольны, или приходится давать тяжелое поручение.

Новиков продолжает:

— Плохо в дальней дивизии. Не могут расшифровать боевой приказ — оба шифровальщика вышли из строя.

— Убиты? — вскрикиваю я.

Полковник качает головой.

— Окунев ранен, а лейтенант Кирсанов, к сожалению, убит. Вы ведь знали его давно?

— Нашего выпуска, — говорю я тихо. «Пятый, — добавляю про себя, — пятый наш погиб». Но теперь понятно, зачем меня позвали. Я поднимаю голову.

— Вижу, вы поняли, зачем я вас вызвал, — говорит Новиков. Он встает и делает по комнате несколько шагов, позвякивает новенькими подковками по свежеструганному полу. — Надо пробраться к ним. Мы, разумеется, постараемся продублировать боевой приказ через нарочного, но, понимаете сами, нельзя оставить дивизию в такой ответственный момент без шифровальной связи.

— Разведчики не дошли, как же он доберется? — скептически замечает Скворцов. — Парень не обстрелян, в боях не был. Напрасно угробим.

— Вы не были в боях? — спрашивает полковник.

В боях я не был действительно. Неделями не спал, работал. Под бомбежками работал, через Днепр на бревне

переправлялся, потом вплавь. Доплыл. Из земли вырывали — снаряд угодил прямоком в землянку. А вот в боях...

— В боях не приходилось бывать, товарищ гвардии полковник...

Что он тянет? Ведь время идет. Валька не может. Значит, я — больше некому. И еще одно — лошину надо разминировать. Ведь туда пойдет танковая бригада. Надо делать проходы. Как об этом узнают в дивизии? Открытым текстом не скажешь.

Новиков смотрит на меня пристально.

— Вы согласны?

Меня спрашивают? Пашку убило, а меня спрашивают! Дивизия остается без связи, а меня спрашивают! Я боюсь, что голос может сорваться, и говорю, нарочито растягивая слова:

— Товарищ гвардии полковник, прошу немедленно командировать меня в распоряжение начальника штаба дивизии для прохождения дальнейшей службы. Разрешите убыть?

Скворцов недовольно крикает.

— Ну, куда? Ухлопают, и все.

— Пойдете со старшиной Сычевым — он опытный разведчик, — говорит Новиков. — Прошу вас **обоих** поближе. И вы, капитан, тоже, поскольку вы докладчик, — это уже к Власенко:

Капитан не спеша показывает на карте наш путь. Я плохо ориентируюсь на местности, путаю ориентиры, не запоминаю особенности рельефа и все такое прочее. А с картой я вообще имел дело раз в жизни, когда сдавал экзамен по топографии. Поэтому я так мрачно смотрю на это тесное переплетение тонких полос, кружков, штрихов и цветных пятен и чувствую, что в глазах начинает рябить.

Тонкий мизинец капитана легко скользит по карте. Я впираюсь в нее всем существом. Сычев стоит рядом с отсутствующим видом. Ему карты не нужно, он знает все наизусть, знает со всеми тонкостями, с часовыми, воронками, знает, где стоит какая мина, сколько лет фрицу, сидящему в передовом охранении.

Я этого ничего не знаю, но должен знать и буду знать...

Мы выходим от полковника в три. Час потрачен на боевой приказ. Учили наизусть: бумаг брать не положено. Идем молча, как пристегнутые друг к другу. Я повторяю дорогу, мысленно путешествую по карте. Сычев шагает вразвалочку, легко переступая своими полосатыми ногами. Шик разведчиков — легкие сапожки из немецких плащ-палаток. Я иду немного сзади, стараясь как можно увереннее почувствовать себя с автоматом через плечо. Автомат мне дали новенький, немецкий. Они легче наших.

Но все равно мне с ним не очень-то удобно. Я перебрасываю его с одного плеча на другое и, наконец, беру в руку. Так, наверное, я выгляжу воинственнее.

Сычев неожиданно останавливается.

— Смотри, младший лейтенант, вон она, наша желанная. Мы смотрим на высотку, где должны быть этим же вечером. На карте она выглядит гораздо дальше. Там пролегает большое пространство, расцвеченное зеленым, желтым, коричневым, голубым — леса, поля, луга, холмы с выходом горной породы. А тут совсем рукой подать.

Несколько минут Сычев стоит неподвижно, напряженно всматриваясь в даль, потом резко поворачивается и возвращается на дорожку, с которой мы только что свернули, чтобы глянуть на «желанную». Я послушно следую за ним.

Вряд ли старшина особенно доволен моим обществом. Да это, собственно, и понятно. Он опытный разведчик, а я... Случись что со мною — надо меня вытаскивать, а это тяжело и опасно. А на меня надежда слабая... Я это понимаю, но все-таки. Почему он молчит? Только чуть слышно насвистывает что-то.

Но, впрочем, скучать некогда — я иду и повторяю строчки приказа, даже пытаюсь читать их, как стихи: «Командир корпуса приказал — двоеточие, первое...» Кончаю, начинаю снова... Может быть, Сычев занят тем же самым, поэтому и молчит?

Мы погружаемся в прохладную полутень хвойного леса. На солнце еще жарковато, хотя уже сентябрь и листья приобрели вполне осеннюю окраску. А здесь прохладно. Мы проходим мимо кухни, от которой соблазнительно пахнет свежим борщом. Остановиться бы, перекусить. Но у нас нет времени. А с собой все, что нужно: хлеб, консервы, кофе, сахар и даже спирт в маленькой изящной фляжке — личный подарок Власенко. У него оказались две такие фляжки, вот он и подарил мне одну.

— Лешка, Лешка, стой!

Мы останавливаемся. Легко на помине, Власенко. Запыхался, пока бежал за нами.

— На вот, получай!

И сует мне в руку новенький офицерский трофейный «вальтер» — целый месяц я безуспешно кланчил такой пистолет у Вальки. Я прячу пистолет в карман, жму руку Власенко и бегу, догоняя далеко ушедшего старшину. Он никак не прореагировал на появление своего прямого начальства и даже не замедлил шаг.

Я догоняю его, и мы снова идем вместе. Он на полшага впереди, я — сзади. Мы огибаем землянки связистов, медпункт, рацию, расположившуюся под густым деревом, и круто сворачиваем вниз.

Мы идем быстро, так что даже слышно, как бьется о ноги Сычева его длинный, по-морскому подвешенный кортик. Лес кончается, за ним начинается густой кустарник. У последнего дерева Сычев останавливается.

— Слушайте, — говорит он, — есть разговор.

Я замечаю в его голосе какие-то особые интонации, дружеские, товарищеские.

— Нам сегодня в одной упряжке идти... Полковник ясно

сказал: приказ донести надо, не один, так другой. Глянем, как там на бумаге.

Он вынимает из кармана затейливо сложенную карту, быстро разглаживает ее.

— Потом возьмете себе. Мало ли что может случиться, с картой все веселее. Фонарик есть? Хорошо. А теперь смотрите внимательно. Капитан показал все правильно, но не совсем. Сделаем небольшой загибон, путь будет короче и удобнее. Спускаемся вот здесь. Зона обстрела. Фриц сейчас нервничает сильно, по одному человеку открывают такой огонь, что спасу нет. Но паниковать не стоит — пройдем. После лощины начнется лес. Кругом мины. За передовой — она тут жиденькая — снова мины. И до самых наших, до позиций дивизии, все время мины, мины и мины. Фрицы в лощине бродят группами. По одному они там боятся показываться. Ихние противотанковые мины тугие, человека хорошо держат. На наши так не надейся. Могут и рвануть. Да-а! Колесить нам некогда, надо вечером переходить. Ночью оно удобнее было бы, но приказ...

Он улыбается. И мне сразу становится легче, будто я тоже глотнул спирта из фляжки, к которой только что приложился старшина. Он, видно, меня понял, подмигнул:

— Нельзя, с непривычки еще не туда пойдешь. Ну, с полем.

Отправились.

Какой приветливой казалась зеленая лощина, когда мы смотрели на нее сверху. Но сейчас она показывает нам зубы. Как только мы ступаем на траву, выходим из укрытия, начинается форменная свистопляска. Гитлеровцы понатыкали кругом минометов, стреляют, будто им приказано полностью опустошить склад боеприпасов. Мины, надсадно воя, рвутся вокруг.

Откос крутой, поэтому мины падают или далеко вниз, или сверху, забрасывая нас комьями земли. Мы бежим, падаем, снова бежим. Откос становится пологим, потом совсем исчезает. Под ногами сыро, это болотце, поросшее густой травой.

Обстрел стихает так же внезапно, как и начался. Мы стягиваем с себя воду и грязь, вытираем лица.

Сычев смеется.

— Ну вот, ванну приняли. Это полезно. Зато почти час сэкономили. Только слушай. В следующей раз не вскакивай сразу после разрыва, считай до десяти. Осколки летают долго. А так ты молодец. Ну, пошли.

Лощину мы проскочили и снова шагаем среди деревьев.

— Вечером переходить надо, вот в чем загвоздка, — задумчиво говорит старшина. — Под утро мы проскочили бы, как к теще на блины. Но Новиков сказал — пораньше...

Да, надо пораньше. Наступать будут ночью, удар неожиданный. В «слоеном пироге» можно так запутаться... Нужно прибыть пораньше.

Из укрытия выскакивает встрепанный артиллерист.

— Какого черта тут бегаєте? Обойти, что ли, нельзя? Видишь, как фриц психует, бьет по воробьям. А у нас закрытые позиции. Вот как двину...

Старшина не удостоивает его ответом, и мы гордо проходим мимо.

В лесу снова много народу. Знакомая картина. Связисты тянут куда-то провод, к батарее привезли снаряды, их разгружают, из-за пышных кустов слышен хохот — здесь артиллеристы развернули походную баню. На маленькой полянке лейтенант с новенькими погонами проводит занятия. Целый взвод новобранцев в новом обмундировании слушает доклад о международном положении.

Старшину и здесь все знают. Он идет, раскланиваясь, как на главной улице своего родного города. Я шагаю рядом, купаясь в лучах его славы.

Мы идем по обрывистому склону, огибающему вершину очередного холма. Людей становится все меньше.

Сычев идет теперь медленно, тщательно всматриваясь в дорогу. Потом он останавливается, наклоняется, становится на колени; что-то высматривая в густой траве. Я стою, не зная, что мне делать. Наконец Сычев встает, отряхивает землю с колен.

— Пойдем дальше след в след. Держись на четыре шага дальше. Если хлопнет гулко, беги назад как можно скорее. Ежели засвистит сначала — значит прыгающая, ложись под нее и жди, когда взорвется. Так она не страшна.

— А что — мины? — Я говорю нарочито небрежным тоном, но вряд ли это получается сколько-нибудь убедительно.

Сычев отвечает как-то нехотя:

— Саперы тут дорожку сделали, но всякое может быть. Мины, брат, гнусная штука. Кто их только выдумал!

Я иду по бурному склону, стараясь точно попадать в следы мягких сапожек идущего впереди Сычева: Он шагает теперь совсем медленно, иногда останавливается, простукивая дорогу длинной палкой, которую он захватил в лесу. Я тоже останавливаюсь, жду, когда можно будет идти дальше. И каждый раз после такой остановки трудно поднять ногу и еще страшнее ее опустить. Иногда под ногами осыпаются комья рыхлой земли. И тогда сердце громко екает.

Так в полном молчании мы идем минут двадцать, и вокруг все молчит. Не видно людей, замолила передовая, которая давала о себе знать редкими выстрелами. Поросшие лесом холмы, красивые кустарники, трава и певчие лесные птички. Какая-то идиллия; как в кинофильме про композитора Штрауса «Большой вальс».

Идиллию нарушает разрыв, за ним другой. Вместо клекот нежных птичек мы слышим теперь вой снарядов. Вой идет над нашей головой — сцепились две батареи.

Мы устраиваемся под обнаженными корнями высокой сосны. Тут уютно и безопасно. Старшина вынимает пачку папирос, закуривает, бросает мне.

Я отрицательно мотаю головой. Когда так близко стреляют, я почему-то не люблю громко говорить.

— Ишь беседуют! — Сычев поднимает голову вверх, выпускает струю дыма. — А ты чего не куришь, доктора не велели или так, настроения нет?

Сказать ему, что я не курил сроду? Небось смеяться будет.

Я неопределенно пожимаю плечами.

— Ну как хочешь. А я потяну перед дорогой. Спустимся вниз, там уже не покуришь.

— Уже дошли?

— Ишь обрадовался! Радоваться, брат, нечему. Нет, еще не дошли, но там внизу сидят пулеметчики, минометный расчет, противотанковое на прямой наводке и наше боевое охранение. Хорошая компания. С ними не очень-то покуришь. Дисциплина! Так что зайдем к командиру батальона — доложимся.

Он затаптывает окурок ногой, и в это время стрельба как по заказу прекращается.

— Договорились, видно, — снова улыбается Сычев. Я раньше никогда не знал, что он такой веселый парень. — Вставай, Леха, пора нам в путь недалекий. Еще посидим там, посумерничаем.

— А чего же мы тогда так рано идем? — недоуменно спрашиваю я.

— Добраться надо засветло. А то свои вкаты пулю, тогда иди жалуйся!

Отряхнувшись, мы снова тащимся по крутому склону, огибая высотку. До чего же они все похожи одна на другую! Я всегда удивлялся, что есть люди, которые хорошо ориентируются в лесу. Но здесь это просто какое-то чудо — все одинаковое...

Мне ужасно надоел автомат. Болтается за спиной, трет спину, звенит. Для меня привычнее оружие шифровальщиков. Лежат в нагрудном карманчике три карандаша. Одним из них — у нас такие карандаши зовут «зверем» — можно давить по десять копий сразу. Дорогая штука, я за него в штабе фронта две бутылки французского коньяка отдал. Правда, коньяк я не люблю, но можно было бы за него чего-нибудь интересней получить.

Я уже не держу интервала, поскольку мин нет, а Сычев начинает рассказывать интересную историю про свой первый выход в разведку.

Хороший он парень, оказывается. Скорее всего, просто хочет меня подбодрить.

За разговором мы доходим до штаба батальона. Это маленькая земляночка, где сидят командир батальона — мрачный капитан с перевязанной рукой, его адъютант старший — так в батальоне зовется начальник штаба, два связиста и прехорошенькая сестричка.

Здесь с нами много не разговаривают. Нам выдан связной, и мы идем дальше.

Связной спешит, он хочет вернуться засветло, поэтому идет быстро. Ему хорошо, дорога знакомая, а я то и дело спотыкаюсь. Тропинка идет вниз, среди низких деревьев и кустов. Слева и справа небольшие лужайки.

— Вы особенно по сторонам не интересуйтесь, — говорит вдруг связной. — Сколько мин, проклятый, оставил — не сосчитать. У нашего капитана позавчера жена подорвалась. В санбат отвозил. Жива ли, нет — не знаем.

— Ах, вот почему он такой! — вырывается у меня.

Перед нами большой луг, поросший яркими красными цветами. Я не знаю, как они называются по-местному — что-то вроде наших маков. Луг и есть нейтральная полоса. На той высоте и вокруг нее расположились фрицы. А здесь — наши. Две пушечки на прямой наводке — как их только сюда дотащили? — плюс хорошо замаскированная позиция минометов. И пехота, целый взвод.

Мы сидим в маленьком окопчике. Сычев о чем-то весело беседует с командиром взвода — они воевали вместе в сорок третьем году. Сычев с каждым воевал когда-нибудь вместе. А я смотрю во все глаза. Сейчас тихо, но стоит нам высунуться, наверное, начнется веселый сабантуй. Я отдыхаю, перебрасываюсь ленивыми замечаниями с молодым пулеметчиком, привалившимся к дереву. Мы с ним вместе не воевали, зато живем в Москве на соседних улицах. Выходит, земляки.

Ждем, когда немного стемнеет. Приказ мы оба заучили наизусть, уже проверили — остается ждать. И время тянется нестерпимо медленно. Мы с пулеметчиком уже перебрали все окрестные кинотеатры и школы, побывали на стадионе «Локомотив», а Сычев все сидит со своим младшим лейтенантом и оживленно говорит о чем-то.

Немного темнеет. Деревья становятся расплывчатыми, теряют свои четкие очертания. Наверное, пора.

Сверху кто-то ползет. Ползет неумело, слышно, как он сопит и как сыплется комья земли.

Я воинственно хватаюсь за автомат, который пока что без дела лежит рядом со мной.

— Это же наша Машенька, — говорит мой собеседник. — Положи свое ружье.

Из-за куста действительно появляется Машенька, та самая хорошенькая медсестра, что мы видели у командира батальона. Она располагается рядом с нами, и только я начинаю интересный разговор, как появляется Сычев. Я даже не заметил, что он куда-то исчезал. Сычев обмотал вокруг туловища свою плащ-палатку, которая до сих пор развевалась вокруг него, как гусарский ментик, убрал кортик и выглядит полностью по-походному. Глядя на него, я понимаю, что прелюдия кончилась, начинается настоящее. Я беру автомат и молча следую за ним.

Нас провожают тихим «ни пуха», и мы двигаемся.

Прячась за деревьями, спускаемся немного вниз. Сычев скользит в траву, я — за ним. Старшина ловко перебрашивает свое плотное тело. Он классически ползет по-пластунски. Так нас учили в военной школе. У меня так не получается. Ползти неудобно — автомат ерзает по спине, плащ-палатка задевает за кусты и кочки. Трава сырая, очень скоро промокают колени. Валька простудился бы здесь еще сильнее. Что-то он там делает? Сидит, наверно, на рации, ждет...

Сычев остановился, поднимает руку. Я подползаю к нему, ложусь рядом. Старшина шепчет мне прямо в ухо, так что делается ужасно щекотно.

— В этих кустах подождем немного. Ребята сейчас должны затеять стрельбу. Интересно, что фрицы делать будут? Ты смотри в оба — это ведь уже нейтралка.

Под грохот начавшейся стрельбы Сычев еще раз экзаменует меня. Теперь я знаю маршрут наизусть — где и как

идти, какой путь выбрать, сколько метров, какие мины, — знаю все. Могу даже начертить на бумаге. Стрельба кончается, и кончается экзамен. Фрицы так и не проявились, молчит та сторона, как проклятая молчит. Насупилась и ждет нас.

«Пошли», — жестом показывает мне Сычев. Я теперь уже понимаю его без всяких слов. Пошли! Начинается настоящее. Вот когда глухо застучало сердце. Я хватаюсь за него, чтобы удержать стук, мне кажется, что его слышно на километры вокруг. Мы ползем метров триста до больших кустов. Уже совсем стемнело, тени от кустов вытянулись, как сказочные существа. Они цепляются за наши ноги, скользят по нашим телам. Мы уже не ползем, а двигаемся обычным, человеческим способом, шагаем, слегка пригнувшись. Идем рядом: Сычев — справа, я — слева. Слегка шуршит трава, и ни одного постороннего звука. Иногда Сычев останавливается и пристально вслушивается в эту обманчивую тишину. Потом он снова двигается вперед быстрыми, совершенно бесшумными шагами. Вот где хороши мягкие сапожки. А я, дурак, думал, что это разведчики шикуют. Эх, святая простота!..

Я хорошо вижу в темноте, а зрение старшины вошло в поговорку даже у разведчиков. Но пока мы ничего не замечаем. Снова перестрелка. Она стихает, и сразу же над нашими головами повисают две осветительные ракеты. Мы мгновенно падаем, стараясь слиться с землей. Ракеты, противно шипя, гаснут, и становится темно, страшно и очень тоскливо. Я посматриваю сбоку на увереннодвигающегося Сычева, но страх не проходит.

Мы идем по самому центру ложбины, огибая высоту, где расположились гитлеровцы. Ложбина постепенно сужается. Кустов больше нет, впереди пустое место, низкая трава, кое-где вода. Тут опасно. Стоит появиться ракете, и мы как на ладони.

— Сиди жди меня, — шепчет Сычев. — Я проберусь вперед, гляну, что там делается. Сиди не шелохнись.

Он мгновенно исчезает. Я остаюсь один в полной темноте, совсем один. Сразу же мне захотелось чихнуть, кашлянуть, зачесалась спина, заныли ноги. Так прошло несколько минут. И вдруг из-за густых облаков вылезла чахлая луна, вернее ее бранные останки. Узкий серп бросил на ложнину мягкие пепельные лучи. После темноты этого света вполне достаточно, чтобы видеть. У кустов снова выросли тени и полезли в мою сторону.

Издалека слышатся шаги, спокойные, уверенные шаги хозяина. Нет, это не Сычев. А может быть, как раз он? Идет смело, значит, путь свободен.

Я приподнимаюсь на локте, собираюсь встать, вылезти из-за куста, где так уютно и удобно расположился, как сразу же застываю на месте. По тропинке идет самый настоящий фриц. Я впервые вижу врага так близко и на свободе.

Замираю в своем убежище, хватаюсь за автомат. Но стрелять нельзя, стрелять нельзя... Пусть проходит ми-

мо, Его еще убьют на нашем фронте, обойдутся без меня, пусть только проходит, я поползу вперед, чтобы предупредить Сычева.

Но фриц вдруг останавливается. Он стоит и прислушивается, стоит одинокий на блестящей поверхности травы. Я вижу все отчетливо и ясно. Вот он не спеша достает ракетницу, закладывает патрон.

Сейчас он поднимет руку, выстрелит, подзовет другого, ведь они здесь по одному не ходят, и все... Сычев где-то рядом, в траве, они его обнаружат, и тогда...

Что делать, ведь стрелять нельзя?

Я выхватываю нож, вспоминаю, как учили меня в десантной бригаде. Еще ударю не так, фриц закричит, и все пропало.

А он уже поднимает ракетницу вверх. Этого допустить нельзя.

Он стоит ко мне спиной, и его спина загоразивает весь мир. Луна медленно заходит за облако. Тут уж думать не о чем. Я выскакиваю из-за куста и со всего размаха бью его автоматом по затылку. Он издает какой-то

булькающий звук, словно пьет воду, и, как куль, оседает на землю. Я хватаю его за ноги и тащу в кусты. Он убит или тяжело ранен, мне некогда проверять. Главное — замолк надолго. Мы теперь успеем, если его не хватятся. Где Сычев? Старшина, где ты? Я выскакиваю на тропинку. Кто-то движется прямо на меня. Опять фриц? Нет, это старшина.

Я опускаюсь на землю, пот прошибает меня с головы до ног, чувствую, как рубашка прилипла к спине.

— Тут был фриц, — говорю я старшине.

— Что, кокнул? — удивляется он.

Я киваю в ответ головой.

— Мой тоже готов, — шепчет Сычев. И тут я понимаю, почему в первое мгновение принял старшину за немца. У него на голове немецкая каска. Все верно, немцы по двое ходят.

Мы идем, вернее, бежим дальше. Луна надолго спряталась, по-прежнему темно, что нам очень кстати. Уж позади большая высотка, мы миновали два вражеских патруля, полжили в траве, пережидая, пока погаснут ракеты.

И вот снова густые кусты, снова мы лежим, слушая чужую, зловеще звучащую речь. Нам надо обогнуть вот этот участок, и мы почти дома. Останется легкий кусок пути. Там, правда, минные поля, но противника мы больше не должны встретить.

Старшина дергает меня за рукав: «Поползли». Мы ползем, бесконечно долго ползем. И определяем, что хоть немного передвинулись, только по тому, что постепенно замолкает говор фашистских солдат.

Сычев поднимается, я поднимаюсь за ним.

Здесь и кусты и мины. Добротные противотанковые мины. Мы прыгаем с одной на другую. Это вполне безопасно, если, конечно, не попасть на запал. Но зато мы так полностью гарантированы от мин противопехотных. Проходит почти полчаса, пока, наконец, кончается и это минное поле. Сколько их было сегодня? Я пытаюсь вспомнить и сбиваюсь со счета. Вообще мне кажется, что мы путешествуем целую вечность, что эта ночь продолжается уже неделю — не меньше...

Мы идем во весь рост по обыкновенному лугу. Я хорошо вижу кругом. Все тихо. Сердце бьется нормально, я уже привык ко всему этому, непривычному.

— Пе-ре-шли! — громко скандирует Сычев. Он останавливается и сбрасывает с себя немецкую каску. Она катится по дорожке и исчезает в кустах.

— Тихо, — говорю я, — ты с ума сошел.

— А чего! Перешли, Алеха, перешли. Не бойся, тут сверхнейтральная полоса. С двух сторон мины, кого черт понесет, кроме нас с тобой? Помнишь ручеек? За ним как раз начинаются наши мины. Иди снова след в след. Там есть проход. Потом сигнал дадим — две зеленые, одна красная. Комбат знает, что это я. Понял?

Четыре ракеты сразу поднимаются над полем — две зеленых и две красных. Немецкие ракеты. Неужели хватились своих? Впрочем мы ушли. Хватились, хватились, дьяволы! Это уже лупят по нам. Ракеты взлетают точно по графику, и бешеный минометный огонь раскалывает тихую ночь. Ого! Заговорили и наши. Один за другим снаряды уходят в сторону вражеских позиций. Одна за другой ухают и рвутся вокруг нас тяжелые мины.

Мне, как всегда, не везет. Я упал прямо в траву и лежу под открытым небом. А Сычев забрался в большую воронку.

Очень хочется вскочить и побежать, побежать куда-нибудь подальше от этого дикого гула, от этой ожесточенной стрельбы. Мины падают, гнусно чмокая, они вгрызаются в землю, и мокрые комья ее разлетаются во все стороны, обдавая грязным потоком высокую траву.

Я лежу и злобствую, что не успел прыгнуть в воронку, где уютно расположился Сычев, что кругом воют осколки, а по теории вероятностей... Я сдавал ее на втором курсе факультативно. Последний экзамен перед войной. Говорят, нашего доцента Бавли, что читал этот курс, убило прямым попаданием бомбы, когда упала она около университета. Успел ли он оценить вероятность этого события?.. Какие глупости лезут в голову!.. Надсадно гудит — теория вероятностей, теория вероятностей...

Но вот все стихает. Гитлеровцы выпустили положенное количество мин и успокоились. Сразу в кустах заверещали какие-то птички. Вот уж кого никак не трогает война, поют себе...

Я встаю, отряхиваюсь... Тихо... Что это там Сычев задерживается? Подбегаю к воронке, падаю... Воронка широкая, хватило бы на двоих, хватило бы наверняка.

— Старшина, — толкаю я Сычева, — очнись, кончились фрицы!

Молчит старшина, молчит. Я дергаю его за рукав, кричу, забыв осторожность. Молчит старшина. Я вытаскиваю его наружу... Он дышит, дышит, жив!.. Оглушило, контузия.

Я сижу рядом с воронкой, не понимая, что же делать дальше. Мне хочется сесть и зареветь по-бабьи, в голос. Я не могу оставить его здесь и не могу тащить через минные поля. Ведь мне надо уже сейчас быть в штабе дивизии. Там лежит нерасшифрованный боевой приказ, там лежат телеграммы, там ждут меня...

Я наклоняюсь к Сычеву, расстегиваю воротник, брызгаю на лицо водой. Он дышит тихо, но очень ровно. Кажется, это называется шоком, но мне от этого не легче. Стрельба стихла, но она может начаться в любую минуту.

Я взваливаю старшину на плечи. Он не такой уж легкий, как кажется с первого взгляда. Я иду вперед, пока просто так, чтобы уйти от проклятого места. Автомат уже можно просто выбросить. Я не очень профессионально убил фашиста, испортил автомат. Выбрасываю его в сторону, вынимаю «вальтер», ставлю на боевой взвод, кладу снова в карман. Все это быстро, почти механически.

И скорее, скорее отсюда к ручью! Каждый шаг отзывается учащенным дыханием, резкими ударами сердца. Да, тяжеловат старшина... Я слышу посторонний звук. Сзади кто-то хрипит. Не сразу соображаю, что это хрипит Сычев. Ясно, в чем дело, — язык запал. Старшина может задохнуться. Я кладу безмолвное тело на траву, вытаскиваю скользкий белый язык. Хрип прекращается, и Сычев дышит теперь тихо-тихо, совсем неслышно. Я перехожу ручей и шагаю дальше. Кругом тихо. Удивительное дело — как много людей топчется обычно вокруг! А здесь, где рядом передовая, — никого. Помочь некому. А зачем мне, собственно, нести старшину на плече? Плащ-палатка — вот что мне нужно! Ведь впереди минное поле, нужно сберечь силы. Я завертываю Сычева в плащ-палатку и волоку за собой. Я, наверное, иду очень шумно, но что делать: я устал — руки трясутся, а впереди минное поле.

Я снова беру старшину на руки. То на плече, то на руках, все равно груз двойной, даже противотанковая мина может не выдержать.

Да, совсем забыл, ракеты. Надо дать сигнал. Я достаю из **кармана** старшины ракетницу и выпускаю две зеленые, одну красную.

Ракеты догорают. Я снова совсем один в этом темном мире. Теперь мне уже никак нельзя подорваться. Нас двое. И тогда ни один не дойдет.

Противотанковые мины нормальные. Саперы ставят в шахматном порядке. Это я знаю. А вдруг их ставил сапер-шутник, что тогда? Не повезло один раз, может не повезти и другой. Правда, есть теория вероятностей, но к черту теорию вероятностей. Бог не выдаст, свинья не съест. Но подорваться я сейчас просто не имею права...

Дышу уже, как паровоз, но не могу дышать тише, не могу перевести дыхание. Скоро не смогу двигаться.

А в голове надсадно гудит привычное, знакомое донельзя: «Командир корпуса приказал...» Я иду, повторяя эти строчки, они текут, отсчитывая пройденные метры и прошедшее время.

Я перемещаюсь, как самый настоящий нанатоходец. Поднял ногу, осмотрелся, аккуратно поставил ее, переместил груз на другое плечо, снова поднял ногу... И так до бесчувствия... Зачем тут столько мин? Столько металла загнали в землю. Наверное, не один год придется потом разминировать... Я останавливаюсь, переваливаю Сычева на правое плечо.

Как хорошо стоять на одном месте, просто стоять, никуда не двигаясь! Начинается подъем. Двигаться нестерпимо трудно. Но ведь и минное поле должно кончиться на подъеме...

Последние метры я беру уже одним дыханием. Добираюсь до пригорка и падаю прямо на траву.

Я кладу под голову Сычева свою плащ-палатку и ползу вперед. Палка с готовностью уходит в рыхлую землю. Ничего постороннего там нет.

Ну что же, будем считать, что мины позади. Можно идти спокойнее.

Я вынимаю любимый кортик старшины. Он липкий от крови.

Вырезаю две длинные палки — ножик острый, прекрасно режет, натягиваю на палки плащ-палатку и впрягаюсь в эти носилки. Так на Карпатах переносят раненых.

Теперь и вверх по склону не так тяжело ползти. Гораздо легче, совсем легко по сравнению с тем, когда я шел по минному полю. При каждом шорохе я опускаю носилки, останавливаюсь и хватаюсь за пистолет.

Но таких остановок становится все меньше и меньше. Я иду как хорошая лошадь: размеренно, спокойно, уверенно... И вдруг:

— Стой! Кто идет?

Голос негромкий, нерусский. Какое-то странное произношение.

Я резко сворачиваю в сторону, будто меня ударили, отаскиваю носилки, благо тут же рядом куст.

Лежу молча с пистолетом в руке.

— Стрелять буду! — добавляет голос. И я слышу лязг автомата.

Тогда я решаюсь:

— Свои, свои, не стреляй!

Получилось больно уж жалобно. Выстрелит на голос или нет?

— Кто свои, отвечай!

— Офицер связи из корпуса.

Посмотрим, что они теперь скажут. Я молчу.

Там долго перешептываются, и уже другой голос, совсем молодой, шипит:

— Фамилия?

Молчу.

— Фамилия?

Снова молчу. Тогда заговаривает тот, первый:

— Это Азнаур, знаешь меня?

— Азнаур! — кричу я. — Конечно, знаю. Я Лопухов, я тебя знаю...

Как же я по голосу не определил дивизионного разведчика, единственного рыжего грузина, виденного мной за всю жизнь!

Я выбегаю на тропинку, кидаюсь к нему в объятия. Свои, свои, Азнаур, я дома!

— Ложись! — рывкают сзади.

Разом две ракеты, и пулеметная очередь. Не спят, гады! Но ничего, теперь я у своих.

И вот я уже сижу рядом с Азнауром, и вот уже два солдата бережно забирают Сычева, и я жадно глотаю крепкий чай из котелка, и меня ведут в ближайший штаб полка.

Только сейчас чувствую, как я устал. Ноги как деревянные колоды, еле-еле могу переставлять их. Сами они уже не идут. Но я стараюсь идти быстрее, совсем быстро, чтобы только успеть.

Я плохо вижу и плохо соображаю, что происходит вокруг. Только знаю одно: время идет, шифровки лежат, а боевой приказ пока что у меня лишь в голове. Мы вскакиваем в старенькую штабную машину и мчимся куда-то дальше по извилистой лесной дороге.

Перед глазами мелькают контуры деревьев, машина виляет, как змея, протискиваясь сквозь кусты и высокую траву.

Шофер осаживает резко, так что мы чуть не падаем друг на друга.

Приехали. Я выскакиваю и оглядываюсь. Вот эту самую вершину показывал мне Сычев. Когда это все было? Вчера? Нет, еще сегодня. Сколько времени! Мои трофейные часы приказали долго жить — стекло разбито, нет секундной стрелки. Я завожу их просто так, по привычке, всматриваясь в тускло фосфоресцирующий циферблат.

— Ну что же, будем знакомиться. Майор Одинок, начальник штаба дивизии.

На правой руке майора, которую я сжимаю, нет двух пальцев.

Я спускаюсь за ним в землянку и сразу же выпаливаю:
— Товарищ майор, разрешите доложить боевой приказ штаба корпуса.

— Давайте, — говорит майор, усаживаясь за небольшим складным столиком. — Мы ведь вас уже третий час ждем. Давайте.

Наконец-то я могу выбросить из памяти, передать другому то, что держал почти целый день, повторяя почти ежеминутно. Я боюсь сбиться, говорю не очень внятно, скороговоркой. Майор часто останавливает меня, переспрашивает, записывает.

— Теперь слушайте, — говорит он.

Он читает по бумажке, а я напряженно слушаю те самые слова, что заучивали мы со старшиной, что я зашифровывал сегодня, слова запомнившегося теперь навек боевого приказа. Вроде все верно.

— Хотите проверить, сличить с шифровкой?

— Так точно, товарищ майор.

Он достает из-под лавки знакомую мне по виду потертую сумку и сразу переходит на «ты».

— Вот твои документы, располагайся, работай. Я при этой сумке вроде часового существовал, как лорд-хранитель. Окунев только мне отдал. Хороший парень ваш Окунев, жаль его.

— Сильное ранение, товарищ майор?

— Да, рана нехорошая.

Майор стоит минуту молча, о чем-то думает. Потом он проводит рукой по лицу, словно смахивая ненужные мысли.

— Вот тебе срочные телеграммы, начинай работать. Землянку твоих коллег засыпало, так что располагайся у меня. Я буду в оперативном отделе. Если надо — позови. А за телеграммами я пошлю офицера связи.

Он выходит, и я слышу приказ: собрать всех саперов — и в лощину. Готовить дорогу танкам. Времени хватит. Им времени хватит. А мне?

Я быстро проверяю все главные места боевого приказа — время наступления, координаты, наименования частей. Все верно.

Выскакиваю из землянки. У входа — часовый, за ним неясно темнеет еще одна фигура. Это офицер связи.

— Доложите майору, что все правильно, — говорю я и возвращаюсь в землянку.

Я сбрасываю ремень, расстегиваюсь, поправляю фитиль бензиновой горелки и врубаюсь в телеграммы. Так голодный набрасывается на пищу. Их целый ворох, этих телеграмм. Важные, срочные, особо важные. Я разделяваю их по очереди, дежурный только успевает принимать через дверь, отправлять, прибегать снова. Я не знаю, который час. Да и ни к чему знать про время, когда столько работы, когда я передаю донесения к нам, туда, где Валька, где Новиков, докладываю, что все в порядке, что я здесь, что мы готовы...

Тишина сменяется грохотом, а шифровок все меньше и меньше.

И вот я один, и у меня нет работы, и под головой у меня сумка, и меня здесь больше нет. От постеленных в углу еловых веток так хорошо пахнет, пахнет смолой, свежим лесом, уютно, по-домашнему...

Я просыпаюсь, как мне кажется, тут же. Даже ни одного сна не успел увидеть. Зачем меня разбудили так скоро, зачем кто-то трясет меня за плечо?

Мычу, протираю глаза, сажусь на постели.

Ой, сколько народу набегало! Только откуда тут Власенко и Скворцов? Пробились, ура!

Я вскакиваю и обнимаю подполковника. Пусть попробует сказать, что это не по уставу, пусть попробует только...

— Смотри, — кричит Скворцов, — я-то боялся, что ты не пройдешь! Тут смена приехала, начальник твой все телефоны оборвал, требует тебя обратно. А может, останешься тут у майора Одинокова? Фриц-то удра! так далеко, что его и не скоро догонишь. А лучше всего тебе к Власенко пойти, заместителем по минным полям, благо и попутчик твой жив-здоров, очухался! Ну так как, остаешься? А мы за тебя отступного возьмем, не волнуйся!

Он смеется, и все кругом смеются, и я смеюсь так, как никогда еще не смеялся за всю свою жизнь.

В предыдущих главах рассказывалось о том, как советский разведчик-чекист, работающий в гитлеровской Германии под маской хауптштурмфюрера СС Артура Линдемана, опираясь на поддержку подпольщиков - антифашистов, решает взорвать сверхсекретный подземный завод, производящий важные детали для так называемого «тайного оружия» гитлеровцев. Но внезапно Артур попадает в поле зрения матерого фашистского контрразведчика Кройцера — агента по особым поручениям главного управления имперской безопасности.

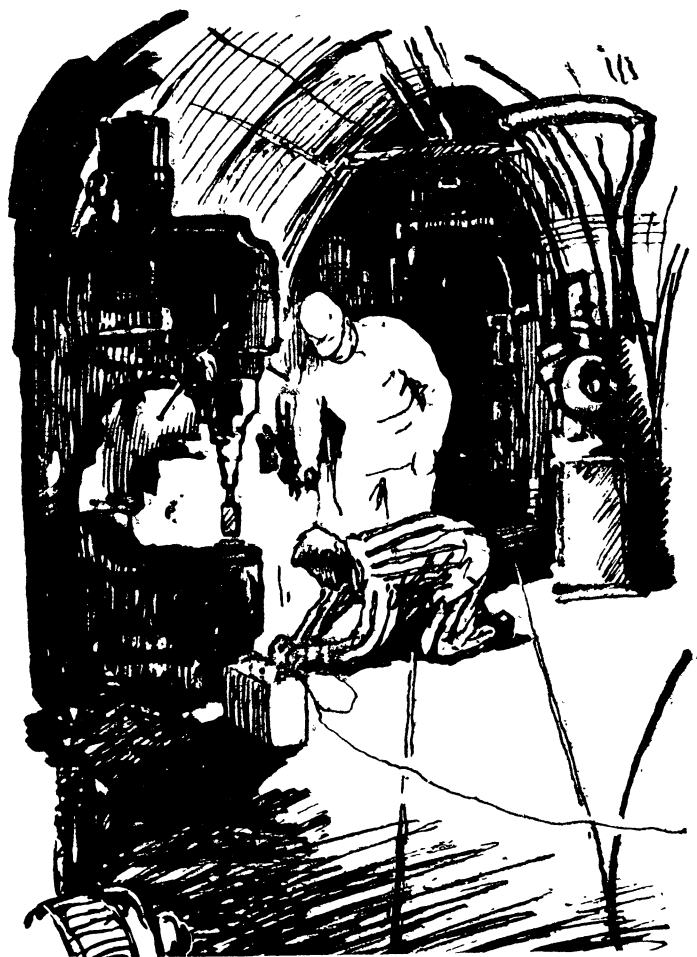
Заместителя коменданта лагеря Бема Артур знал уже девять лет. В 1934 году Бем был бравым полицейским и обычно стоял на посту возле резиденции «маленького канцлера» Австрии Дольфуса на площади Бальхаусплац в Вене. Бем был одним из тех, кто беспрепятственно пропустил в здание нацистских заговорщиков. После убийства Дольфуса многим из них пришлось бежать из Австрии в Германию, но Бему как-то удалось скрыть свою причастность к преступлению, и он продолжал служить в венской полиции. В Маутхаузене он находился уже три года и был весьма доволен своей работой.

Окончание. Начало в предыдущем выпуске.

В. МЕНЬШИКОВ
В. ГАЕВСКИЙ

СТАВКА — ЖИЗНЬ

Повесть

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Дело в том, что Бем отвечал за распределение узников Маутхаузена по различным предприятиям военной промышленности рейха. Концлагерь имел свои филиалы рядом с промышленными объектами. Один такой филиал находился неподалеку от завода Шисля.

Хозяева заводов с удовольствием брали к себе рабов «третьего рейха». За каждую голову на банковский счет СС нужно было переводить весьма умеренную сумму. Правда, во всем этом был один недостаток: за одни и те же деньги можно было получить молодого парня или старика, полуграмотного чернорабочего или токаря высокой квалификации, уголовника или старательного крестьянина.

Бем был бы последним идиотом, если бы не использовал своего положения. Когда к нему приезжал представитель какой-нибудь фирмы за новой партией заключенных. Бем принимал его обычно на следующий день. За это время он тщательно проверял данные о фирме, ее мощности, основном и оборотном капитале. Лишь после этого Бем окончательно решал, какие суммы за «посредничество» он может потребовать от той или иной фирмы. Бем отлично понимал, что он балансирует на очень тонкой проволоке, и, если ее чересчур натянуть, она может оборваться. Поэтому свои «пожелания» к фирмам он выставлял всегда совершенно конкретно и в разумных пределах.

Приезд Линдемана был крайне неприятен для Бема, поскольку уполномоченный СС, как было сообщено в шифрованной телеграмме из Мюнхена, приехал отбирать рабочую силу для ряда объектов, производящих секретное оружие. А это значило, что в данном случае за «посредничество» ничего не получишь.

Мрачные предположения Бема с самого начала полностью подтвердились. Бем помнил Линдемана еще по подпольной национал-социалистской группе в Вене. Но тогда это был типичный студентик с довольно занозистым характером, а теперь перед Бемом сидел, развалившись в кресле, ярко выраженный тип партийного бонзы.

Вначале Бем собирался провести разговор чисто по-семейному, у себя дома, после обильного угощения. Но теперь, глядя на эту «столичную штучку», он порядком оробел. Кто их там знает, у кого в берлинских приемных вот такие парни, как Линдеман, околачиваются. Ясно одно: Линдеман заберет у него лучший товар, и за это он, Бем, не получит ни пфеннига.

Наблюдая за эмоциями, четко отражавшимися на хитроющей физиономии Бема, Линдеман решил несколько изменить предварительные намеченную тактику. Он не ждал, что его приезд произведет на Бема такое ошеломляющее впечатление.

— Послушай, Густль, — просто, по-приятельски сказал Артур («Значит, помнит, что меня зовут Августом», — радостно подумал Бем), — я не ожидал, что ты меня так встретишь. Думал, приеду, здесь меня ждет и доброе вицо из подвалов Эстергази и какой-нибудь венский деликатес. Ведь ты всегда был не дурак поесть и выпить! А вместо этого ты меня держишь в своей занюханной чиновничьей дыре.

Такой поворот дела позволял на что-то надеяться! Бем стремительно вскочил, собираясь немедленно увести Артура к себе домой.

— Нет, нет, — сказал Линдеман, — иди домой сам. У тебя наверняка ничего не готово, старый скряга. А я пока посижу здесь и полистаю списки твоих подопечных.

Артуру предстояло отобрать для работы на военных объектах пятьсот заключенных, обязательно включив в их число восемь узников, список которых Артур получил от Клемпнера. Это были люди, рекомендованные подпольной организацией лагеря.

Бем отвел Артура в комнату, где хранились голстые, аккуратно переплетенные списки всех узников, и поспешил к себе домой, сообщив Артуру, что вернется за ним через два часа.

Все списки заключенных были составлены с немецкой аккуратностью: личный номер узника, его имя, фамилия, год и место рождения, национальность, профессия. Артур достал список, полученный от Клемпнера, и проверил его по всем папкам. Да, включение подпольщиков в число пятисот узников не могло вызвать никаких подозрений, поскольку все восемь человек имели технические специальности, и их направление на промышленные объекты было вполне оправданным.

Бем буквально лез из кожи, чтобы угодить Артуру. Стол был уставлен винами разных сортов и всевозможными деликатесами. Заботливо, как родного брата, Бем угощал Артура триестскими анчоусами, копченой салакой из Росток, консервированным паштетом из гусиной печени, венгерской колбасой «саламями», старательно наливая в большие бокалы отличное сухое вино «Нактарш». Наконец денщик подал кофе и «арманьяк». Бем окончательно захмелел и не замечал, с каким трудом Артуру удавалось делать вид, что он поглощен пиршеством.

Ведь в каких-нибудь пятистах метрах от него томились тысячи жертв проклятого варварского режима, безымянные герои, которые даже в этих нечеловеческих условиях боролись за победу, за свободу, за жизнь для других.

Именно в этом лагере гитлеровцы заставили узников построить «тропу смерти» — лестницу в тысячу ступеней, прорубленную в скале и круто спускавшуюся вниз к каменоломням. Артур знал, что за малейшую провинность или просто от скуки эсэсовцы сталкивали узников, таскавших на себе пудовые камни, с лестницы вниз, в ущелье. Здесь, в этом лагере, существовал «русский барак», в котором находились сотни пленных офицеров Красной Армии — его, Артура, братьев, для освобождения которых он был готов пойти на все.

Артур с ненавистью посмотрел на узкую, лисью физиономию Бема. И вот этот тоже, наверно, сталкивал с «тропы смерти» и натравливал на заключенных громадных черных овчарок. А он с ним должен пить и есть награбленную еду! В эти минуты Артур порывался в открытую сразиться с гитлеровцами. Что же, у него черный мундир и самые настоящие документы, парабеллум в кобуре и маленький браунинг в заднем кармане брюк. Внешне он такой же, как и эти, в черной эсэсовской форме. И все же он вынужден держать себя в железных руках. Он борется с нацистами в темноте, неожиданно нанося удары с разных сторон.

А те, за колючей проволокой, они не скрывают, что ненавидят нацизм и его слуг. Враги столкнулись лицом к лицу — без улыбок, без шуток, насмерть, до конца! У них нет оружия и документов, но они борются и уходят в бессмертье.

Подпольная организация здесь, в лагере! Он даже не знает, да и не имеет права знать их имена. Ему только известно, что руководят организацией русские. И ему становится легче на душе: ведь и он частица этого великого народа, совершившего три революции, выстоявшего против интервентов Европы и Америки и вот теперь ломавшего хребет коричневому зверю!

Вернувшись к себе в комнату, Артур перечитал полученную от Клемпнера записку. «У нас новичок. Утверждает, что был в Пенемюнде. Во время бомбежки проник в здание ученых и достал из сейфа секретный документ. Содержание прочесть не успел. Документ в тайнике на Пенемюнде Одиннадцатый километр дороги, опушка соснового леса, пять камуфляжных домиков, третий дом от дороги, в подвале, в правом углу металлическая фляжка». Артур сжег записку и погасил свет.

На следующее утро списки отобранных узников были уже отпечатаны. Артур быстро их пробежал, чтобы убедиться в том, что все восемь человек в них включены.

Бем проводил Артура до самой машины. Уже усевшись за руль и заметив вопросительный и немного обиженный взгляд Бема, Артур сообщил ему, что хозяева шести объектов узнают от него, кому они должны быть благодарны за столь качественную рабочую силу.

Через Линц и Зальцбург Артур доехал до Мюнхена и оттуда сразу же вылетел в Берлин: нужно было спешить в Пенемюнде за документом.

Прямо с аэродрома Артур на такси поехал в Груневальд к своему тестю Бингелю. Тогда в 1938 году родители Элизабет довольно легко согласились на ее брак с Артуром, хотя он не был человеком их круга и достатка. Но коммерциальрат Бингель, хорошо разбиравшийся в людях, прекрасно понимал, что этот молодой доктор-инженер, да к тому же заслуженный член национал-социалистской партии, далеко пойдет. Бингель несколько раз встречался с профессорами Артура, и они подтвердили, что у молодого человека блестящие способности и, если бы не его увлечение политикой, он мог бы стать весьма неплохим ученым.

Две недели за Артуром неустанно наблюдал специально нанятый Бингелем частный детектив, но и он не смог установить чего-либо компрометирующего Артура. Никаких кутежей, посещений злочных мест и девиц с Алекса*. Квартирная хозяйка Линдемана, правда, не столь лестно отзывалась о своем жильце. Но такие ее упреки в адрес Артура, как «скупой», «чересчур молчалив — никогда с ним ни о чем не поговоришь», «недоверчив — всегда проверяет счет за электричество», на Бингеля произвели прекрасное впечатление.

* А л е к с (сокр.) — Александерплатц — площадь в Берлине,

В свое время он самостоятельно выбился в люди, прызда с помощью приданого жены, и высоко ценил такие качества, как бережливость, расчетливость, пусть другие и называли это скупостью. В общем для Артура был необходим легкий стартовый толчок, а потом — в этом видный финансист и владелец крупных цементных заводов Бингель не сомневался — Линдеман сумеет прийти к финишу значительно раньше других.

Для молодоженов Бингель купил тут же в Груневальде довольно большую квартиру, но конец недели они всегда проводили у стариков, у которых по субботам собирались солидные банковские тузы, представители мощных промышленных концернов и высокопоставленные чиновники из министерства Тотта, от которых зависели военные заказы. Артур с удовольствием ходил на эти встречи в узком кругу, но держался всегда в тени.

Старик Бингель был очень доволен таким поведением зятя, который воплощал собой живой упрек давним знакомым и приятелям Бингеля, чьи молодые огпрыски предпочитали играть на скачках на ипподроме в Карлсхорсте или уезжали развлечься в Гамбург на Репербан*.

Брак принес Артуру свои радости. Он искренне полюбил Элизабет. В те дни Артур сообщал своим руководителям о том, что он вот уже пять лет, как покинул родину, надвигаются грозные дни, все идет к войне и его место здесь, в зверином логове, а брак ни в коей мере не помешает работе. Наоборот, родство с семьей Бингеля открыло перед ним до того недоступные двери самых высших сфер имперской столицы. В Центре согласились с его доводами, а его берлинский руководитель самым тщательным образом инструктировал Артура в отношении домашнего поведения — ведь теперь на него всегда смотрели любящие, но внимательные глаза жены.

Через восемь месяцев после свадьбы Элизабет вместе со своей двоюродной сестрой отправилась на маленьком двухместном «форде» в Дессау — им захотелось побывать там в новом здании оперного театра и заодно заехать в небольшой городок Цербст осмотреть дворец, в котором выросла будущая русская царица «Катрин ди цвайте» — Екатерина Вторая.

Возвращаясь из Дессау в Берлин, Элизабет и ее кузина ехали по автострате Лейпциг — Берлин. У шедшего навстречу «форду» по другой полосе автостраты военного грузовика внезапно спустила камера, шофер потерял управление, машина на большой скорости пересекла зеленую полосу травы, разделявшую обе части автостраты, и врезалась в «фордик».

После того трагического дня мать Элизабет резко сдала, а коммерциальрат Бингель стал еще более надменным и неприступным. Однако его привязанность к Артуру усилилась, так как тот оказался однолюбом и новой жены себе не искал.

По рекомендации кузена тестя — генерального директора «Сименс-Шуккерт» — Линдеман был принят в СС. Учитывая

* Репербан — улица в Гамбурге, известна своими притоками.

его образование, но самое главное — связи и протекции, Артуру было сразу присвоено офицерское звание унтерштурмфюрера СС.

Уже в то время Гиммлер стремился к тому, чтобы поставить под контроль СС все секретные работы, которые велись в гитлеровской Германии над различными видами оружия. Осуществить это было трудно, так как различные ведомства, руководившие секретными работами, — к ним относились министерство Тодта, военно-воздушные силы, а также различные частные компании, — всячески сопротивлялись тому, чтобы руководство было сконцентрировано в одном месте.

Осуществить свое стремление Гиммлер сумел только в августе 1943 года, а до этого рейхсфюрер СС использовал все рычаги своего мощного аппарата, чтобы иметь полное представление о всех работах над «оружием возмездия». В 1940 году при личном штабе Гиммлера была создана небольшая группа, в которую были включены люди с технической подготовкой и связями в германской промышленности. В состав этой группы был включен и Линдеман. Такое положение Артура очень устраивало его тестя Бингеля и тех, кто стоял за ним: хозяева германской экономики продвигали на различные посты в «черном ордене» своих людей, чтобы ни на минуту не выпускать из-под своего контроля громадный полицейский аппарат Гиммлера. Именно таким человеком Бингель считал Артура. Кроме того, на Линдемана возлагалась задача получать для Бингеля различные сведения, которые можно было использовать в ожесточенной борьбе с конкурентами — представителями других группировок германской промышленности. И пока Артур выполнял эти задачи, он все время чувствовал мощную поддержку Бингеля.

После смерти жены Артур почти не заходил в квартиру, где недолго продолжалось его семейное счастье. Он все время находился в разъездах, а во время своих коротких посещений Берлина всегда останавливался у Бингелей, как и в этот раз после поездки в Маутхаузен.

В Берлине Артура ждало новое срочное задание Москвы, связанное с секретными работами нацистских ученых в области ядерной физики, о которых Линдеман ранее уже информировал Центр. Поэтому в Пенемюнде пришлось послать участника группы, которую возглавлял Артур, Хайнца Метцгера, работавшего спортивным инструктором в школе «гитлерюгенд».

В армию Хайнца не брали, так как у него не было одного глаза. Никто, конечно, и не подозревал, что в 1931 году глаз был потерян двадцатидвухлетним чекистом в бою с кулацкой бандой, действовавшей в полесских болотах.

Хайнец был невысоким, стройным и очень сильным человеком с незаметными, плохо запоминающимися чертами лица. Раньше он носил черную повязку, но потом вставил себе искусственный глаз.

Встретились они на Курфюрстендамм, неподалеку от собора. Артур в сжатых, четких фразах изложил Хайнцу задание, пере-

дал ему пропуск для посещения закрытой территории Пенемюнде и в заключение сказал:

— Я не исключаю, что вся история с тайником — провокация, поэтому, прежде чем идти к камуфляжному домику, внимательно изучи местность вокруг — нет ли там скрытых постов наблюдения. В случае угрозы действуй по-чекистски. Если потянешь за собой хвост, разрешаю использовать экстренный вариант. Но выхода нет — документ из тайника доставить надо, слишком важным объектом является для нас Пенемюнде.

Крепко пожав друг другу руки, они разошлись в разные стороны.

По приказанию Кройцера в сосновом бору солдаты оборудовали два бункера. Их замаскировали самым искуснейшим образом. С помощью оптических приборов наблюдатели, сидевшие в бункерах, круглосуточно просматривали подходы к домикам. Бункера были соединены телефонной связью с группами наблюдения, которые находились во всех местах выезда из Пенемюнде.

Солдатам, посменно отсиживавшим в бункерах, смертельно надоело это занятие; они бы с удовольствием сыграли в скат за кружкой пива, но каждый раз, когда кому-нибудь из них приходила в голову эта мысль, он тут же ее отгонял, вспоминая леденящий взгляд Кройцера, который перед отъездом в Берлин лично проинструктировал всех солдат-наблюдателей. Не спускал с них глаз и оставленный Кройцером фон Борзиг.

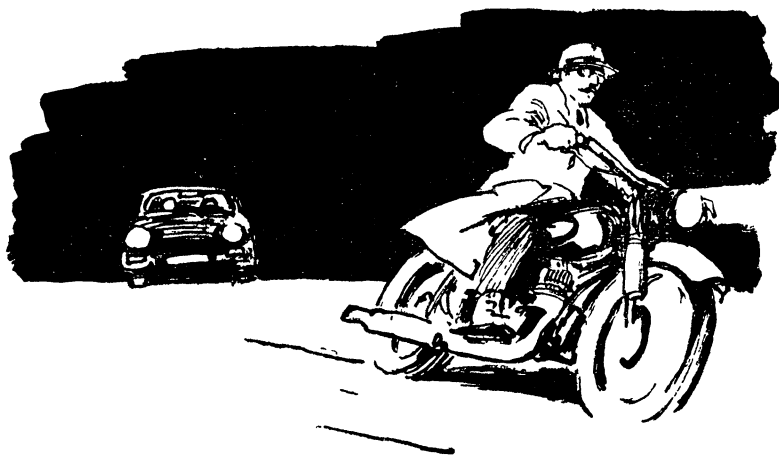
Тот, кого они ждали, приехал только через две недели. Наступали уже сумерки, когда на дороге, ведущей к домикам, послышался треск мотоцикла. В свои перископы с мощными увеличительными линзами солдаты увидели, что, не доезжая метров триста до домиков, мотоциклист, одетый в светлый плащ и светлую шляпу, свернул направо по узкой дорожке в лес, оставил мотоцикл и пошел в направлении второго бункера.

Человек в светлом плаще довольно долго бродил по лесу, но, очевидно, ничего подозрительного не заметил, так как наблюдатели из второго бункера увидели, как он зашел в третий дом от дороги.

Через пять минут неизвестный вышел из домика и направился в лес к своему мотоциклу. Раздался треск заведенного мотора, и по телефону полетело сообщение: «Объект движется в направлении юго-восточного выезда из Пенемюнде. Приметы: невысокий рост, очки, темные усы, светлый плащ и шляпа».

Ни в лесу, ни в самом домике Хайнц не заметил ничего подозрительного. Несмотря на это, у него было какое-то неясное чувство тревоги. Как и говорил ему Артур, старая фляжка лежала в углу подвала. Он быстро достал из фляжки два тонких листка бумаги, свернул их и спрятал в портсигаре с двойным дном. Хайнц еще раз проверил пистолет, переложил его в левый боковой карман пиджака и вышел из барака.

Кругом было тихо. Шоссе казалось совершенно пустынным. Хайнц быстро завел мотор и на бешеной скорости помчался к юго-восточному выезду из Пенемюнде. Выехав с территории

объекта, он устремился по дороге, ведущей в Росток. Стало совсем темно. Оглянувшись, Хайнц заметил, что позади него на большом расстоянии светились фары автомашины. Он свернул на обочину дороги и остановился. Легковой автомобиль промчался мимо. До Ростoka Хайнц ехал очень медленно, но сзади все время то появлялись, то исчезали огни автомашин, которые сопровождали его до самого города. Это было плохо. Хайнц пропетлял еще минут двадцать по тихим улицам спящего города. Казалось, все было спокойно, но продолжать езду было нельзя: его мог в любой момент остановить полицейский патруль.

В тихом переулке, неподалеку от вокзала, Хайнц оставил мотоцикл — ехать на нем в Берлин не имело смысла — и пешком прошел в здание вокзала. Там он купил билет в общий вагон поезда, отправлявшегося в Берлин в четыре часа утра, и все оставшееся до отхода поезда время пробродил по городу.

В вагоне было почти пусто. Соседкой Хайнца по купе оказалась пожилая полная женщина, которая при виде Хайнца придвинула к себе коробки и чемодан. Хайнц почитал вечернюю газету, купленную на вокзале, и вышел в коридор. Его мрачные предчувствия подтверждались. В проходе через два купе от Хайнца стоял какой-то тип средних лет и читал газету. Внешне он весьма смахивал на обычного полицейского «шпитцеля», каких Хайнц много повидал на своем веку.

Хайнц снова зашел в свое купе. Его соседка спала, привлекаясь к спинке сиденья. Через полчаса Хайнц снова вышел из купе. Тип, читавший газету, исчез, но вместо него в проходе стояла молодая парочка, оживленно болтавшая о чем-то и, ка-

залось бы, не обращая на Хайнца ни малейшего внимания.

В Берлин поезд прибыл после обеда. Туннелем Хайнц вышел в город. Теперь у него не было сомнений: он попал под наблюдение. Хайнц достаточно хорошо знал приемы гестаповских ищеек, но на этот раз наблюдение велось квалифицированно. Его отпускали на большое расстояние, шли за ним параллельными улицами, а когда Хайнц сел в такси, то вскоре обнаружил, что за ним, непрерывно меняясь, шли по меньшей мере три машины.

Главное, надо было протянуть до семи часов вечера. Только бы они не решили задержать его. К этому Хайнц уже приготовился. Нажим на кнопку портсигара — и гестаповцы не смогут взять его живым. Но выдержка, выдержка! Артур должен получить документ во что бы то ни стало. Уже полседьмого. Теперь можно действовать. Хайнц расплатился с водителем

такси, немного побродил по универсаму и сел в трамвай, шедший в берлинский район Целендорф. В трамвай за ним никто не зашел, но это ровным счетом ничего не значило. Конечно, они тянутся за ним на машинах.

«Около семи часов вечера объект наблюдения, наконец, посетил первый адрес: небольшой двухэтажный дом с одним подъездом», — доносили в РСХА по радиотелефону агенты Кройцера.

Памятуя указания хауптштурмфюрера, «шпитцели» не стали заходить в подъезд, да это и не имело смысла, так как в доме было максимум шесть квартир и установить, в какую из них зашел человек в светлом не по сезону плаще, не представило бы никакого труда. «Шпитцели» с облегчением вздохнули, увидев, как через полчаса объект снова вышел на улицу все в том же плаще и шляпе, ведя на поводке нетерпеливо повизгивавшего фокстерьера. Значит, он живет в этом доме. Это уже была удача!

Группа наблюдения следовала за объектом, но два «шпитцеля» остались на всякий случай у его дома. Руководитель группы сообщил Кройцеру по телефону, что домашний адрес объекта установлен.

Кройцер прибыл к дому через четверть часа на маленьком, незаметном «оппель-олимпии». Еще сорок минут понадобилось ему, чтобы убедиться в том, что эти болваны-«шпитцели», да и он с ними вместе, одурачены: дворник, оказавшийся давним агентом гестапо, клялся, что дважды за день видел герра Аксмана, то есть типа в светлом плаще. утром, когда тот шел на работу, и в полшестого, когда он, как всегда минута в минуту, возвращался из своей конторы

Директор конторы, которого пришлось вытаскивать из постели, подтвердил, что бухгалтер Аксман весь день провел в конторе и нигде не отлучался. В политическом отношении, объяснял директор конторы, испуганно моргая заспанными глазами, герр Аксман вне подозрений: старый пеге, фанатически предан фюреру, неоднократно просился в армию, и, если бы не язва желудка...

Лицо Кройцера еще больше побледнело от бешенства: его впервые так обвели вокруг пальца, и он не стал устраивать разнос попавшим в просак «шпитцелям». Теперь можно было легко установить, как все произошло: русский разведчик — в том, что это русский, Кройцер не сомневался, — очевидно, заранее подобрал себе двойника, который об этом и не догадывался, хорошо изучил режим дня двойника и блестяще это использовал.

На чердаке он дождался, пока двойник уйдет гулять с собакой, а затем через подвал по канализационной шахте пробрался в подземный канал, проходивший под всем огромным городом.

Теперь, через два часа, искать его не имело смысла. Тем не менее Кройцер загнал «шпитцелей» под землю и заставил их прошупать все уголки, но обнаружить ничего не удалось. Кройцер приказал немедленно изготовить словесный портрет ускользнув-

шего разведчика и раздать его всем полицейским, привратникам и многочисленной агентуре гестапо. Но надежд на успех было мало: одежду разведчик безусловно сменил, а усики и очки — конечно, это была только временная маскировка под двойника.

И все же шансы на успех не были окончательно потеряны. У Кройцера в руках был главный козырь — документ из тайника. В документе речь шла о новом секретном оружии, названном гитлеровцами «Помпой высокого давления». Правда, автор документа дал проекту уничтожающую характеристику, но русские разведчики, прочитав документ, наверняка попытаются проникнуть на объект, где создавалось это оружие. Значит, теперь он, Кройцер, должен уделить максимум внимания «Хохдрук-пумпе».

ГЛАВА VIII. БУМЕРАНГ

Проект крупнокалиберной батареи, носившей условные названия «Хохдрукпумпе» («Помпа высокого давления»), «Таузенд-фюслер» («Тысяченожка») и «Фляйсигес Лисхен» («Прилежная Лиза»), был любимым детищем фюрера. Неудавшийся архитектор страдал гигантоманией. Гитлер признавал только громадные здания, высоченные потолки, двери в четыре человеческих роста, колоссальных размеров арки и колонны победы, бесконечные площади с марширующими по ним гусиным шагом отборными дивизиями. Поэтому странная и гигантская конструкция «Тысяченожки» полностью удовлетворяла вкусам фюрера и считалась «оружием возмездия номер гри» наряду с ракетами и управляемыми самолетами-снарядами.

Батарея «Тысяченожка» представляла собой пять параллельных стволов, длиной в сто пятьдесят метров каждый. Под углом примерно в шестьдесят градусов в глубь земли была вырыта шахта, в которой и должны были укладываться эти стволы. Снаряд длиной в два с половиной метра и калибром в пятнадцать сантиметров должен был двигаться по стволу с непрерывным ускорением благодаря шестидесяти взрывным камерам, которые были расположены по ходу ствола на определенном расстоянии друг от друга. Предполагалось, что такой снаряд, выпущенный «Тысяченожкой», должен был пролететь расстояние в сто шестьдесят километров — дистанция, вполне достаточная, чтобы «Прилежная Лиза», установленная на северном побережье Франции, могла обстреливать Лондон.

Именно об этом проекте шла речь в документе, полученном Артуром от Хайнца:

«Начальнику партийной канцелярии, бригаден-фюреру СС рейхслейтеру М. Борману.

Б е р л и н.

Касается проекта «А-4» и «Хохдрукпумпе».

Составитель: проф. Озенберг, руководитель службы планирования имперского научно-исследовательского совета.

Считаю своим долгом и обязанностью обратить Ваше внимание, глубокопочтимый герр рейхслейтер, на проект «Хохдрукпумпе», который в настоящее время осуществляется в соответствии с приказом фюрера. По моему глубокому убеждению, этот проект, однако, является глубоко ошибочным. В первую очередь я имею в виду конструкцию стволов, форму снарядов и неэкономичное использование взрывчатого вещества. На основании этого я позволю себе сделать вывод о том, что крупные затраты рабочей силы и квалифицированного персонала для осуществления данного проекта нельзя считать оправданными. (Только лишь на строительстве в районе Па-де Кале занято пять тысяч высококвалифицированных рабочих!)

Наряду с осуществляемым в Пенемюнде проектом «А-4» проект «Хохдрукпумпе» является вторым по масштабам крупнейшим мероприятием, проводимым в рамках создания различных типов «оружия возмездия», которого с такой уверенностью ждет наш народ. Однако из-за неспособности некоторых руководителей результаты этой работы практически сводятся к нулю.

Ход войны и забота о судьбах нашего народа побуждают меня выступить со столь суровой критикой.

Проф. д-р Озенберг».

Артуру было известно, что профессор Озенберг лично возглавлял все научные исследования «третьего рейха», поэтому мнение Озенберга было, очевидно, достаточно авторитетным.

Работы по строительству «Хохдрукпумпе» велись в таком секрете, что Артур имел об этом проекте самое общее представление. Теперь, после получения копии письма Озенберга, ему стало совершенно ясно, что «Тысяченожкой» нужно будет заняться как следует и уделить ей самое пристальное внимание.

Вначале, прочитав документ, Артур был несколько разочарован. Хайнцу пришлось пойти на смертельный риск — ради вот этих двух тонких листов бумаги, представляющих собой, возможно, результат чьих-то интриг в научном мире, выражение зависти со стороны Озенберга и тех, кто стоял за ним, в связи с тем, что фюрер уделял незаслуженно большое внимание проекту «Тысяченожки», вместо того чтобы сконцентрировать все силы и средства на развитии и создании оружия будущего — ракетах...

И все-таки над письмом стоило подумать!

Итак, автор письма Борману профессор Озенберг считает, что «Помпа высокого давления» — бесперспективный проект и действовать не будет из-за грубейших конструктивных просчетов! С другой стороны, над проектом «помпы» работают по приказу фюрера. Озенберг явно намекает в письме, что работа над проектом ведет к распылению средств и рабочей силы, а это не позволяет более эффективно и быстро создавать ракетное оружие. Следовательно, он, Артур, должен всячески содействовать ведению работ по созданию «Тысяченожки», мешая тем самым производству ракет. Да, но где гарантия, что «помпа» такой уж безнадежный проект?

Может быть, Озенберг — обычный завистник, какие встречаются в ученом мире, и просто стремится подложить свинью кому-то из врагов? Может быть, проект на самом деле представляет собой оружие страшной разрушительной силы и с помощью «помпы» гитлеровцам действительно удастся разрушить даже такой большой город, как Лондон? Ведь работы ведутся, средства — и немалые — расходуются неужели только ради того, чтобы угодить фюреру, обожающему все грандиозное?

Но это одна сторона вопроса. Другая — как на самом деле попал документ в тайник? Сделал ли это подпольщик? Или все это провокация гестапо? За Хайнцем велось наблюдение, но не ст тайника! Ведь там «у фальшивых бараков» Хайнц ничего подозрительного не обнаружил. Наблюдение за собой он заметил только уже за пределами Пенемюнде. Значит, тайник ни при чем? Нет, в такой ситуации нужно исходить из самого худшего. Предположим, подпольщик-провокатор и заложил копию документа в тайник по заданию ищеек из контрразведки. Но почему документ именно такого интригующего содержания? Или этот подпольщик — честный человек, но люди из абвера или гестапо обнаружили тайник, а документ оставили в нем в виде приманки? А может быть, они заменили документ? Нет, вряд ли. Ведь они должны считаться с тем, что тот, кто клал документ в тайник, знал его содержание, а тот, кто получил документ, может все это перепроверить..

Или другой вариант: абверовцы либо гестаповцы, придумавшие такую комбинацию, не придали значения документу или, наоборот, тоже не верят в эффективность «Тысяченожки», но хотят заинтересовать ею разведку противника? И ведь они правы, черт возьми! Он, Артур, действительно чувствует себя заинтригованным. Но совершенно ясно одно: ракеты — это страшная угроза, значит, нужно всеми силами мешать их созданию. Не исключено, что «Тысяченожка» даст такую возможность, но нужно убедиться на сто процентов в том, что этот проект — мертворожденное дитя.

Только под утро, после долгих и мучительных размышлений Артур твердо и окончательно решил отправиться во Францию, в то место, где в это время лихорадочно строилась «Помпа высокого давления».

Для Линдемана не составило бы особого труда добиться командировки на север Франции на строительство объекта, но после того, как Хайнц попал под наблюдение, необходимо было организовать поездку как-то по-другому. Лучше всего было бы, пожалуй, если бы инициатором этого путешествия стал его тесть Бингель. Да, конечно, Бингель. Ведь он владелец двух цементных заводов, а строительство «помпы» требует тысячи вагонов высококачественного цемента. Странно, правда, что Бингель не получил этот выгоднейший заказ. Надо поинтересоваться, в чем причина того, что старика обошли, тем более что это прямой семейный долг Артура.

Когда несколько лет тому назад Бингель продвинул Артура в СС, он заботился не только о карьере для зятя. Финансово-промышленные группировки стремились иметь на ключевых постах громадного аппарата гитлеровской Германии своих людей.

Главное внимание уделялось тем, кто занимал выгодные, с точки зрения промышленников, посты в министерстве Тодта, в штабе Гиммлера, в ОКВ, в ведомствах, отвечавших за распределение дефицитного импортного сырья. Для этого в ход были пущены обычный шантаж, взятки, женщины, передача чиновникам акций предприятий.

Таким вот образом группировка, в которую входил и сам Бингель, смогла привлечь на свою сторону нескольких руководящих чиновников гитлеровского рейха.

Но основные дела вершились без посредников. С этой целью и был создан клуб для строго ограниченного количества людей — «Кружок друзей рейхсфюрера СС Гиммлера».

В апреле 1932 года Гитлер встретился в своей берлинской штаб-квартире «Кайзерхоф» со старым пеге и промышленником Вильгельмом Кеплером — потомком знаменитого астронома — и поручил привлечь к сотрудничеству с нацистской партией наиболее видных деятелей финансового и промышленного капитала.

Кеплер рьяно взялся за работу и вскоре представил Гитлеру список из двенадцати человек, готовых оказывать всевозможную поддержку фюреру в борьбе против коммунизма. Среди них были такие величины, как Яльмар Шахт, руководители «Стального треста» Штайнбринк и Феглер, председатель наблюдательных советов «Германо-американского нефтяного общества» и концерна «Хапаг» Хельферих, граф фон Бисмарк-Шенхаузен, кельнский банкир барон фон Шредер, генеральный директор концерна «Сименс-Шуккерт» Рудольф Бингель и другие сильные мира сего.

Эти денежные воротилы активно содействовали приходу Гитлера к власти, и, став в январе 1933 года канцлером Германии, он назначил Кеплера «уполномоченным фюрера по экономическим вопросам».

Заботу о своих фактических хозяевах Гитлер поручил Гиммлеру. Так появился на свет «кружок друзей рейхсфюрера СС», в который поспешили вступить многие промышленники и эсэсовские главарь. Рачительный хозяин встречался со своими друзьями дважды в месяц, каждую вторую среду, в берлинском «Доме летчиков» или в нюрнбергском «Гранд-Отеле» во время проходивших там съездов нацистской партии.

В знак глубочайшей признательности за такую заботу члены клуба ежегодно переводили на банковский счет СС один миллион марок, а благодарный Гиммлер присваивал своим друзьям почетные чины оберштурмбаннфюреров, бригаденфюреров и штандартенфюреров СС.

Тесть Артура Бингель не являлся настолько крупной фигурой, чтобы стать членом клуба и другом Гиммлера, но зато видную роль в «кружке друзей» играл его родственник — Рудольф Бингель. Через него-то и удавалось тестю Артура проворачивать различные выгодные сделки. Цемент с заводов Бингеля шел на строительство различных объектов первостепенной важности — строительство комплексов в Пенемюнде, сооружение подземных заводов под Штассфуртом, изготовление бункеров для штаб-квартир фюрера в Восточной Пруссии и под Винницей. Соблю-

дая родственные интересы, Артуру удалось в свое время побывать на многих из этих объектов, о чем Москва получила затем подробные сообщения.

К своему удивлению, Артур узнал, что его тестя не привлекали к строительству батарей «Хохдрукпумпе». Нужно было срочно обратить внимание Бингеля на эту вопиющую несправедливость.

Они ужинали вдвоем, как всегда при свете свечей. Старик лакей бесшумно поставил на стол холодное мясо со спаржей и вышел из столовой. Оба ценили эти редкие встречи по вечерам. Артур, как и Бингель, был немногословен, всегда тщательно взвешивал свои слова, кое-что недоговаривал, но они прекрасно понимали друг друга.

Во время еды Артур вкратце рассказал о своей поездке в «Остмарк» и о том, что ему удалось отобрать в Маутхаузене неплохую рабочую силу для заводов «Сименс-Шуккерт», о чем нужно сообщить родственнику Бингеля — Рудольфу.

Поев, они перешли в гостиную к камину. Закурив сигару, Артур приступил к главной теме разговора.

— Дорогой швигерфатер *, — сказал он, аккуратно стряхивая пепел сигары в стоявшую на невысоком столике пепельницу, — только сегодня я узнал — конечно, это останется между нами, — что на севере Франции в районе Па-де-Кале по приказу фюрера возводятся два совершенно секретных объекта, на которых будет испытано новейшее «оружие возмездия», носящее условное название «Хохдрукпумпе». Объем работ поистине огромен, но среди поставщиков строительных материалов для этих двух объектов я почему-то не встретил вашего имени. Зато там снова фигурирует ваш старый партнер Винфрид фон Зальц.

Артур точно рассчитал свой удар. Он знал, что Бингель давно и мучительно ненавидел своего заклятого конкурента фон Зальца — хозяина нескольких цементных заводов. Еще в 1929 году, в самом начале экономического кризиса, фон Зальц нанес чувствительный удар Бингелю, чуть его не разорив.

— Мне кажется, — продолжал Артур, — сейчас есть неплохая возможность несколько пощипать фон Зальца. Я узнал, кому он дал взятку, и, кроме того, по моим достоверным данным, он поставляет на этот важнейший объект цемент низких марок, что в эти суровые дни граничит с преступлением.

Впервые Артур видел своего тестя таким возбужденным. На его обычно невозмутимом лице появилось выражение какой-то мстительной радости.

— Мой мальчик, — торжественно сказал Бингель, — я всегда знал, что ты мне предан. Сейчас я еще раз убедился в этом. Если бы наша девочка была с нами...

При воспоминании о покойной дочери на глазах Бингеля появились слезы. Он быстро утер их платком и, немного успокоившись, деловитым голосом стал излагать Артуру план действий, направленных не только на то, чтобы получить новый

* Швигерфатер — тесть (нем.).

заказ на поставки цемента для «Хохдрукпумпе», но и сокрушить, наконец, старого врага фон Зальца.

Через неделю после этого разговора Бингель и Артур выехали поездом во Францию.

Сразу же после неудавшейся операции по захвату связанного президента, вышедшего на тайник в Пенемюнде, Кройцер распорядился, чтобы ему ежедневно доставляли списки людей, выезжающих на объект «Хохдрукпумпе» во Францию. Однако обнаружить что-либо подозрительное пока не удавалось.

На объект ехали предприниматели, инженеры, несколько ученых, два мастера, несколько эсэсовцев, направлявшихся туда для надзора за заключенными. Но все это были десятки раз проверенные люди, а большинство из них вообще состояло в агентурной сети гестапо или абвера. За неделю работы со списками у Кройцера закралось подозрение только в отношении двух лиц: инженера Ширмера, который до 1933 года был социал-демократом и однажды даже выезжал в Советский Союз, и хауптштурмфюрера СС Линдемана.

Честно говоря, Линдемана Кройцер заподозрил не на основании каких-то объективных данных, а только потому, что тот был австрийцем по происхождению. К австрийцам же Кройцер относился весьма предубежденно, считая их всех лицемерами и предателями. При этом он, разумеется, вовсе не имел в виду фюрера, также родившегося в Австрии.

Из управления личного состава СС Кройцеру принесли дело Линдемана. К внутренней стороне обложки была приклеена фотография этого человека. Лицо Линдемана сразу же не понравилось Кройцеру: довольно симпатичная физиономия — из тех, что нравятся женщинам (неудачник в любви, Кройцер таких людей не переносил), прямой пристальный взгляд светлых глаз. Да, но вот скулы! Скулы у него как будто бы по-славянски широковаты. Правда, это вовсе ничего не значит, ведь Линдеман — австриец, а в жилах австрийцев течет такая дикая смесь, в которой, наверное, не хватает только крови папуасов. Ведь недаром говорят, что если за рюмкой встретились два венца, то один из них наверняка чех.

Внимательно, страницу за страницей Кройцер читал объемистое дело хауптштурмфюрера СС Артура Линдемана. 33 года. Доктор-инженер. Учился в Вене, потом в Берлине. Значит, из интеллигентов. В Вене участвовал в нелегальной национал-социалистской организации. С тех пор — член партии. В Берлине весьма выгодно женился. Вдовец, но живет у тестя. Еще бы, дурак бы он был уходить оттуда! Рекомендацию в СС дал бывший соуэчник Линдемана — оберштурмфюрер СС Драйэкк. Да, кажется, прицепиться не к чему!

Правда, у Линдемана не все понятно с родней. Отец и мать умерли от эпидемии гриппа еще в 1919 году. Воспитывался у дяди, который был коммивояжером и во время кризиса в 1930 году уехал вместе с Артуром в Аргентину. Оттуда Линдеман вернулся на учебу в Вену. Дядя высылал ему немного денег и умер в Аргентине в 1935 году.

Да, вот эти мертвые родственники Линдемана определенно

не нравились Кройцеру: не с кем задушевно поговорить о детстве Линдемана, посмотреть альбомы с фотографиями. Все умерли.

Проверим теперь еще один вопрос. деньги. Значит, Линдеман был весьма небогат — дядя переводил ему всего лишь восемьдесят марок в месяц. На эти деньги не разгонишься. В этом отношении, кажется, все в порядке. Жил Линдеман, правда, примерно на сто двадцать марок в месяц. Но вот в деле имеются донесения о том, что в студенческие годы Линдеман усердно зарабатывал в качестве аспиранта своего профессора.

Какие же в общем основания для подозрений? Если быть откровенным перед самим собой, то пустяковые: австриец, славянские скулы, вся родня умерла. Но, с другой стороны, Линдеман уже с 1933 года — участник национал-социалистского движения, был даже в подполье, в СС служит безукоризненно — достаточно почитать отзывы его начальников. Весьма успешное продвижение по службе: за несколько лет стать хауптштурмфюрером не каждому удастся. И все же он, Кройцер, от дальнейшей проверки Линдемана не отказался.

В тот же вечер Кройцер как бы невзначай встретился в офицерской кантине* с венским приятелем Линдемана Драйэком, которого Кройцер знал неплохо по некоторым совместно проведенным операциям. Они взяли по рюмке «боммерлундера» и уселись за столик в углу зала.

Вспоминая старые времена, обсуждая судьбу того или иного знакомого («один погиб от партизанской пули, другого взял «Смерш»**, третий отправлен в концлагерь за провал агентуры»), они проговорили больше часа. Наконец Кройцер вроде бы случайно назвал Линдемана. На лице Драйэка сразу же появилось насмешливое выражение.

— Послушай ты, старый иезуит, — захохотал уже слегка подвыпивший Драйэкк, — я ведь тебя вижу насквозь. Этого парня я уже знаю десять лет и прямо тебе скажу — не трай времени. Он такой же наци, как и мы с тобой, если не получше.

— Да нет, ты меня не так понял...

— Прекрасно я тебя понял. Учти, что с Линдеманом наживешь только неприятности. Ты, кстати, что-нибудь слышал о «кружке друзей» нашего рейхсфюрера?

— Да, кое-что мне известно об этом.

— Так вот, Линдемана приняли в СС по рекомендации кого-то из членов этого кружка. Так что, майн либер фройнд, лучше не играй с огнем. Орешек тебе не по зубам.

Разговор с Драйэком сильно поколебал подозрения Кройцера, но не заставил его отступить. Своим нюхом старой полицейской ищейки он чувствовал, что вокруг «Хохдрукпумпе» может завязаться сложнейшая игра, из которой он, Кройцер, должен выйти победителем. Пусть не Линдеман, а кто-то другой, но — в этом Кройцер был убежден — объект «Хохдрукпумпе» обязательно должен привлечь к себе внимание противника. Ведь документ из тайника уже наверняка попал по назначению.

* Кантине — столовая (нем.).

** «Смерш» — советская армейская контрразведка.

Трудно, все очень трудно. Но именно сейчас можно добиться успеха. Из своего громадного опыта Кройцер знал, что противника лучше всего распознать в обстановке, когда тот думает, что достиг цели, и внутренне расслабляется.

Полагаться можно только на себя. Помощники... Кройцер мысленно выругался, вспомнив, как они упустили того типа в Берлине. Да, придется ехать во Францию самому и сидеть там месяц, два, полгода, сколько понадобится. Ширмер и Линдеман придут на объект через неделю. За это время нужно хорошо подготовиться к их встрече, распределить и проинструктировать агентуру и обслуживающий персонал, обязательно установить технику подслушивания в гостинице...

За неделю пребывания на объекте Кройцер успел тщательно подготовиться к приезду посетителей, которые его особенно интересовали. Всем на объекте Кройцер был представлен как Герт Макенрот, новый заместитель главного распорядителя работ, отвечающий за вопросы питания, снабжения, жилья, урегулирования конфликтов на строительстве, а также за организацию пребывания на объекте различных представителей из Берлина, Мюнхена и Дюссельдорфа, откуда шел основной поток оборудования для «Тысячелетки».

В эти дни среди руководящего персонала объекта царили растерянность и уныние. Только что радио принесло неожиданное и совершенно потрясающее известие о том, что под Корсунь-Шевченковским, на Украине, попала в окружение отборная германская армия. Угнетающе это подействовало и на Кройцера, хотя удивлен он особенно не был. Ему довелось неоднократно бывать в России, допрашивать захваченных партизан и разведчиков, и он знал, что этот народ нельзя мерить всякими привычными мерками. Отчаянную храбрость и упрямое непокорство русских он обычно объяснял их «азиатской дикостью», но в глубине души Кройцер был убежден, хотя никому в этом не признавался, что на самом деле во всем виновата столь отвлеченная и столь конкретная идея, как коммунизм, овладевшая большинством умов этого стосемидесятимиллионного народа.

Правда, с другой стороны, разгром отборной группировки фашистских войск мог облегчить его, Кройцера, задачу. очень интересно, как психологически справится разведчик противника, если он, конечно, сюда придет, со своим чувством радости, утаить которую гораздо труднее, чем печаль, горечь, разочарование?

Первым на объект прибыл инженер Ширмер. Это был довольно пожилой человек с потертым слабovolьным лицом и большой лысиной, одетый в старый, но аккуратно выглаженный костюм и длинное темно-зеленое пальто.

Кройцер поручил Ширмера заботам своего помощника, а вечером сам вошел к нему в номер, представился и пригласил гостя провести вместе с ним вечер в баре гостиницы. Выбор напитков в этом заведении был весьма ограничен, и им пришлось довольствоваться немецким «вайнбрандом» — жалким подобием французского коньяка.

Ширмер несказанно удивился тому, что во Франции нельзя «организовать» коньяк, но «вайнбранд» пил исправно и вскоре совершенно захмелел. Такой поворот дела совершенно не устраивал Кройцера: он никогда не прибегал к такому дешевому методу в работе со своими подопечными, а предпочитал вести игру на высоком, по его мнению, интеллектуальном уровне.

Ширмер бессильно опустил голову на стол и неожиданно заплакал. Брезгливо улыбаясь, Кройцер приказал официанту подать стакан воды. Ширмер залпом выпил воду и, размазывая слезы по щекам, стал торопливо изливать душу Кройцеру.

— Ведь я знал, знал, — пьяно вздыхая, говорил он, — что этим все кончится. Ведь я, господин Макенрот, был однажды в России. Да, да, красные увлечения юношеских лет. Черт возьми, я видел их в лаптях! Нас повезли на одну стройку. Они таскали землю в мешках, как муравьи, шатались от голода, но таскали. Я смотрел все время на их лица. Нет, никакой рабской покорности, подавленности! Вам, наверно, трудно меня понять: вы вряд ли были в России. Но эти мужики, эти мужики! Студентом я прочитал всего Достоевского и думал, что знаю эту проклятую страну. Прошло почти четырнадцать лет с тех пор, но лица этих мужиков мне запомнились на всю жизнь. Их нельзя брать в плен. Их надо вешать, расстреливать, вешать, расстреливать...

С Ширмером началась истерика. Кройцер приказал доставить его в номер и быстро ушел из бара. По дороге домой он саркастически улыбался: если этот Ширмер разведчик или агент, значит, он величайший мастер перевоплощения, лучший ученик Станиславского или кого там еще, а он, Кройцер, ничего не понимает в своем ремесле.

На следующий день, вскоре после обеда, Кройцера вызвали к генеральному директору объекта Неккерману. У того в кабинете сидели двое. Один немолодой, в отлично сшитом штатском костюме, другой — немногим старше тридцати лет, в черной форме СС, со знаками различия хауптштурмфюрера на петлицах. Лицо его Кройцер сразу же узнал. Это был Линдеман, а тот, старый, наверно, его тесть.

Неккерман представил Кройцера гостям и сообщил, что «герр Макенрот во время их пребывания на объекте будет им во всем помогать». Бингель и Линдеман вежливо распрошались с Неккерманом и в сопровождении Кройцера вышли из кабинета директора.

— Вы, наверно, устали с дороги, — предупредительно сказал Кройцер, — и хотели бы привести себя в порядок. Разрешите, я проведу вас в гостиницу.

Бингель ничего не ответил, а Линдеман мрачно кивнул головой в знак согласия. Таких людей, как Бингель, Кройцер знал достаточно хорошо. В их присутствии он всегда терялся. От него зависели судьбы многих людей, он прекрасно помнил всех, кого отправил на тот свет, но он хорошо знал, что настоящими хозяевами являются такие, как Бингель, а его, Кройцера, удел — выполнять для них черную работу.

Вот и сейчас он быстро и с каким-то неожиданным для себя

самого подобострастием рассказывал гостям об объекте, а они мрачно молчали, казалось, нетерпеливо ожидая, когда же он прекратит свою болтовню.

Кройцер быстро довел обоих визитеров до гостиницы и сразу же покинул их. Теперь можно было собраться с мыслями. Ни о какой игре с Линдеманом в присутствии Бингеля не могло быть и речи. Своим аристократическим высокомерием тот буквально подавлял Кройцера. А этот чертов зять! Ведь прибежал в Берлин из Вены голодранцем, в СС служит всего лишь около четырех лет, а уже хауптштурмфюрер, как и он сам, Кройцер, который буквально выстрадал свои чины, прошел через побои и унижения, тюрьму и десятки мелких и крупных провокаций, прежде чем стал командовать другими.

А тот удачно женился, аккуратенько служит в столице, пороха, конечно, и не нюхал, но на него, Кройцера, смотрит таким же взглядом, как и Бингель. Он наверняка у Бингеля перенял этот холодный олимпийский взгляд. Да даже если этот выскочка, этот нувориш, и не имеет никакого отношения к противнику — впрочем, в этом Кройцер уже почти не сомневался, — все равно Кройцер приложит максимум усилий, чтобы в удобный момент подставить ему ножку.

Старик приехал, чтобы вырвать заказ на цемент — это совершенно точно. Значит, нужно будет как можно быстрее, в один-два дня, удовлетворить его частнособственнические интересы — Кройцер поймал себя на мысли, что использует термины из своего давно забытого реферата о коммунизме, — и пусть себе уезжает в Берлин. Ну, а мы здесь немного повоюем с зятем...

Ближайшие два дня Кройцер потратил на то, чтобы как можно скорее оформить договор с Бингелем на поставки его стройматериалов для объекта, и на третий день договор был подписан.

Кройцер радостно потирал руки, ожидая отъезда старика, который уже распорядился уложить свои вещи, но неожиданно случилось событие, из-за которого Бингель остался еще на два дня на объекте.

После обеда Кройцер отправился к генеральному директору Неккерману, но остановился в приемной, услышав, как в кабинете директора кто-то громко и зло ругается, и заметив, что секретарша Неккермана испуганно забилась в угол приемной. Кройцер открыл было дверь в кабинет шефа и сразу же закрыл, увидев там странное зрелище. За своим столом с выражением ужаса на лице сидел Неккерман, а прямо перед ним стоял Линдеман и, стуча кулаком по столу, кричал на генерального директора. Бингель застыл у окна, повернувшись спиной к обоим, словно бы это его не касалось.

Кройцер подошел к секретарше и вопросительно посмотрел на нее. Шепотом, испуганно оглядываясь на дверь, она рассказала ему, что все эти дни хауптштурмфюрер ходил по объекту, брал пробы уже залитого бетона и только что прибывшего цемента и все это отправлял в лабораторию. Сегодня ему дали официальный результат анализа, из которого следовало, что на строительстве использовался не высококачественный портланд, а цемент низ-

шей марки, а это должно было привести к тому, что «Хохдрук-пумпе» развалилась бы уже после первого выстрела.

Да, дело принимало дурной оборот и для него, Кройцера. Ведь он находился здесь уже десять дней, охотился за мифическими шпионами, но не сумел раскрыть такой серьезнейший случай саботажа, хотя это и не входило в круг его обязанностей, а гестапо. Еще, чего доброго, и его втянут в эту гнусную историю.

Неожиданно дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился Линдеман с красным от гнева лицом. Увидев Кройцера, он резким жестом предложил ему зайти в кабинет. Кройцер молча вошел в кабинет вслед за Линдеманом, терзаемый самыми дурными предчувствиями. Стоя вполоборота к генеральному директору, Линдеман приготовился уже распекать Кройцера, но за него неожиданно вступился Неккерман.

— Нет, нет, господин Макенрот здесь ни при чем, — сказал генеральный директор прерывистым голосом. — Он всего лишь десять дней работает на объекте и не в курсе наших дел. Кроме того, он... — перехватив предупреждающий взгляд Кройцера, директор осекся.

— Так кто же он? — нетерпеливо спросил Линдеман, но вконец запутавшийся Неккерман подавленно молчал. Молчал и Кройцер. Он впервые в своей практике попал в такую нелепую историю. Но самое возмутительное было то, что ведь и на самом деле он не имел никакого отношения к этому проклятому цементу.

— Хорошо, вы можете идти, — после минутной паузы сказал Линдеман Кройцеру.

Сразу же после ухода Кройцера Линдеман позвонил в Париж и попросил соединить его с начальником отдела гестапо, отвечавшим за безопасность секретных объектов на территории оккупированной Франции. Прямо по телефону он сообщил начальнику отдела об акте крупного саботажа на объекте и потребовал немедленно прислать комиссию специалистов и опытного следователя, а также сообщить о случившемся в Берлин бригаденфюреру СС Каммлеру.

После того как начальник отдела подтвердил, что все будет сделано, Линдеман спросил его, кто такой Макенрот и что он делает на объекте.

— Ну, в отношении Макенрота вы можете быть абсолютно спокойным, — ответил начальник отдела. — Это один из самых опытных контрразведчиков и работает он над какой-то сложной агентурной комбинацией. Кстати, он, как и вы, хауптштурмфюрер СС. Его настоящая фамилия Кройцер. Вы, разумеется, можете прибегнуть к его помощи.

Ну что ж, теперь все стало на свои места. Значит, Кройцер. Да он слышал о нем: специалист по Востоку и русской разведке, провалил не одну группу Сопротивления; в технике, конечно, мало смыслил, но прибыл именно на этот сложный в техническом отношении объект. Причем за десять дней до его, Артура, приезда. Значит, они ждали, что к объекту «Хохдрук-пумпе» будет проявлен повышенный интерес, ведь гитлеровцам был известен текст документа в тайнике на Пенемюнде. Хайнца

они не брали, надеясь, что он их выведет на своего руководителя, а «Хохдрумпуме» был запасным вариантом. Конечно, они действовали логично, рассчитывая на то, что, прочитав интригующее письмо о недостатках этого проекта, противник заинтересуется объектом и обязательно пришлет туда кого-нибудь.

Плохо, очень плохо. Ведь он, Артур, тоже попал в поле зрения этого Кройцера. Правда, приезд его вполне обоснован, и, к счастью, появилась эта история с цементом. Но с Кройцером теперь придется основательно повозиться, а это сильно меняет ситуацию и будет отвлекать от решения основных задач.

Артура утешало то, что эти дни он провел на объекте не зря. Целую ночь он провел за расчетами на основании собранных здесь на месте сведений, пока не убедился, что проект «Хохдрумпуме» имеет такие принципиальные ошибки, которые не удастся устранить в ближайшем будущем. Снаряды, конечно, полетят, но не раньше чем через год-два, и не на проектные сто шестьдесят километров, а максимум на тридцать-шестьдесят. Следовательно, крайне необходимо всячески помогать этому любимому детищу фюрера, направлять сюда лучших специалистов, наибольшее количество квалифицированных рабочих, высококачественное оборудование и строительные материалы, предоставлять объекту неограниченное количество электроэнергии и обеспечить персонал усиленным питанием. И пусть Кройцер посмеет только заподозрить его в том, что он действует вопреки интересам рейха.

Все пробы бетона из разных участков шахты были запломбированы и спрятаны в сейфе в ожидании приезда комиссии. Артур хотел, чтобы расследование велось объективно, ведь его, родственника цементного фабриканта, легко могли обвинить в предвзятости.

Затем Артур приказал опечатать все бухгалтерские книги и железнодорожные накладные, из которых следовало, что на объект поступает цемент высших марок. Он лично закрыл и опечатал громадный склад, в котором хранились мешки со злополучным цементом.

Бингель не вмешивался в действия Артура, но был весьма доволен ситуацией. Он был убежден в том, что фон Зальц не выкрутится и понесет достойное наказание. Теперь можно было спокойно уезжать в Берлин.

ГЛАВА IX. ЧЕРНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Когда Кройцер, возвратившись в Берлин с «Хохдрумпуме», появлялся в приемной Шелленберга, адъютанты, сидевшие там, сразу же замолкали. «Значит, опять сплетничали обо мне», — мрачно думал Кройцер, спиной ощущая их насмешливые взгляды. С объекта «Хохдрумпуме» он уехал почти сразу вслед за Бингелем и Линдеманом. Делать там больше было нечего. Нагрянула комиссия из шести чиновников с бычьими шеями и толстыми бюрократическими ляжками, начались бесконечные допросы, допуск посетителей на объект был прекращен. В такой

обстановке и думать нельзя было о тонкой, ювелирной игре, о которой он, как последний дурак, мечтал.

В Берлине Кройцер констатировал, что весть о его эпоее с цементом быстро донеслась до штаба Шелленберга. Красавчики адъютанты сочиняли анекдоты о приключениях Кройцера, а кто-то даже пустил по рукам карикатуру: Кройцер в длинном пальто с поднятым воротником и нахлобученной на лоб шляпе смотрел в бинокль на темную фигуру человека, опираясь ногой на мешки с надписью «цемент».

Наконец его вызвал к себе Шелленберг. Кройцер переступил кабинет шефа без былой самоуверенности. На злосчастный случай с цементом Шелленберг, однако, взглянул совершенно под другим, нежели Кройцер, углом. Предупреждать технический брак, не говоря уже об актах производственного саботажа, было делом гестапо и специального отдела СД, контролирующего широко разветвленную сеть своих агентов на промышленных предприятиях рейха. Правда, со своей стороны, Шелленберг, вступив в 1941 году на пост руководителя политической разведки СД, предпринял энергичные меры, чтобы установить непосредственные контакты между нацистской разведкой и различными отраслями германской экономики. С этой целью при аппарате Шелленберга в СД был создан специальный отдел «VI-Ви». («VI-Виртшафт» — «Экономика».) Его сотрудниками стали высококвалифицированные специалисты, эксперты, юристы, превосходно разбиравшиеся во всех тонкостях «промышленного шпионажа» и спекулятивных комбинациях на «черных рынках». Отдел «VI-Ви» был крайне необходим Шелленбергу для получения важнейшей разведывательной информации из кругов германских промышленников и банкиров, поддерживавших и во время войны самые тесные и доверительные контакты со своими зарубежными партнерами по бизнесу, в особенности в англосаксонских странах. Со своей стороны, «стальные» и «пушечные» короли военной индустрии фашистской Германии охотно использовали секретные данные об экономике стран — противников рейха, добытые за рубежом «промышленными шпионами» Шелленберга. «...Конкуренция, дорогой мой Шелленберг, — это особа, не стесненная никакими моральными оковами и всякой болтовней о патриотизме, преданности фатерлянду и прочей сентиментальной чепухе!» — как-то доверительно делился с Шелленбергом один из директоров могущественного имперского химического концерна «ИГ-Фарбениндустри».

Начальник зарубежной разведки отлично знал, например, какими «патентными» и прочими тайными картельными соглашениями были связаны между собой монополистические гиганты гитлеровской Германии и США: во время войны зенитные батареи вермахта сбивали американские «летающие крепости» снарядами с дистанционным взрывателем, запатентованным в Соединенных Штатах и проданным германским фирмам, выпускавшим зенитные снаряды. Американские же пилоты, совершая массированные налеты на густонаселенные города фашистской Германии, нажимали на кнопки бомбосбрасывателей, прильнув к знаменитым цейсовским стеклам, вмонтированным в прицелы своих «летающих крепостей».

Специальный отдел «VI-Ви», тесно взаимодействуя с гитле-

ровским министерством военной экономики, под общим руководством Шелленберга, развил бурную деятельность в области капиталовложений при создании за пределами рейха подставных фирм и банков, в контрабанде дефицитным стратегическим сырьем для германской военной индустрии, в распределении важнейших военных заказов среди заинтересованных германских фирм. И так же аккуратно, как тот же концерн «ИГ-Фарбениндустри» платил дивиденды своим американским партнерам, так же аккуратно отдел «VI-Ви» получал от «ИГ», десятков других германских концернов и тысяч больших и средних фирм «гонорар» за предоставленную зарубежную «коммерческую информацию». Причем переводились на счет разведки Шелленберга взносы в прочной иностранной валюте — долларах, фунтах стерлингов, швейцарских франках. Не одна зарубежная операция, с участием хауптштурмфюрера Кройцера была финансирована именно из средств, поступивших в кассу зарубежной разведки СД от благодарных магнатов Рура!

Обо всем этом думал Шелленберг, изучающе рассматривая мрачную физиономию Кройцера. Хауптштурмфюрер, конечно, не догадывался о том, какое неожиданное направление принял ход мыслей его шефа. И не без горечи ожидал наихудшего.

«...В конце концов вся прискорбная история с низкосортным цементом на «помпе» — это булыжник в огород Мюллера. Черт с ним, пусть и расхлебывает», — не без злорадства подумал о начальнике гестапо Шелленберг, не забывший и не простивший Мюллеру попытку «выжить» Шелленберга с кресла начальника зарубежной разведки СД. Шеф гестапо попробовал подставить ножку Шелленбергу, опираясь на Гейдриха, ставшего опасаться чересчур преуспевшего по части организации гитлеровского шпионажа за рубежом молодого генерала СС. Тогда Шелленберга спасла протекция Гиммлера. С Гейдрихом покончили чешские патриоты в оккупированной гитлеровцами Праге. Мюллер же остался здесь, в Берлине, по-прежнему и даже с еще большей силой ненавидевший Шелленберга...

«...Мюллер с удовольствием закинул бы меня в бочку с этим проклятым цементом, если бы я отвечал за техническую часть выполнения проекта «Хохдрукпумпе». — Шелленберг зябко поежился, вспомнив об этом излюбленном «методе» устранения неугодных гестапо лиц. По приказу Мюллера их замуровывали в бочки с цементом, а затем сбрасывали в глубокие водоемы...

— Не нажется ли вам Кройцер, что на цементе с «помпы» остались отпечатки пальцев русской разведки? — совершенно спокойным, бесстрастным голосом спросил Шелленберг.

«...Сказать или нет о моих подозрениях в отношении Линдемана? — подумал Кройцер. — Но подозрения — это еще не факты. Славянская широта скул... намеки я об этом Шелленбергу, и мои интуитивные подозрения будут расценены как весьма примитивная узость взгляда на поставленную передо мной задачу и на те последствия, которые повлечет за собой и для меня и для Шелленберга столь зыбкая хула на лицо, пользующееся покровительством друзей Гиммлера! Нет, Кройцер! Стоп. Сливы еще не созрели».

— Я думаю, мой группенфюрер, что гестапо сейчас самым до-

скональным образом изучает отпечатки не только пальцев, но и всей руки фон Зальца, запущенной подрядчиком в бездонные колодцы этого гигантского железобетонного монстра.

Шелленберг кивнул головой, и по выражению его глаз Кройцер, наконец, с облегчением понял, что ответ Шелленберг услышал от хауптштурмфюрера тот, который ему хотелось услышать.

— Есть одно небольшое, но крайне важное дело, Кройцер. — Шелленберг открыл боковую створку письменного стола и извлек из ящика продолговатый черный предмет, напоминающий портфель, каким часто пользуются берлинские чиновники. Металлическая кассета была обтянута черной, немного потертой кожей, с обычной для портфеля ручкой и замком, носившим следы долгого употребления. Попадись этот «портфель» на глаза Кройцеру где-нибудь в берлинском метро, он бы и не обратил внимания. Так, заурядный чиновничий портфельчик, куда по упрям заботливые фрау кладут мужьям аккуратно завернутые в целлофан «белегтес бретхен» — ломтики белого хлеба, помазанные маргарином с тонкими кружками дешевой колбасы ..

— Этот «портфель», Кройцер, вы лично доставите по адресу, который вам сообщат перед посадкой в самолет. Полетите обычной рейсовой машиной. Попутчика-телохранителя подберите в СД сами, по своему усмотрению. Чем меньше будете привлекать внимание и к себе и к «черному портфелю», — Шелленберг с нежностью погладил шероховатый бок кассеты, — тем лучше будет и для вас и для этого предмета.

Вот здесь, рядом с ручкой, рычаг предохранителя-взрывателя, — обстоятельно инструктировал Шелленберг хауптштурмфюрера. — В случае крайней опасности сорвете эту скобу и повернете рычаг...

Заметив, как чуть вздрогнула рука Кройцера, Шелленберг усмехнулся:

— Взрыв бесшумно и совершенно безопасно для вас, Кройцер, уничтожит содержимое портфеля. Кстати, к такому же результату приведет попытка вскрыть «портфель» без специального ключа. Я бы хотел, чтобы вы при любых обстоятельствах доставили «портфель» адресату. Для вас его содержимое должно быть столь же дорого, как и собственная голова. Постарайтесь же не терять ни того, ни другого..

Если бы Кройцер знал, что спрятано Шелленбергом в «черный портфель», он почувствовал бы за своей спиной настигающее дыхание тотальной катастрофы фашистского рейха.

Шелленберг недаром посвятил много сил и энергии техническому перевооружению зарубежной разведки СД как в своем центральном аппарате, так и за пределами нацистской империи.

Специалисты по микрофотосъемке и копированию стали подлинными виртуозами: они могли делать фотокопии газет размером в.. булавочную головку! Сам Шелленберг, отправляясь в zahraniчные вояжи с тайными миссиями, без прикрытия дипломатического паспорта, прятал ценнейшие документы, уменьшенные до такого микроскопического формата, что они помещались в одном из искусственных зубов, вставленных в челюсть...

К моменту возвращения Кройцера из Франции СД — по распоряжению Шелленберга — изготовила микрофотокопии важнейших чертежей и другой технической документации, охватывавшей все важнейшие стадии создания «оружия возмездия». В стальную кассету «черного портфеля» Шелленберг уложил фотокопии ракет ФАУ-1 и ФАУ-2, летающих бомб ФИ-7, «Хохдрукпумпе» и первых рабочих вариантов — прототипов реактивных истребителей-бомбардировщиков. Там же находились и соответствующие фотокопии патентов «нового оружия».

Стальная кассета, врученная Шелленбергом Кройцеру в «черном портфеле», была третьей по счету, изготовленной начальником зарубежной разведки СД в соответствии с директивами Бормана — Гиммлера. Две первые стальные кассеты с аналогичной «начинкой» Шелленберг уже передал начальнику имперской канцелярии и рейхсфюреру СС.

— Вам не следует рассматривать мое скромное поручение как нечто обособленное от той миссии, которую я возложил на вас, отправляя в Пенемюнде, — отпуская Кройцера, сказал Шелленберг.

Здание Главной имперской службы безопасности Кройцер покинул необычным путем. Когда из внутреннего двора РСХА выехал старый, выдавший виды, подкрашенный автофургон, в котором, как это было хорошо известно сотрудникам РСХА, вывозились кухонные отходы из служебного ресторана (бумажный мусор сжигался в специальной котельной, тут же, в подвалах здания), никому и в голову не могло прийти, что в специальном отсеке грузовика, скрючившись, сидел снаряженный курьер начальника разведки СД в сопровождении своего телохранителя лейтенанта СС фон Борзига, грудь которого украшал только что полученный лично от Шелленберга за успешную операцию в Пенемюнде Железный крест...

В рейсовом самолете Берлин — Вена Кройцер, медленно помещивая принесенный стюардессой кофе, прикидывал возможное дальнейшее развитие начатой по приказу шефа новой операции, все больше занимавшей его мысли. Он не сомневался, Шелленберг превратил его в курьера, поручив доставить этот таинственный портфель, исходя из каких-то своих особенных замыслов. Но почему он остановил вновь свой выбор на Кройцере? Правда, там, в Берлине, Шелленберг напомнил ему, что и этот короткий вояж в Остмарк — часть миссии, которую Кройцер начал выполнять еще в Пенемюнде. «Не был ли «черный портфель», лежавший сейчас на коленях хауптштурмфюрера, своего рода «психологическим магнитом», задача которого состояла в том, чтобы привлечь внимание агентуры противника?» — мелькнул тревожный вопрос в голове хауптштурмфюрера. Как бы то ни было, но Кройцеру теперь нужно было глядеть в оба, полагаясь только на себя. Малейший неверный шаг мог стоить ему жизни Кройцер и не подозревал, как близок он был к истине.

Направляя его в район высокогорных австрийских озер — Зальцкаммергут, Шелленберг ставил перед собой две параллельные задачи: доставить в надежное место микроплёнки и

заодно проверить, насколько выбранный им маршрут оставался вне поля зрения вражеской разведки. Разумеется, Шелленберг не собирался просто так рисковать своими лучшими людьми. Он принял все меры предосторожности, чтобы оградить Кройцера от неожиданных сюрпризов.

Адрес, по которому Кройцеру следовало доставить «черный портфель», был сообщен ему специальным курьером СД буквально у самого трапа самолета. О том, что он должен лететь в Вену, Кройцер тоже узнал лишь на самом аэродроме, где другой посыльный СД вручил хауптштурмфюреру и фон Борзигу посадочные билеты.

«Бад-Аусзее, 36, Вилла «Унтер дер Айхе» Ганс Фердинанд Мария фон Клостер. Три длинных звонка и один короткий. Пароль: «Вода уже замерзла в озере?» Ответ: «После рождества».

Время от времени Кройцер мысленно повторял этот зашифрованный ключ, который должен был открыть ему вход на одну из наиболее засекреченных военных испытательных станций гитлеровской Германии, спрятанную в густой чаще леса, на берегу озера Топлиц, в глухом уголке Штирийских Альп. Что происходило здесь в годы фашистского владычества, было известно только узкому кругу правителей гитлеровской Германии, секретным отделам верховного командования вермахта, военно-морских сил, абверу и имперской службе безопасности. Э ходе испытаний новых образцов секретного оружия на Топлицзее руководители станции докладывали лишь адмиралу Деницу, рейхсфюреру СС Гиммлеру и самому фюреру.

От Зальцбурга, где самолет делал посадку, до курортного городка Бад-Аусзее, где лежал в пяти километрах от озера Топлиц, можно было доехать на машине за несколько часов. Но еще в Берлине, на аэродроме Темпельгоф, Кройцеру был устно передан вместе с адресами и паролем точный маршрут следования: «Самолетом до Вены. Оттуда поездом через Грац и Бад-Гаштайн в Бад-Аусзее».

Кройцер не стал ломать себе голову над разгадкой причин, побудивших его шефа избрать окольный путь. По собственному опыту он хорошо знал: отнюдь не кратчайшая дорога к цели — самое надежное и самое кратчайшее расстояние на карте разведчика ..

В Берлине, в служебном тире СД, где каждый день тренировались в стрельбах сотрудники VI отдела, Кройцер попал в одну пару с фон Борзигом. Хауптштурмфюрер был приятно удивлен уверенностью, с которой лейтенант владел оружием. На глазах хауптштурмфюрера фон Борзиг всадил все восемь пуль своего «вальтера» точно в яблоко мишени! А потом, на пари, стрелял из всех систем пистолетов с одинаковым эффектным, снайперским результатом! И когда немного позже Кройцеру пришлось выбирать телохранителя для своего секретного вояжа в Бад-Аусзее, он остановился на фон Борзиге. Тем более что лейтенант был признателен хауптштурмфюреру за оценку его работы в Пенемюнде. Со своей стороны, Кройцер тоже был не прочь протезировать дворянскому отпрыску: после возвращения из Пенемюнде Кройцер узнал, что у лейтенанта были высокие покровители и в самой РСХА и в высших сферах имперской столицы.

Судьба, однако, подстерегала Кройцера за тем углом, который он никак не предусмотрел, нанеся ему внезапный удар. То, что произошло с хауптштурмфюрером на подлете к Вене, не мог предусмотреть при всей своей осторожности и сам Шелленберг.

Кройцер собирался было отцепить стальную цепочку, которой приковал ручку портфеля к своей левой руке, чтобы переложить портфель в правую руку — левая уже порядком онемела, как внезапно почувствовал тягучую подсасывающую боль в правой нижней части живота... Боль усиливалась. Кройцера начало подташнивать. «Неужели приступ аппендицита? Этого еще не хватало..» — с нарастающей тревогой подумал Кройцер, чувствуя, как холодная испарина покрыла его лоб.

— Вам плохо, хауптштурмфюрер? — с неподдельным волнением шепотом спросил фон Борзиг.

— Боюсь, что да, — так же шепотом, превозмогая боль, ответил Кройцер.

Борзиг стремительно поднялся и прошел в пилотскую кабину. Через несколько минут он вернулся к Кройцеру.

— Не волнуйтесь, все будет в порядке, господин хауптштурмфюрер. По радио я вызвал на аэродром «Скорую помощь» из венского госпиталя СС.

Кройцер ничего не ответил. Его мозг лихорадочно работал в поисках выхода. Он не имел права, даже под угрозой собственной жизни, передавать портфель в другие руки. Но, с другой стороны, он не мог и оставить при себе портфель: ведь через какой-нибудь час-другой его положат на операционный стол... И все же здесь, в самолете, было безопаснее всего передать портфель его напарнику.

Кройцер сообщил фон Борзигу пароль, место явки и слабеющей рукой отцепил стальную наручник с цепочкой, прикинутой к «черному портфелю».

Макс Вакулка взглянул на часы. До отправления его поезда с Восточного вокзала оставалось полчаса. От переулка Гайденгассе, где он жил в небольшой квартире вместе со своей сестрой Ольгой, до вокзала было меньше десяти минут хода пешком. Макс не спеша надел форменный китель и фуражку, накинул пальто. Вечера в Вене уже были довольно прохладными, а поездка предстояла долгая — через туннели Земмеринга в глубину Альп.

Макс вот уже несколько лет служил проводником в скорых поездах, обслуживавших внутриавстрийские линии. И короткие сборы в дорогу стали привычным делом и для него и для его сестры.

Ольга положила в сумку Максу кусочек хлеба, оставшееся после ужина жаркое с фасолью в маленькой никелированной кастрюльке и всунула бутылку молока.

Макс уже было вышел за дверь, как снова постучался.

— Плохая примета — возвращаться домой, что-то позабыв, — с укоризной сказала Ольга.

— Ничего я не забыл, — успокаивая сестру, возразил Макс. Он прошел в свою комнату и снял с небольшой книжной полки маленький томик. Это был сборник рассказов запрещенного в фашистском рейхе писателя Карела Чапека на родном языке матери Макса. Он любил читать Чапека в поезде, по ночам, когда все пассажиры дремали в своих купе, а старший кондуктор, любитель поспать, охотно передоверял молодому проводнику ночное дежурство.

— Если заметишь, не миновать тебе гестапо. Уж лучше оставил бы дома, — попросила Макса Ольга.

— Не тревожься, сестричка. Я кладу Чапека в «Майн кампф» нашего обожаемого фюрера.

Когда Макс вошел в служебную комнату Восточного вокзала, над Веной завывали сирены ПВО. И хотя Восточный вокзал был одной из военных целей, за которой охотились самолеты союзников, Макс не спустился в бомбоубежище.

Он вышел на перрон и поднял голову. Вечернее небо расцвечивал фейерверк рвавшихся зенитных снарядов. С юго-запада высоко над холмами Венского леса нарастал звенящий гул, словно на столицу бывшей Австрии надвигалась штормовая гроза...

От гула артиллерийской стрельбы содрогалась земля. Макс заметил, как несколько фашистских прожекторов скрестились в зените, выхватив серебристую птицу. Они ее больше не выпускали из своих цепких щупалец, провожая через все венское небо, к горизонту, где самолет вспыхнул огненной кометой, рухнув за серебристую ленту Дуная. Почти одновременно слышались громовые раскаты рвавшихся тяжелых фугасных бомб.

Макс знал: на следующий день нацистские газеты сообщат о сотнях, быть может, тысячах убитых венцев, погибших под развалинами, под осколками американских и английских бомб. И те же газеты взахлеб будут кричать о сбитых американских «летающих крепостях» и британских «ланкастерах»...

Отбой застал Макса у вагона его поезда, отправление которого внезапно задержала воздушная тревога.

В вагоне было пусто. Пассажиров либо загнала в бомбоубежища воздушная тревога, либо они предпочитали более дешевые вагоны второго и третьего класса.

Поезд тронулся, и Макс прошел по коридору вагона, чтобы проверить, не «перепутал» ли какой-нибудь пассажир свое место в третьем классе с мягкими диванами первого класса для привилегированной публики. И тут Макс заметил, как тонкая струйка сигарного дыма тянулась из сетчатой отдушины над дверью одного купе. Макс подошел к закрытой стеклянной двери и собрался было ее открыть. Но, взглянув на пассажира, поспешил.

В купе, развалившись на диване, полулежал эсэсовец. Зоркий глаз проводника, привыкший отмечать «на память» все странное и подозрительное в поведении и вещах пассажиров, приметил серебристое поблескивание стальной цепочки, выползавшей из-под левого рукава френча Борзига к ручке черного портфеля.

Макс не решился тут же потребовать билет у этого надменного и, судя по его барской позе, наглого господина. Фон Борзиг положил одну ногу на диван, упершись каблуком сапога в рукоятку двери, так что снаружи ее нельзя было открыть, не потревожив эсэсовца.

Макс прошел в конец коридора, заглядывая во все купе. Они были пусты. Проводник решил было потребовать билет у эсэсовца (служба есть служба), как вдруг в вагон буквально на ходу вскочил еще один пассажир. Он задыхался от быстрого бега и рухнул на диван первого же пустого купе.

— Опера... Горит... Они разбомбили оперу... — Пассажир все еще дышал раскрытым ртом, словно выброшенная на камни рыба. — Я только что из редакции. Прямоком — с Фляйшмаркта. Еле прорвались через Ринг. Говорят, в оперу попала пятисотка... Пфуй! Варвары, варвары, варвары! — истерично выкрикивал репортер, отирая с толстой, лоснящейся физиономии струйки пота.

На лацкане его пиджака, покроенного под полувоенный френч, был приколот значок пеге

«Это вы, фашистские сволочи, навлекли на нас бедствия войны!» — с ненавистью подумал Макс. И чтобы прервать вошедшего в раж нациста, потребовал предъявить билет.

Репортер растерянно шарил по карманам, вытаскивал одну записную книжку за другой, какие-то пригласительные карточки, визитки. И вдруг на диван и пол купе из блокнота нациста высыпалась целая колода порнографических открыток.

Красная от напряжения, физиономия нациста стала багровой, словно вытасненная из кипящей кастрюли свекла. Он попытался растопыренными пальцами-колоасками прикрыть свою фривольную коллекцию. Но тут же спохватился и с просящей, жалкой улыбкой протянул проводнику вместе с билетом несколько марок.

Макс брезгливо взял из рук репортера билет, сделал отметку и, возвратив вместе с подсунутой крупной взяткой, с усмешкой сказал:

— Вашу пикантную коллекцию, наверное, с удовольствием посмотрит господин офицер. Он занял пятое купе Хайль Гитлер! — громко, так, чтобы было слышно и тому эсэсовцу, распрощался с репортером. Макс, рывком захлопнув дверь перед носом обалдевшего репортера.

«...Еще секунда, и я бы изуродовал физиономию этой грязной свиньи», — подумал Макс. Сердце у него бешено колотилось, а рука все еще непроизвольно сжимала зашитую в замшу свинцовую гирию, которую он в целях безопасности (оружие под угрозой расстрела запрещалось иметь таким, как он, рядовым австрийским железнодорожникам) брал с собой, отправляясь в очередной рейс. В поездах, несмотря на частые гестаповские допросы и контроль военных патрулей, все чаще орудовали хорошо вооруженные уголовники, и проводникам, в особенности следовавшим с почтовыми вагонами, приходилось всерьез опасаться за собственную жизнь.

Макс поравнялся с купе, где все в той же позе полулежал эсэсовец. И тут вся ненависть, когорая зрела в сердце желез-

нодорожника к фашистским захватчикам, ворвавшимся на землю его родины, в любимую Вену, замучившим в гестаповской тюрьме его отца, заточившим в кадет Маутхаузен его мать, словно расплавленный металл обожгла сердце и мозг Макса, сформировалась во внезапно возникшем и бесповоротно принятом решении.

«.. До Земмеринга поезд будет следовать без остановок, — как никогда четко и хладнокровно прикинул Макс последовательность своих действий. — Через пять минут начнутся туннели Земмерингского перевала. Самый длинный второй. Значит, там. »

Макс осторожно постучал в купе фон Борзига. Эсэсовец, не меняя положения, носком сапога нажал на ручку двери.

— Прошу прощения за беспокойство, господин офицер, — с угодливой улыбкой, подобавшей австрийскому проводнику, обращавшемуся к имперскому немцу, вдобавок эсэсовцу, пробормотал проводник. — Я вынужден отметить ваш билет...

Фон Борзиг помедлил, в упор, презрительно и в то же время внимательно разглядывая фигуру проводника, так и не рискуя его переступить порог его купе. Потом правой рукой расстегнул пуговицу накладного кармана мундира и, приподнявшись, передал Максу свой билет.

— Айнен аугенблик! Момент, — извиняющимся голосом, скороговоркой говорил Макс. — Прошу еще раз извинить меня, но я забыл в моем служебном абтайлюнге регистрационный журнал... — И, не дожидаясь согласия или возражения эсэсовца, Макс все с той же лакейской улыбкой осторожно закрыл дверь купе и поспешил в конец вагона.

Закрыв за собой дверь служебного купе, Макс взглянул на часы, а потом — в окно. Горизонт уже перекрывал зеленый излом Альп. Вот-вот должен был открыться черный зев первого короткого туннеля.

Макс вынул из кармана свинцовую гирию. В ту же секунду в приоткрытое окно купе, вместе с ревом и грохотом нырнувшего в туннельную темь состава, ворвалась едкая, смешанная с паровозной копотью и паром пыль. На потолке, чуть-чуть замигав, наконец, зажглись лампочки электроосвещения.

«...Не забыть отключить», — мелькнуло в голове Макса. И как только в купе снова ворвался солнечный свет, Макс быстро рванул на себя электрорубильник.

Спрятав гирию в кондукторскую сумку, из которой торчала обложка путевого журнала, Макс быстро пошел по коридору к купе фон Борзига.

Молодому железнодорожнику нужно было сделать всего десять шагов. Но узкая полоса коридора показалась Максу уходящей в бесконечную даль — его прошлое и в неизвестное будущее — дорогой. Позади осталась Ольга, заменившая ему мать. Всегда такая заботливая, участливая и самоотверженная родная сестра (вот и теперь она отдала весь их суточный паек и бутылку с молоком, которое так редко удавалось получить по карточкам). На секунду в голове Макса вспыхнула и тут же погасла заставившая его содрогнуться страшная мысль: что же навле-

кает он на сестру? Допросы в гестапо, мучительные пытки, быть может, петлю или гибель в Маутхаузене! Макс почувствовал, какими ватными, непослушными вдруг стали его ноги. Но тут до его слуха донеслось бульканье и звон бутылки о край стакана. Фашистский репортер снова запивал мучившую его изжогу (перед поездкой он «на дорогу», про запас, чтобы не тратиться в ресторанах, съел три порции венгерского гуляша, остро приправленного перцем), забежав в дешевый ресторан рядом с редакцией.

«Нацистская скотина!» — выругался про себя Макс. И с радостью ощутил прилив необычайной решимости и силы... «Не робей, венский Гаврош!» — чуть не вслух с вызовом мысленно бросил в лицо этим двум нацистам проводник свое уже было полузабытое прозвище, о котором только вчера вновь напомнило Макс и Ольге письмо от их дяди — родного брата отца, при-

славшего короткую весточку из заброшенной высоко в горах Штирии сторожки лесорубов.

Письмо вновь напомнило неизгладимое.

...Студеные февральские дни и ночи 1934 года. Баррикады восставших венских пролетариев. Их стчаянная, героическая, кровопролитная схватка с войсками диктатора Дольфуса, хладнокровно и жестоко расстреливавшего из тяжелой полевой артиллерии вооруженных только ружьями рабочих, их дома, где оставались жены и дети. Макс тогда шел пятнадцатый год. Но по виду щупленькому, бледному пареньку товарищи отца не давали и тринадцати. Отец же назвал Макса «славным венским Гаврошем», когда паренек под ураганным пулеметным огнем врага с проворностью кошки прокрадывался на отцовскую баррикаду, волоча за собой сумки с патронами и хлебом, испеченным его матерью...

Только через несколько лет у своего дяди, взявшего к себе осиротевших детей брата, Макс впервые узнал о «Гавроше», разыскав в библиотечке брата отца полюбившуюся ему на всю жизнь книгу Гюго.

«Когда твой отец гостил у меня с матерью, он часто читал ее вслух. И шутя говорил Марте: «Если у нас родится сын, обязательно назовем его Гаврошем». Назвали же тебя так, как настояла мать, — Максом, в память ее брата, погибшего в первую мировую войну...» Тогда же, в маленькой лесной сторожке, по самую крышу занесенную снегом, Макс поклялся отомстить за смерть отца, за издевательства над матерью. Поклялся именем Гавроша..

...Протяжный гудок паровоза, донесшийся с головного конца поезда, застал Макса перед дверью купе, где дремал эсэсовец.

«Багажный вагон уже в туннеле», — рассчитал Макс и без стука открыл дверь купе.

— Прошу прощения, герр офицер, все в порядке! — громко, так, что дремавший фон Борзиг вздрогнул от неожиданности, обратился к эсэсовцу Макс, протягивая билет.

Фон Борзиг машинально протянул за билетом правую руку (левая оставалась на рукоятке портфеля), и в то же мгновение кромешная тьма поглотила вагон...

...Репортер венской газеты испуганно забился в угол дивана, с ужасом почему-то вспомнив всевозможные происшествия из криминальной хроники, публиковавшиеся и на страницах его бульварной фашистской газеты; ему уже мерещилась затянутая в перчатку рука гангстера, протянувшаяся из темноты к его жирной шее...

В туннельном грохоте и кромешной темноте репортер, ошалевший от страха, не расслышал ни приглушенного ходом поезда хлопка выстрела, ни шума короткой рукопашной схватки в третьем от его купе, пассажирском абтайлюнге...

Из состояния полного психического паралича репортера вывели громкие, возбужденные голоса, доносившиеся из коридора.

Какой-то железнодорожник пробежал мимо его купе. Потом вернулся и рывком отодвинул дверь.

— Вы едете от самой Вены? — спросил репортера обер-кондуктор. Его лицо было неестественно бледным, а в глазах застыл немой испуг и удивление.

— Яволь! А что случилось? — репортер вскопил, неожиданно для себя вытянув руки по швам и преданно заглядывая в глаза старшему проводнику.

— Пройдемте со мной! — За спиной обер-кондуктора репортер увидел черную заломленную тулью фуражки, на которой поблескивал белый металл гестаповской кокарды — черепа со скрещенными костями.

— Я ничего не слышал и ничего не знаю... — испуганно залепетал репортер, хотя его еще ни о чем не спрашивали.

Гестаповец проверил документы репортера и, положив их к себе в карман, указал дулом пистолета в сторону коридора.

Репортер покорно боком протиснулся между старшим проводником и дверью. Он даже поднял руки вверх. Но тут же последовал властный окрик: «Руе! Спокойствие! Марш вперед!»

Когда репортеру приказали войти в купе фон Борзига и взглянуть на труп, лежавший на полу в луже крови, нациста начала бить нервная дрожь. Он с трудом оторвал глаза от убитого и перебрал взгляд на сапоги офицера, лежавшего на диване. Голова фон Борзига была перебинтована. Большое красное пятно, чуть выше надбровья свидетельствовало о меткости нанесенного эсэсовцу удара. Но что-то помешало покушавшемуся покончить с эсэсовцем, прежде чем тот успел нажать на курок своего «вальтера».

В присутствии обер-кондуктора, нацистского репортера и фон Борзига гестаповец обыскал убитого. Из сумки проводника был изъят путевой журнал, на последней странице которого Макс пометил конечную станцию, куда следовал владелец билета фон Борзиг, — Бад-Аусзее. Помимо железнодорожного удостоверения, продовольственной карточки и нескольких марок, в карманах убитого обнаружили письмо без конверта, полученное Максом накануне от брата отца. Адрес отправителя остался на конверте, который Макс из предосторожности, как обычно, сжег еще дома. Но письмо еще не прочитала Ольга, и Макс решил сохранить его при себе. Он только не обратил внимания, что вопреки обыкновению дядя подписался не именем — Эрст, а фамилией — Штумпф... (После 1934 года Макс и Ольга в целях безопасности взяли материнскую девичью фамилию — Вакулка.)

Составив протокол осмотра места происшествия, опроса свидетелей и приказав обер-кондуктору, репортеру и следовавшему с поездом санитару (он был включен в состав поезда бригады на случай, если состав подвергся бы воздушной бомбежке, он же и оказал первую помощь раненому эсэсовцу) оставаться на месте, гестаповец на первом же разъезде сообщил о случившемся по путевому селектору начальнику отделения тайной полиции при вокзале Граца. Тот распорядился никого не выпускать и не выпускать из вагона, пока поезд не прибудет в столицу федеральной земли Штирии...

На перроне вокзала в Граце усиленный наряд полиции сразу же оцепил прибывший из Вены скорый поезд. Агенты в штатском придиричво проверяли документы у выходящих из вагонов пассажиров. Тем временем жандармские патрули прочесывали весь поезд, от паровозной кабины машиниста до хвостового вагона.

Несмотря на решительные протесты фон Борзига, ему вежливо, но настойчиво предложили сойти с поезда. Вместе с ним к начальнику отделения гестапо полицейские привели венского репортера.

— Я требую, чтобы мне возвратили билет и не мешали следовать, куда мне нужно! — вне себя от охватившего его бешенства закричал фон Борзиг, как только они остались наедине с шефом местного отделения гестапо.

— Обстоятельства и характер произведенного на вас покушения, господин лейтенант, настолько чрезвычайны, что я, к сожалению, вынужден задержать вас здесь впредь до выяснения.

— Мне наплевать на то, что вы собираетесь выяснять! — орал эсэсовец, несмотря на дикую боль, разламывавшую его голову, словно скорлупу грецкого ореха з челюстях «нускнакера»*. — Я застрелил этого мерзавца проводника. Остальное — ваше дело.

Но чем больше неистовствовал фон Борзиг, тем непреклоннее был начальник гестапо. Он отлично понимал, какими неприятностями грозит это нападение на сотрудника берлинской СД, происшедшее на участке дороги, за который он нес персональную ответственность перед венским начальством «Где гарантия, что покушавшиеся на жизнь германского офицера не повторят своей попытки вырвать у живого или мертвого фон Борзига его тайный портфель, с которым он не желал расставаться, даже будучи раненым?» — рассуждал гестаповец, терпеливо выжидая, когда, наконец, эсэсовец выдохнется.

Гестаповец не стал допытываться, что везет фон Борзиг в своем портфеле. Ответ — «гехайме рейхсзахен» его вполне удовлетворил, тем более что лишь подкрепил его аргументы в пользу задержания здесь, в Граце, курьера берлинской СД под самой надежной полицейской и медицинской охраной. Начальник гестапо не желал рисковать ни своей карьерой, ни головой эсэсовца.

— Немедленно свяжите меня с Берлином вот по этому телефону, — вконец охрипшим, усталым голосом произнес фон Борзиг, рухнув на услужливо пододвинутое гестаповцем кресло.

Когда личный секретарь Шелленберга сообщила фон Борзигу, что «шефа в Берлине не будет дня три-четыре», лейтенанту не оставалось ничего другого, как смириться со столь неожиданным «домашним арестом». «Такого поворота в операции, даю руку на отсечение, не предвидел и сам Шелленберг, — сокрушенно

* Нускнакер — приспособление для раскалывания орехов (нем.).

подумал фон Борзиг. — Сперва австриец чуть не проломил мне голову, а потом гестапо срывает срок моей встречи в Бад-Аусзее».

По распоряжению начальника гестапо раненому фон Борзигу отвели лучший кабинет, которым пользовался начальник вокзала. К нему примыкала ванная комната. После вторичной перевязки и тщательного обследования, произведенного специально вызванным армейским хирургом, лейтенанта оставили одного, предварительно окружив самым изысканным комфортом. Стол в кабинете был сервирован так, что поварскому искусству штирийских кулинеров позавидовали бы лучшие венские рестораны. И только круглосуточный наряд вооруженных автоматами гестаповцев у двери в кабинет, в коридоре, на лестницах и под окнами напоминал фон Борзигу, что он очутился не в курортном пансионате...

Покончив с устройством раненого эсэсовца, начальник гестапо занялся венским репортером. Шифрованные экстренные телеграммы, отправленные из Граца во все отделения гестапо Остмарка, уже подняли на ноги аппарат тайной полиции. Тысячи агентов рылись в полицейских архивах, домовых книгах, нотариальных конторах, магистратах и даже церковных канцеляриях, поднимая пыль с документов, регистрирующих «акты пражданского состояния» — даты рождения, крещения, бракосочетания и смерти бывших граждан Австрии, ныне подданных рейха и его провинции Остмарк. Разыскивали всех, кто носил фамилию Штумпф.

Тем временем начальник гестапо решил пустить в ход еще один, как ему казалось, заманчивый козырь — прессу! Она была, что называется, под рукой, в лице перепуганного до смерти венского репортера, готового исполнить все, что ему прикажут в гестапо, и, что самое важное, видевшего преступника, поднявшего руку на офицера СС!

«.. Пока суть да дело, веревочке долго виться, — прикидывал гестаовец, — а в статье мы подбросим венскому и берлинскому начальству готовую версию покушения, где героем будет не только фон Борзиг, но и мы, спасшие его от неминуемой гибели! Ба, счастливая мысль! Такая работа понравится и самому Мюллеру.. Наш шеф терпеть не может, когда лавры венчают головы его соперников, а синяки и шишки украшают лбы его подчиненных».

Все еще дрожавшему от нервного озноба репортеру начальник гестапо без труда втолковал, как именно нужно было сообщить в венскую газету об этом происшествии, чтобы репутация репортера осталась не запятанной тягчайшим подозрением в соучастии в преступлении, за которое полагается петля!

— Боюсь, что материал не пропустит военная цензура, — безнадежно и робко пробормотал репортер, поспешно раскрыв свой блокнот и открутив набалдашник автоматической ручки.

— Это не вашего ума дело, — отрезал гестаовец и быстро продиктовал заметку, на следующее же утро появившуюся на страницах венской газеты под броским, сенсационным заголовком.

ГЛАВА X. ЖРЕБИЙ БРОШЕН

Повестка с вызовом в гестапо была вручена Штумпфу в тот момент, когда начальник охраны объекта собирался встретиться с Линдеманом в заранее обусловленном месте. Повестку на завод доставил новый посыльный местного отделения гестапо, которого Штумпф прежде не встречал среди служебного персонала отделения. Посыльный сказал Штумпфу, что ему приказано начальством препроводить вызываемого немедленно в гестапо.

Повестка сильно беспокоила Штумпфа, хотя он и не подавал виду. На ум шли самые тревожные мысли. «Неужели провал? Но тогда бы меня арестовали без лишних церемоний. Здесь что-то не то... Нужно во что бы то ни стало предупредить Линдемана, но по телефону нельзя: этот тип донесет, ему наверняка даны инструкции внимательно следить за тем, как я буду реагировать на внезапный вызов в гестапо».

К счастью, посыльный застал Штумпфа тогда, когда начальник заводской охраны, накинув на плечи синий халат, перебирал канцелярские папки, оставшиеся от старого архива. Папки надлежало сжечь в заводской котельной. И прежде чем Штумпф запер за собой стеклянную дверь своего маленького кабинета, он снял и повесил халат на третий крючок вешалки, если считать слева. В верхний же карман халата он предварительно всунул грифелем наружу красный карандаш.

Только Артур мог понять, что означал халат Штумпфа с торчащим красным карандашом, повешенный на третий крючок слева — это был сигнал предостережения, обусловленный между ними на случай появления внезапных и угрожающих обстоятельств, касающихся их подпольной работы. Но Линдеман, напрасно прождав Штумпфа, мог и не заглянуть к нему, в кабинет, тем более что встреча была назначена возле бензозаправочной колонки, в пятнадцати километрах от объекта. Понимал это и Штумпф. Тревога за друга и руководителя, осветившего его жизнь ярким факелом мужественной и благородной борьбы, шемящей болью вошла в сердце Штумпфа. И как ни старался Штумпф совладать с охватившим его волнением, на помрачневшем лице отразилось это его душевного смятения.

— Грюс готт, бог в помощь, старина! — как обычно, улыбаясь, встретил его в отделении начальник местного гестапо. По роду своей службы Штумпфу приходилось время от времени беседовать с гестаповцем и раз-два в месяц приглашать его на кружку пива в гастхауз, чтобы «доверительно информировать» о настроениях среди рабочих, служащих и всех тех, с кем как-то неизбежно сталкивался на объекте Штумпф. Артур не только поощрял эти «вечеринки вдвоем», но и посоветовал Штумпфу уметь и тонко рисовать перед жадным до сплетен шефом гестапо выгодную подпольщикам картину: настраивать полицейских нищеек против не в меру ретивых нацистов и, наоборот, выдавать за «преданных фюреру» людей товарищей Штумпфа и Линдемана по их подпольной работе.

— Бог в помощь, — мрачно ответил Штумпф.

— Извини, старина, что пришлось тебя оторвать от служебных дел. Но необходимо уладить одну формальность. Так, пустяк. Вот прочти и распишись. — Гестаповец протянул Штумпфу только что отпечатанную на машинке, подробно заполненную автобиографическую анкету Штумпфа.

Все еще испытывая сильную тревогу, Штумпф внимательно прочитал анкету. Она ничем не отличалась от той, которую он заполнял года два назад, при очередной перерегистрации всех рабочих и служащих их секретного объекта.

Сняв очки, Штумпф аккуратно расписался и проставил дату.

— Ну вот и все, — с той же приятельской улыбкой произнес гестаповец, беря из рук Штумпфа анкету

— Быть может, ты мне объяснишь, что все это значит? — спросил Штумпф.

— Только пусть останется между нами, — перешел гестаповец на доверительный шепот. — Гестапо разыскивает всех однофамильцев какого-то Штумпфа, оказавшегося связанным с железнодорожным проводником, чуть было не отправившим на тот свет специального курьера самого Шелленберга!

— Где же это случилось?

— Представь себе, рядом с нами, в туннеле под Земмерингом ..

— Проводник сбежал, что ли?

— О, этот курьер оказался смельчаком. С первого же выстрела уложил террориста наповал. Правда, и ему здорово досталось. Мне позвонил коллега из Граца, рассказывает: курьера из вагона вывели под руки, голова вся в бинтах. Но, видно, парень не промах — вцепился в свой портфель, точно коршун в насадку. Тот из наших, кто встретил его в поезде, чуть было не отправился на тот свет вслед за террористом, когда попытался взять у эсэсовца черный портфель..

— Н-да, — сокрушенно покачал головой Штумпф. — Ну, я пойду к себе. Забот, сам понимаешь, полна голова, особенно теперь, когда у нас под носом зашевелились красные... Хайль Гитлер!

— Зиг хайль! Штумпф, не забудь, в субботу, как обычно, скоротаем вечерок в гастхаузе..

Как и опасался Штумпф, когда начальник охраны не явился на встречу в обусловленное время, Артуру не удалось сразу же приехать на завод. На полдороге к объекту шоссе перекрыл грузовик с прицепом: под груженным доверху грузовиком лопнула камера переднего колеса, и он чуть не завалился набок. Когда Артур на своей машине подъехал к грузовику, водитель и его напарник тщетно пытались подсунуть домкрат под специальную опору, вмонтированную под ступенькой кабины

Как и надлежало в таком случае вести себя хауптштурмфюреру СС, Артур обрушил на голову шоферов каскад отборных армейских ругательств, потребовав, чтобы «ленные австрийские разгильдяи» немедленно убрали в сторону свою старую колымагу!

Прошло битых два часа, пока потным от напряжения шоферам удалось подвести домкрат и сменить колесо. Когда не меньше Штумпфа встревоженный и взволнованный Артур примчался на объект, начальник охраны уже сидел у себя в кабинете.

Артур прошел мимо и взглядом дал понять Штумпфу, что ждет его у себя.

Обстоятельно, не пропуская ни одного слова из того, что услышал в гестапо, Штумпф рассказал Артуру о повестке и доверительном разговоре с начальником гестапо

— Для нас, Штумпф, эта новая анкета — не пустая формальность! Ее направят в венское отделение гестапо, не исключено, что потом, а быть может и сразу, перешлют ее в Берлин, в Главное управление имперской службы безопасности. А там не привыкли класть подобные дела в долгий ящик— пусть твоих однофамильцев наберется даже несколько тысяч! Пока они наткнутся на того, кого разыскивают, они будут прощупывать каждого взятого на заметку Штумпфа. И здесь это прикажут делать твоему «приятелю» из гестапо.

— Что же нам делать, Артур?

— То же, что и до этого. Только вдвойне, втройне осторожнее. Главное же — обезопасить себя от назойливого копания в твою жизнь, которым уже сейчас занялся «твой» гестаповец, послав эту повестку...

— Хорошо, Артур. Я не подведу! У старика Штумпфа хотя и одна нога, зато шагаю я по земле вдвойне осторожно

— Я и не сомневаюсь. Только сегодня же предупреди всех товарищей.

Когда Штумпф ушел, Артур вскрыл бандероль утренних газет, которые доставлял к ним на объект к концу дня рейсовый почтовый автобус.

На первой же странице фашистского полуофициоза в глаза Артуру бросился хлесткий, набранный крупным шрифтом заголовок: «Смерть ждет каждого, кто поднимет руку на солдата фюрера!» Артур несколько раз перечитал репортерскую заметку «с места чрезвычайного происшествия», оповещавшую жителей Остмарка о «бандитском покушении на офицера войск СС, специального курьера берлинской РСХА».

Не часто приходилось советскому разведчику сталкиваться в глубоком тылу фашистского рейха с подобного рода загадочной публикацией «Репортаж, вне всякого сомнения, прошел через военную цензуру, — попытался распутать Артур клубок непонятных и даже необъяснимых действий тех, кто через голову редакции опубликовал для широкого оповещения столь необычного рода информацию о покушении на секретного сотрудника СД. — Но тогда непонятно, каким образом цензура пропустила детали и подробности происшествия, раскрывающие секретный характер миссии, которую выполнял этот эсэсовский курьер фон Борзиг?»

«Борзиг... Знакомая фамилия.. Но где я о ней слышал?» — Артур мучительно напрягал память, стараясь восстановить обстоятельства, при которых он впервые услышал имя этого офицера СС.

«...Драйзк... Да, это он однажды упомянул имя фон Борзига там в Берлине! Тем загадочнее дешифровка нацистами доверенного агента самого Шелленберга... А с какими подробностями подана сама фигура «героя-эсэсовца», точное, прямо-таки протокольное описание портрета, с приметам, цветом глаз и волос! Чего стоит один только пересчет звеньев на цепочке, приковавшей ручку таинственного «черного портфеля» к руке эсэсовца! А о покушавшемся — скороговоркой, вскользь. Ни слова о найденном письме, о связях проводника с каким-то Штумпфом. В общем одиночка, полусумасшедший, фанатик, действовавший на свой страх и риск. Убит, и на этом точка!»

Артур встал и подошел к окну. Сумерки темным бархатом спускались на землю, оставив на горизонте узкую полосу догоравшего дня. Четким, фиолетовым рубцом вырисовывались пики альпийских гор. С севера на них напознала тяжелая, насыщенная снежными разрядами туча. Холодный порыв нордического ветра качал деревья, срывая пожелтевшую листву. Смутное предчувствие стеснило сердце Артура. Как никогда остро он ощутил гигантскую даль, разорвавшую живую плоть его связи с Родиной. Под ногами была чужая земля, и казалось, от нее тянуло могильным холодом. Артур знал: обостренное чувство одиночества предательски нападает на разведчика именно тогда, когда он больше всего нуждается в прикосновении к стенам родного дома, когда ему больше всего необходимо услышать родную речь. «Да, руководитель оказался прав. Придется пройти и сквозь эту пустыню тоски, горечи, немой, невысказанной боли одиночества...»

«...Гитлеровцы словно приглашают попытаться повторить безрассудство проводника — Артур, с трудом поборов мучительную вспышку душевной слабости, снова вернулся к разгадке тайны газетного репортажа... — Но было ли это безрассудством одиночки террориста? Не правильнее ли предположить, что сам фон Борзиг стал такой же приманкой, как, возможно, и тот документ в солдатской фляжке, взятый Хайнцем из подвала фальшивого барака в Пенемюнде?»

Артур интуитивно чувствовал, что в его руках — всего лишь отдельные, разрозненные звенья, которые ему никак не удавалось соединить в логическую цепь фактов и выводов. «Если бы «черный портфель» был пустопорожней приманкой, фон Борзиг не цеплялся бы за него, как утопающий за спасательный круг. Нет, Артур, здесь все гораздо сложнее и умнее, чем может показаться на первый взгляд. Думай, думай, думай...»

За окном раздался дробный треск заведенного Штумпфом мотоцикла. Линдеман словно вновь ощутил дружеское, крепкое пожатие руки Штумпфа. Тягостное, давящее чувство одиночества, еще за минуту до этого захлестывавшее Артура, вытеснилось горячей волной признательности к его славным, мужественным австрийским друзьям. Нет, он не был здесь одиноким! С ним рядом его боевые соратники. А для них эта земля была родной.

Мысли Артура снова возвратились к Штумпфу, его внезапному вызову в гестапо.

«...Гитлеровцы не стали бы разыскивать однофамильцев Штумпфа, рассеянных по всей Австрии, не вызывали бы моего Штумпфа повесткой и не обновляли бы его анкету, если бы покушение на дороге было простой инсценировкой. Не случайно об этом помалкивал и газетный репортаж. Видимо, «черный портфель» в руках Борзига не был простой приманкой. Итак, следует предположить с большой долей правдоподобия, что фон Борзиг действительно выполнял роль специального курьера СД», — все так же про себя рассуждал Артур, шагая из одного угла в другой своего небольшого заводского кабинета. И хотя для него по-прежнему оставалось неясным, почему Берлин отправил своего курьера одного (ведь о главном попутчике фон Борзига хауптштурмфюрере Кройцере он ничего не знал), Линдеман уже не сомневался в реальности своей версии. Видимо, в Берлине не хотели привлекать к курьеру излишнего внимания, полагаясь на его опыт выполнения подобных задач, требовавших большой физической силы и мастерского владения холодным и огнестрельным оружием. С другой стороны, однако, Артур никак не мог подобрать ключ к загадке столь бросающегося в глаза детального описания курьера СД, подвергшегося нападению со стороны австрийского железнодорожника. Следовало предположить, что в Берлине, снаряжая курьера, ставили, возможно, и другую, параллельную — с доставкой «черного портфеля», какому-то адресату — цель: проверить на Борзиге, выйдет ли на него агентура противника, которая, быть может, предпримет попытку похитить секретные документы, которые вез с собой курьер СД? Видимо, от этой идеи не отказались и после неудавшегося покушения, для чего и напечатали в газете этот сенсационный репортаж. Гитлеровцы были достаточно коварны и жестоки, чтобы пожертвовать таким своим разведчиком, как Борзиг, ради осуществления каких-то своих целей. Артур знал немало подобных случаев. И все же он чувствовал, что многое в этой запутанной истории остается для него неизвестным.. Следовало ожидать, что гитлеровцы расставили не один капкан на маршруте следования своего курьера.

Чем больше Артур распутывал хитросплетения фашистской СД, тем острее чувствовал появление какого-то нового фактора в диапазоне его работы, в отношении которого он уже сейчас должен был принять конкретное решение.

«..Бад-Аусзее, так, кажется, назывался конечный пункт железнодорожной поездки фон Борзига?» Артур снова взял газету и разыскал упоминание о налете на эсэсовца в репортаже, там, где подробно описывался путевой журнал, найденный в сумке убитого проводника

Артур достал карту Австрии и развернул ее на столе. Небольшой курортный городок Бад-Аусзее приютился в пяти километрах от высокогорных озер Грундльзее и Топлицзее, в узкой долине гор. Этот район австрийского Зальцкаммергута был знаком Артуру лишь по рассказам его тестя. На курортах Бад-Аусзее и Бад-Ишль — в глубоких штольнях и естественных подземных гротах, согреваемых теплыми целебными источниками, — лечились богатейшие люди — от чикагских мясных мил-

лионеров до «нефтяных» шейхов, прилетавших в снежные Альпы из знойных пустынь Аравийского полуострова.

Неожиданно Артур вспомнил, что совсем недавно в разговоре с тестем о перспективах его «успешного гешефта» Бингель вскользь упомянул о проектах постройки новых подземных заводов где-то в австрийских Альпах, закодированных под грифом «Цемент». Тесть упомянул, что идея «Цемент», как ему сообщили знакомые из «круга друзей рейхсфюрера Гимmlера», родилась в головах пенемюндских «ракетных богов», чуть ли не у самого Вернера фон Брауна — «отца» знаменитых ФАУ-1 и ФАУ-2 — вскоре после того, как англичане совершили свой августовский налет на полигон Пенемюнде

К сожалению, тесть Артура не располагал сведениями, уточняющими проект «Цемент». И Артур еще в Берлине поставил своей ближайшей задачей постараться расшифровать масштаб и реальность осуществления гитлеровцами этой «новинки» в программе создания «оружия возмездия».

Кому был адресован «черный портфель» в Бад-Аусзее? Драйэкк, рассказывая Артуру о хауптштурмфюрере Кройцере, как-то не без издевки прозвал фон Борзига «аристократической тенью эсэсовского капитана из мещан». Артура меньше всего интересовала завистливая тяга нацистов-«плебеев» к прусской военной касте, перед которой раболепствовал и сам фюрер. Но вот почему Драйэкк назвал Борзига «тенью» Кройцера, это обстоятельство заслуживало серьезного анализа. Драйэкк, впрочем, сам раскрыл смысл своего эпиграфа, данного фон Борзигу: Артур узнал и о командировке Кройцера в Пенемюнде и о том, что фон Борзиг был награжден Железным крестом по ходатайству хауптштурмфюрера сразу же по возвращении с полигона.

Сопоставив эти факты с той задачей, которую, по-видимому, выполнял фон Борзиг, следуя в Бад-Аусзее, Артур пришел к выводу, что новая секретная миссия специального курьера берлинской СД, вероятно, имела отношение к гитлеровской программе создания «оружия возмездия», быть может и к проекту «Цемент». И эта персональная задача, поставленная перед Борзигом, рассуждал Артур, не противоречит его предположению о том, что в Берлине предусмотрена возможность неоднократных попыток похищения «черного портфеля» разведчиками противников нацистской Германии. Заинтересовал же его этот таинственный портфель, черт возьми! Больше того: Артур все больше задумывался над вопросом, а не должен ли он, выполняя прямую директиву Москвы, всерьез заняться похищением «черного портфеля» у специального курьера СД? Рискованно? Да. После неудавшегося покушения на фон Борзига риск возрастал вдвойне, а быть может, и тройне... Но пойти на эту рискованную операцию Артур имел право лишь в том случае, если он мог знать почти наверняка, кому предназначался «черный портфель». Только при этом условии Артур мог сознательно вторгнуться в расставленные гитлеровцами сети. Но равные ли были «ставки»? С его стороны — собственная жизнь и жизни его боевых товарищей, судьба подготавливаемой ликвидации объекта. В случае удачи — пока что совершенно неизвестные ему документы, ценность которых может

оказаться далеко не такой, чтобы оправдать колоссальный риск, на который он прикажет пойти своей группе...

«...И все же портфель надо брать, — после долгих раздумий и колебаний пришел к выводу Артур. — Если в нем то, что предполагают в Москве, то тогда наши ставки — равные...»

Линдеман не был бы настоящим воспитанником чекистской школы, если бы не попытался даже в тяжелейших условиях непрерывного враждебного окружения и постоянно нависавшей над ним и его товарищами смертельной угрозы свести до минимума неизбежный и необходимый в его работе риск.

«...Попробую еще раз проверить адреса заказчиков продукции нашего объекта. Если Бад-Аусзее в списке нет, тогда... — Артур не закончил мысли. — И все же надо еще и еще раз проверить и взвесить».

Пользуясь предоставленным ему, как особому уполномоченному СС, круглосуточным доступом ко всей секретной документации объекта, Артур всю ночь просидел за томами коммерческой переписки завода Шисля с имперским министерством вооружений, различными военными ведомствами и десятками фирм, так или иначе связанными с выполнением заказов гитлеровского вермахта. Но нигде название австрийского курортного городка не фигурировало.

Мрачный и усталый Артур закрыл последний скоросшиватель. Надежды почти не осталось. Артур словно остановился перед крутым и обрывистым берегом неизвестной ему реки, так и не найдя безопасного брода...

— А что, если проверить регистрационный журнал телефонных переговоров объекта?

Прошел еще час напряженного поиска. У Артура от бессонной ночи слезились глаза. Сердце то лихорадочно стучало, то вяло, словно окутанное ватой, каким-то далеким эхом посылало тревожные сигналы в усталый мозг Артура.

Взошло солнце. Дневной свет смешался с приглушенным, матовым свечением настольной лампы, которую Артур так и не выключал.

«...15 июня 1943 года. Бад-Аусзее, 36. Господин Бауэр. 15 минут...» Артур вздрогнул, точно за его спиной пахнуло ледниковым ветром со Снежной горы. Ее белая, как сахарная голова, остроконечная вершина четким конусом вырисовывалась за окном кабинета Линдемана.

«...23 сентября 1943 года. Бад-Аусзее вызвал герра Шисля. 5 минут». Артур тщательно в который раз перелистал страницы журнала, но больше Бад-Аусзее и господин Бауэр не упоминались.

«...Возможно, что это частный разговор, ничего общего не имеющих с продукцией объекта... — не веря еще в удачу, еще и еще раз предостерегая себя от поспешных заключений, анализировал Артур журнальную запись. — Но я никогда не слышал от Шисля даже намека о его связях с этим господином Бауэром. Стоп, Артур! Неужели?»

Линдеман торопливо — у него дрожали от возбуждения пальцы — перелистывал скоросшиватель, датированный тем же июнем — сентябрем 1943 года.

«Главный штаб военно-морских сил перевел на ваш счет 147 000 имперских марок. Заказ на третью партию для Бауэра подтвержден министром Шпеером».

Итак, где-то в районе Бад-Аусзее размещался еще один сверхсекретный объект, связанный с гитлеровской программой создания «оружия возмездия». Теперь уже последние сомнения оставили Артура: фон Борзиг направлялся именно на этот объект. Весьма возможно, что в районе Бад-Аусзее гитлеровцам удалось осуществить часть проекта «Цемент» пенемюндских ракетчиков. Быть может, там находилось и нечто другое. Во всяком случае, характер тщательной маскировки говорил за то, что этому объекту Артур должен был уделить самое серьезное внимание. Теперь стало очевидным и то, что в «черном портфеле» фон Борзига должны были быть документы, имевшие прямое отношение ко всей программе создания «оружия возмездия». В противном случае берлинской СД не было никакого смысла переправлять со своим курьером секретные сведения именно сюда, в Бад-Аусзее, за тысячу километров от имперской столицы.

Открытие, сделанное Артуром, приобретало принципиальное значение. При других обстоятельствах он, разумеется, запросил бы согласие Центра на осуществление возникшей у него идеи новой операции. Но сейчас он не мог терять ни одного часа.

Правда, знакомый Штумпфу гестаповец проговорился, что фон Борзиг взят под «комфортабельный домашний арест» начальником отделения гестапо на вокзале в Граце и что, возможно, фон Борзиг проторчит там несколько дней: но эсэсовский курьер мог покинуть Грац столь же внезапно, как и неожиданно ему прервали маршрут поездки.

Артур и его товарищи должны были во что бы то ни стало перехватить фон Борзига до того, как он передаст свой портфель адресату.

ГЛАВА XI. ПО КРАЮ ПРОПАСТИ

Поздняя осень кистью художника-великана прошла огненным багрянцем по лесным склонам Штирийских Альп. Вечерами с гор в узкие лощины спускались холодные туманы. Воздух был ясен и чист. И когда Хайнц вышел из поезда на маленькой уютной станции Бад-Аусзее, он задержал шаг и глубоко вздохнул: «...Эх, не мешало бы здесь подлечиться Артуру! Воздух — бери нож и режь, словно вологодское масло. Прямо на языке тает...»

Появление в курортном городке невысокого, атлетически сложенного спортсмена в форме учителя турншуле «гитлерюгенд», не должно было броситься в глаза ни обывателям, ни бесчисленным заезжим гостям, по преимуществу раненым офицерам вермахта. Навстречу Хайнцу часто попадалась разношерстная тыловая публика. Ее заметно прибавилось в Австрии по мере того, как линия восточного фронта неумолимо приближалась к границам нацистского рейха.

Вместе с Хайнцем с поезда вывалила целая толпа разновозрастных имперских немцев. Среди них было много и таких, кто

наверняка должен был получить армейскую повестку, но почему-то околачивался в глубоком тылу. Хайнц, разумеется, ничего не имел против такого бойкого окружения.

По адресу, данному ему Артуром, он разыскал укрывшуюся под огромным каштаном виллу. До блеска надраенной медью весело сверкала маленькая табличка, прикрепленная над кнопкой электрического звонка, который автоматически соединял запертую калитку с комнатой портье. «Доктор Франц Ружечка. Специалист по желудочным заболеваниям. Пансион. Великолепный медицинский уход. По желанию больным обеспечивается курс лечения местными целебными источниками», — прочел Хайнц.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что его появление не привлекло любопытного внимания со стороны, Хайнц нажал на кнопку звонка. Раздался глухой треск, и калитка открылась, пропустив нового гостя.

В тот же вечер к воротам виллы подкатил мотоцикл с коляской знаменитой английской марки «харлей-давидсон» последнего довоенного выпуска. В частном гараже за солидную плату — время было военное, и бензин строго лимитирован — отдыхающие в Бад-Аусзее могли брать напрокат машины и мотоциклы в довольно сносном состоянии.

Похлопав по бензобаку «харлея», словно по крупу доброго коня, пригнавший мотоцикл пожилой механик сказал Хайнцу, передавая ключ:

— Господин, будете довольны. Машина что надо! Выжимает сто километров в час с тремя пассажирами...

Хайнц дал механику щедрые чаевые и, когда тот вышел за ворота пансиона, одним резким движением ноги завел мотор «харлея». Потом дал четыре длинных гудка. На сигнал из подъезда пансиона выбежала краснощекая улыбающаяся девушка в национальном тирольском платье. Это была одна из медицинских сестер, с которой Хайнц затеял легкий флирт во время первого врачебного осмотра. Анни — так звали девушку — понравилось вежливое, предупредительное, не назойливое и в то же время польстившее ее самолюбию ухаживание, судя по его внешности, мужественного, с крепкой мускулатурой учителя спорта. Она охотно приняла приглашение совершить с Хайнцем прогулку на мотоцикле по окрестностям Бад-Аусзее.

Мощенная гравием дорога от пансиона, расположенного в центральном квартале Бад-Аусзее, пробиралась через узкие переулки, чуть поднимаясь в гору. Потом, повернув влево, шоссе вползло в ущелье, у горловины которого высился дорожный столб с многочисленными указателями.

— Куда ведет это шоссе? — спросил как бы между прочим Хайнц.

— К Грундльзее...

— Это недалеко?

— О нет, совсем рядом. Километрах в трех от Бад-Аусзее.

Хайнц внимательно смотрел на асфальт, не переставая болтать с девушкой. Шоссе было очень узким. И он обратил внимание на глубокие следы от колес тяжелых армейских грузовиков, вынуж-

денных при встречах съезжать на обочины, где на глине четко отпечатался рисунок резиновых покрышек.

Грундльзее, как и другие озера Зальцкаммергута, которые довелось увидеть Хайнцу, поразило его своей красотой. Озеро было похоже на огромную хрустальную каплю, опрокинутую в каменную чашу между гор. В ее ровной неподвижной глади, словно в зеркале, отражались облака и бездонная синева осеннего неба.

После суетливого людского муравейника Бад-Аусзее деревушка у озера Грундль показалась Артуру словно вымершей. Только в одном месте им пересекла дорогу лениво переваливавшаяся с боку на бок длинная череда белоснежных гусей, возвращавшихся с озера к себе на ферму.

В самом конце деревни шоссе резко сворачивало влево и уходило за сарай, в поле, которое горловиной сужалось к лесу, зажатое между скалами высоких гор.

— А там что? — поинтересовался Хайнц.

— «Чертовое озеро», — вдруг помрачнев, нехотя ответила деревушка. — Давайте лучше остановимся здесь. Посмотрите, Хайнц, как чудесно Грундльзее.

— Со мной вам не должен быть страшен ни черт, ни сам дьявол! — рассмеявшись, ответил Хайнц и прибавил газ. Мотоцикл взревел и мгновенно вынес их на пригорок.

Миновав последний сарай на самой окраине деревни, мотоцикл, точно на волнах, закачался на ухабистой проезжей дороге, соединявшей деревню Грундльсдорф с лесным массивом, упавшимся боками в отвесные скалы «Мертвых гор».

Едва мотоцикл поравнялся с опушкой, как Хайнца остановил резкий и требовательный окрик: «Хальт! Ни с места! Иначе буду стрелять».

Хайнц резко затормозил и приглушил мотор.

От опушки леса отделилась фигура часового, державшего автомат наизготове.

— Документы! — властно и недружелюбно потребовал часовой, подозрительно оглядывая всю фигуру Хайнца и его спутницы. Только тут Хайнц разглядел чуть в стороне от дороги, извилистой просекой уползавшей в чашу леса, под высокой сосной импровизированный шалаш из свеженарубленных еловых веток, служивший «сторожевой будкой» для эсэсовского поста.

Под одной из еловых веток сверкнула антенна полевой рации. Часовой, переговорив с центральным постом наблюдения, вернулся к мотоциклу, где дожидались своих документов Хайнц и Анни.

— В следующий раз для своих амурных путешествий выбирайте дорогу подальше, — угрюмо буркнул эсэсовец, возвращая «любовинной парочке» их удостоверения. — Иначе мы пошлем вам «воздушный поцелуй» вот из этого «ротика». — Эсэсовец приподнял дуло автомата вровень с головой Анни...

Когда опушка леса скрылась за поворотом дороги, по которой Хайнц и Анни возвращались в Бад-Аусзее, за их спиной один за другим прогремело несколько глухих взрывов, напоминавших не то горный обвал, не то раскаты грозы.

Хайнц заметил, как испуганно втянула голову в свои полные плечики его спутница.

— На «Чертовом озере»? — спросил Хайнц. Анни молча кивнула головой...

Тем же вечером Хайнц отправился в казино, размещавшееся в «Курсалоне» Бад-Аусзее. (Его он приметил, выйдя из поезда на привокзальную площадь.) Салон стоял на центральном шоссе на перекрестке. Из его окон и балконов просматривались все три дороги, пересекавшие город. Одна из них зела к озеру Топлиц, прозванному местными жителями «Чертовым», к которому Хайнцу днем так и не удалось проскочить. Лучший наблюдательный пункт трудно было подыскать.

Хайнц смешался с публикой, заполнившей казино. У стойки бара он выпил традиционную рюмку «киршен» — вишневой водки — с офицерами вермахта, никак не похожими на «лечащихся фронтовиков», но, судя по их уверенной манере держаться, завсегдатаями казино. Хайнц, однако, заметил, как их развязный тон сразу же сменился на осторожно-почтительный, как только в «Курсалон» вошел незнакомый Хайнцу седовласый господин в форме контр-адмирала.

— Разве в Бад-Аусзее бросил якорь наш доблестный флот? — хмельным голосом, простодушно улыбаясь, спросил Хайнц одного из офицеров.

— Тсс! — приложил тот палец к губам, затененным черными, подстриженными усиками «а-ля фюрер». — Адмирал Канарис тоже сидит на сухопутье...

Хайнц удивленно вытаращил глаза и залпом опрокинул рюмку.

Переходя от столика к столику, где за зеленым сукном бросала вызов судьбе и своим банковским счетам избранная курортная публика, вокруг которой словно маленькие рыбешки-лоцманы вокруг тупорылых морд акул, азартно плыли в клубах сигарного дыма разгоряченные физиономии военных, Хайнц медленно пробирался к выходу на балкон. Но когда он нажал на ручку двери, кто-то за его спиной предупредительно, но настойчиво спросил:

— Разве вы не знаете, что после девятнадцати часов выходить на балкон и поднимать шторы запрещено?

Хайнц оглянулся. Перед ним, внимательно прошупывая взглядом его лицо, стоял высокий, плечистый субъект, затянутый в черный фрак.

— А в чем, собственно говоря, дело? — небрежно процедил Хайнц. — Я, кажется, не собирался нарушать правила светомаскировки. Впрочем, если у вас в этой дыре монастырские правила, то я не собираюсь в них соваться со своим уставом высокогорной альпийской лыжной базы «Остпрройсен-хютте». Там мои парни из «гитлерюгенд» привыкли дышать чистым, ледниковым воздухом, который так любит и наш фюрер. Не правда ли?

Субъект с лакейской улыбкой кивнул в знак согласия, но от двери не отошел.

Хайнцу пришлось вернуться к стойке бара, где по-прежнему пили шнапс и коньяк армейские офицеры. Перекинувшись с ними несколькими фразами, Хайнц незаметно вышел из «Курсалона». Но прежде чем ему удалось добраться до своего пансиона, Хайнцу пришлось минут десять переждать у подъезда «Курсалона», пока мимо него не прошла — в сторону «Чертова озера» — длинная колонна крытых военных грузовиков, которую сопровождали бронетранспортеры с расчехленными пулеметами.

Хайнц заметил, как тщательно соблюдалась светомаскировка в городке, куда даже случайно не залетали самолеты-разведчики союзной авиации.

По пути к пансиону Хайнца несколько раз останавливали патрули, придирчиво проверяли документы, в упор высвечивая его лицо мощными карманными фонарями.

— Разве на курорте введен комендантский час? — с неподдельным удивлением спрашивал Хайнц гестаповцев. Но в ответ слышал лишь сухую и властную реплику: «Проходи!»

Впечатлений и наблюдений первых же суток пребывания в Бад-Аусзее оказалось для опытного глаза разведчика достаточно, чтобы подтвердить главный вывод, сделанный Линдеманом при анализе записей телефонных книг объекта, коммерческой переписки Шисля и конечного пункта следования специального курьера СД, — в районе Бад-Аусзее притаился новый сверхсекретный объект, который, по-видимому, находился в подчинении командования военно-морских сил гитлеровской Германии.

На следующее утро Хайнц купил целую дюжину туристских карт, путеводителей, видовых открыток Бад-Аусзее и его окрестностей. Подозрений эта покупка не могла вызвать, ибо вид приезжего «новичка», углубленно изучающего маршруты «оздоровительных прогулок», был типичной местной деталью. И потому фигура молодого человека, удобно расположившегося на скамейке под каштаном, с целой топографической коллекцией на коленях, обыденно вписывалась в привычную картину городской жизни.

Хайнц сидел у того же «Курсалона», не пропуская взглядом ни одной машины и ни одного человека, направлявшегося в сторону Грундльзее и Топлицзее. О прибытии фон Борзига в Бад-Аусзее Хайнца должны были предупредить австрийские подпольщики-железнодорожники. Но Хайнц решил подстраховаться самого себя. необходимо было считаться с любой неожиданностью.

«Шансы на успех операции в общем-то невелики», — к неутешительному выводу пришел Хайнц, изучив по картам окрестности Бад-Аусзее и подступы к двум озерам, окруженным с трех сторон неприступными скалами «Мертвых гор».

О том, чтобы совершить нападение на курьера СД в самом Бад-Аусзее, нечего было и думать. Хайнца сразу бы схватили или пристрелили на месте патрули и гестаповские агенты, которыми буквально кишел курортный городок. Нельзя было осуществить захват «черного портфеля» и по дороге к Грундльзее. Это было бы равносильно попытке ликвидировать фон Борзига в каменном коридоре, где выход и вход был бы мгновенно перекрыт гитле-

ровцами. Оставался один вариант: узкий, протяженностью в три-четыре километра лесистый перешеек, соединявший Грундльзее с «Чертовым озером».

«. Буду завершать операцию там, за первой линией контрольных постов, — принял решение Хайнц. — В мою пользу элемент внезапности, наконец неприступные скалы».

Только теперь Хайнц по-настоящему почувствовал, как ему пригодится еще юношеское увлечение альпинизмом, доведенное до мастерства в специальной горнолыжной школе, уже здесь, в горах рейха и Остмарка. Хайнц по достоинству оценил «австрийскую школу» покорения камнной стихии Альп. И этот накопленный опыт должен был верно послужить отважному разведчику в предстоящем опасном поединке...

Репортаж о покушении на фон Борзига попался на глаза Кройцеру, перенесшему тяжелую операцию, спустя лишь несколько дней после случившегося.

«...Ловкая bestия тот, кто протолкнул в прессу этот винер-штрудель *, прослоенный правдой и кривдой!» От охватившей его ярости Кройцер впился ногтями в простыню. «Громоотвод, и только, — быстро схватил суть дела хауптштурмфюрер, который давно уже набил мозоли и на межведомственных интригах, превратившихся в непрерывную закулисную войну между гестапо и их VI отделом зарубежной разведки СД. ...Отвели одним махом ответственность от гестапо, да еще выдали себя за «героев», спасших специального курьера СД!

А как подробно расписали фон Борзига! Точно объявили розыск сбежавшего преступника — и форма носа, и крутизна лба, и цвет волос... — Кройцер чувствовал, как от сильнейшего нервного возбуждения у него жаром запылала голова. — ...Этот проклятый репортаж — в первую очередь петля на мою шею! Они же снова выведут на Борзига если не одиночек-фанатиков, как эта австрийская шлюха, то теперь уже наверняка агентуру противника. И конечно, русскую. Англосаксы сдрейфят и нос в «Мертвые горы» не сунут. За сохранность же портфеля придется отвечать перед Шелленбергом мне».

Кройцер с такой силой дернул фарфоровую грушу звонка, что оборвал провод. На звонок торопливо вбежала дежурная сестра. Кройцер приказал ей принести в палату телефон и немедленно связать его с фон Борзигом.

— Я выезжаю вслед за вами сегодня же! Нет, завтра! — прокричал Кройцер в трубку, чувствуя, как жар горячими волнами захлестывает его сознание. — Будьте внимательны и осторожны, лейтенант!

Кройцер, однако, смог покинуть госпиталь лишь на третий день и то оставив в канцелярии госпиталя расписку, что он «целиком и полностью берет ответственность за свое здоровье на себя, ибо прерывает лечение вопреки строжайшему предписанию врачей».

«...Если я на этот раз проморгаю портфель, Шелленберг не ста-

* Винер-штрудель — слоеный пирог по-венски (нем.).

нет церемониться со мной. А разойдутся швы на брюхе, может быть, и выживу», — думал Кройцер, устало растянувшись на мягком диване спального вагона, мчавшегося в глубь австрийских Альп к Бад-Аусзее.

В просторной, светлой приемной доктора Кернера вызова дожидались всего два пациента — хауптштурмфюрер СС Линдемман и незнакомый Артур гестаповец.

Артур пришел немного позже и, обменявшись с гестаповцем обычным нацистским приветствием — «Хайль Гитлер!», углубился в чтение иллюстрированных журналов, специально для посетителей, разбросанных на небольшом круглом столике.

Недобрые предчувствия, от которых Артур, казалось, избавился там, на объекте, разгадав секрет миссии специального курьера берлинской СД, при виде гестаповца вновь завладели Линдемманом. Он предпочел бы войти после гестаповца в кабинет доктора, которого друзья по Берлину, бывшие на «ты» с его тестем, настойчиво рекомендовали Артуру (ему нужен был не вызывающий подозрений предлог для поездки с объекта в Бад-Аусзее и встречи после завершения операции с Хайнцем). «Кто знает, не случайно ли гестаповец оказался здесь именно тогда, когда я поднялся к профессору?» — с нарастающей тревогой думал Артур.

Чтобы скрыть от гестаповца свое волнение, Линдемман встал и подошел к стене, на которой висело несколько картин — отлично выполненных миниатюр из сельской жизни конца XVIII века. И все же на своей спине Артур чувствовал пристальный, изучающий взгляд гестаповца. Судя по его петлицам на мундире, он занимал высокий пост в системе тайной полиции Остмарка.

Открылась дверь кабинета профессора, и медицинская сестра любезно пригласила войти «гера Линдеммана».

Артуру не пришлось придумывать недуги, соответствующие специализации профессора. Долголетнее непрерывное нервное перенапряжение и огромные чисто физические перегрузки, которые были сопряжены с тяжелой работой разведчика, все чаще давали о себе знать. Когда руководитель Артура от встречи к встрече стал подмечать болезненные симптомы на его лице, он, запросив Москву, стал настойчиво убеждать Артура основательно «подремонтировать» свой организм на одном из немецких или австрийских курортов, пользовавшихся доброй славой в медицинских кругах Европы. В конце концов Артур дал «старику» твердое слово, тем более что понимал: впереди, быть может, его ожидал еще более ответственный этап работы, который потребует от него максимальной отдачи душевных сил и попросту резервов здоровья, которые у него уже были на исходе. Но одно событие за другим вынуждало Артура откладывать срок запланированного лечения, пока, наконец, он не очутился здесь, хотя вовсе и не для того, чтобы передохнуть в уютном и тихом курортном пансионе.

Профессор тщательно осмотрел Артура и тут же сделал рентгеновский снимок. «...Будьте любезны подождать минут десять-пятнадцать, пока снимок будет готов и мы убедимся, что он удачен», — приветливо улыбаясь знатному пациенту, которого

ему рекомендовали из «самого Берлина», попросил профессор Артура.

Линдеман покинул кабинет, и тут же к профессору вошел гестаповец.

Артур подошел к окну. Улица была пустынной. Он взглянул на стенные часы. По расчетам Артура Хайнц уже вышел на исходный рубеж для завершения операции там, на подступах к Топлицее

Смутно было на душе Артура. Разумом он понимал, что непосредственное осуществление операции по захвату «черного портфеля» должен был выполнить Хайнц. При всей ее важности операция была лишь частью того большого дела, за которое отвечал целиком Линдеман и как руководитель и как старший товарищ. Но сердце патриота-разведчика, для которого чекистский девиз «Один — за всех, все — за одного» был полной глубиной смысла жизненной формулой, отказывалось мириться с холодными и жесткими доводами разума. И сколько бы сейчас Артур ни убеждал себя, что поступил, руководствуясь высшими соображениями дела и подчиняясь требованиям главной задачи, поставленной перед ним Центром, посылая к «Чертову озеру» на перехват фон Борзига Хайнца, он не мог смириться с тем, что большую долю смертельно опасного риска он переложил на своего боевого товарища. Соображения конспирации требовали от Артура, чтобы он не приезжал сюда, в Бад-Аусзее, в самый кульминационный момент операции: ее неудачный исход повлек бы за собой опасность двойного, тройного риска провала и для самого Линдемана, ибо гитлеровцам было нетрудно перекрыть все дороги отхода из природной западни, какую представлял собой район Бад-Аусзее. Но оставаться в стороне было выше сил Артура. И он примчался сюда на своей машине прямо с объекта в надежде, что его опыт, влияние в нацистских кругах Остмарка и связи с высокопоставленными кругами Берлина, быть может, пригодятся Хайнцу в критическую минуту...

— О, господин Линдеман большой знаток мадьярской живописи!

Артур, задумавшись, не заметил, как бесшумно появился за его спиной в приемной гестаповец. «Профессор, видимо, успел проинформировать, кто я и откуда», — подумал Артур, настороженно наблюдая за гестаповцем.

— У моего тестя в Берлине неплохая коллекция японских гравюр. Но, признаться, я не искушен в тонкостях живописи, — чуть помедлив, ответил Линдеман.

— Эти полотна — мой скромный дар уважаемому герру профессору, — гестаповец вплотную подошел к картинам, возле которых по-прежнему стоял Линдеман. — Кстати, мне доставило бы огромное удовольствие показать вам, господин хауптштурмфюрер, кое-что познавательнее. Быть может, вы выберете интересную вещь и для вашего уважаемого тестя, о котором с таким почтением отзывался и сам профессор.

Линдеман никак не ожидал такого поворота в этом непредвиденном randevu в приемной профессора, откуда через два часа он должен был направиться на вокзал Бад-Аусзее, чтобы сесть в соседний вагон с тем, в котором должен был, как было условлено, покинуть Бад-Аусзее и Хайнц...

«Отказать гестаповцу сейчас, не зная цели его появления одновременно со мной здесь, у профессора? Ведь я приехал сюда «лечиться», следовательно, располагаю уймой свободного времени. Сослаться на недомогание? Нет, это вызвало бы излишнее подозрение».

— С удовольствием, герр...

— Ригель, начальник гестапо этого прелестного, но, увы, провинциального уголка, — шелкнув каблуками, представился гестаповец.

От виллы профессора Линдеман повез Ригеля на своей машине по маршруту, который ему указывал шеф гестапо. По дороге он охотно рассказывал Артуру о местной курортной публике, «сливках» казино и «понятливых дамах местного высшего общества», благосклонно принимающих ухаживания вот таких настоящих солдат фюрера, как он и хауптштурмфюрер.

Дорога давно уже вывела Артура за черту города. Крутой серпентиной она поднималась к вершинам гор, затуманенным дождевыми облаками. Вокруг мрачно шумел хвойный лес, напоминая Артуру о той опасности, которая в эти часы подстерегала Хайнца в чащобах ущелья «Мертвых гор».

— Сюда, направо, — махнул рукой в сторону темной просеки Ригель. Только теперь Артур заметил в высокой альпийской траве слегка примятую колесную колею, выползавшую на обочину шоссе из глубины леса.

Линдеман осторожно съехал с асфальта и повел машину по едва приметному следу. Минут через двадцать машина спустилась в глубокое темное ущелье и остановилась у заброшенных рудниковых построек.

Пахло сыростью, прелыми листьями. Откуда-то сбоку, из-за густого кустарника доносился шум водопада. Едва Артур сделал несколько шагов к полусгнившим, но запертым на ржавые засовы воротам, как гестаповец предостерегающе схватил его за рукав мундира. В ту же секунду Артур услышал за спиной злобное рычание и тихое бряцанье оружия.

Огромная черная овчарка с могучей силой натягивала длинный поводок, конец которого был намотан на руку двухметрового эсэсовца. Второй свободной рукой он придерживал из груди автомат.

Эсэсовец поздоровался с Ригелем и, отдав честь Линдемону, повел их к воротам. Артур заметил, как эсэсовец нажал на ловко замаскированную в пазах досок кнопку. Створки ворот разошлись, и за ними открылся вход в низкий бревенчатый коридор, в свою очередь закрытый массивной, дубовой дверью. Эсэсовский охранник открыл ее своим ключом. Подсвечивая карманным фонарем, он повел Ригеля и Линдемана в глубину коридора. Метров через пятьдесят, миновав еще одну дверь, обитую стальным листом, Линдеман и сопровождавшие его гитлеровцы оказались в низких штольнях, уходящих в глубину скальных пород. В тусклом освещении маленьких электрических ламп (их включил рубильником эсэсовец) Артур увидел деревянные стеллажи, заставленные тысячами картин!

Гестаповец сделал широкий жест рукой и не без хвастовства сказал Линдеману:

- Пожалуй, не уступит и коллекции рейхсмаршала Геринга!
- Кому все это принадлежит? — спросил Артур.
- Фюреру, рейху, Германии...
- Конкретно?
- СС!

То, что увидел Артур, было «трофейным имуществом» дивизий СС «Мертвая голова», «Рейх», «Викинг», награбленным гитлеровскими мародерами в Венгрии, Польше, Чехословакии, Югославии, Австрии и спрятанным здесь, в горах Зальцкаммергута.

— Боюсь, что моих скромных средств не хватит даже на то, чтобы заплатить за подрамник, — усмехнувшись, обратился к гестаповцу Линдеман.

— Для человека из «круга друзей Гиммлера» шеф гестапо в Бад-Аусзее готов пойти на «издержки», — доверительно ухмыльнувшись, ответил Ригель.

«...Профессор, однако, оказался чересчур осведомленным, — подумал Линдеман. — Теперь понятно, почему этот тип стал расшаркиваться передо мной. Хочет заранее обзавестись покровителями в имперской столице, дав мне эту потрясающую по ценности «взятку», которая самому ему ничего не стоит».

Где-то позади них зазвенел телефон. Эсэсовец скрылся, но буквально через минуту бегом вернулся к Линдеману и Ригелю.

— Шеф, вас срочно просят подойти, — обратился он к гестаповцу, почему-то хмуро скользнув взглядом по лицу Артура.

Линдеман заметил, как лег на спусковой крючок автомата палец эсэсовца. Ригель, извинившись, покинул штольню, попросив Артура продолжить осмотр и выбрать то, что «может понравиться его тестю».

Когда шеф гестапо вновь вернулся к стеллажам, где Артур переставлял полотна в «компании» эсэсовца и его злобной овчарки, Линдеман сразу же заметил, что произошло нечто чрезвычайное. Физиономия гестаповца была красна от возбуждения, и он упорно избегал смотреть в глаза Линдеману. Ригель словно забыл, для чего он привел сюда Артура, бесцельно, не произнося ни слова, вынимал и тут же засовывал на полки картины, передвигаясь все дальше в глубь штольни.

— Мое здоровье, к сожалению, не настолько хорошо, чтобы без ущерба вдыхать эту пещерную сырость, — не скрывая неудовольствия, обратился Артур к гестаповцу, решив как можно быстрее покинуть это подозрительное подземелье.

— Прощу прощения, хауптштурмфюрер, но одно, хорошо знакомое вам лицо из Берлина, случайно узнало, что вы здесь, со мной, и захотело обязательно встретиться с вами. И я, — гестаповец на мгновение запнулся, — не смог отказать вашему знакомому в этой любезности.

Артур заметил, как при этих словах охранник с собакой встал в проеме штольни, который вел к наружному выходу, чуть-чуть приспустив поводок овчарки.

— Если только это ожидание слишком не затянется, — постарался как можно спокойнее ответить Артур, хотя интуитивно почувствовал приближение опасности, характера которой еще не знал.

И все же Артуру пришлось призвать на помощь все свое самообладание, когда через четверть часа в штольне показался Кройцер в сопровождении двух эсэсовцев из охраны подземного тайника.

Гибель фон Борзига, чью смерть Кройцер так и не смог предотвратить, несмотря на то, что выехал к озеру Топлицее вслед за своим напарником и его новым попутчиком — доверенным Шелленберга на секретной испытательной станции военно-морских сил, — гибель всего через несколько минут после того, как они покинули конспиративную квартиру СД в Бад-Аусзее, явилась для хауптштурмфюрера сокрушительным ударом! Безвозвратная утрата «черного портфеля» забивала, казалось, последний гвоздь в гроб карьеры Кройцера. Единственное, что могло еще его спасти, так это захват живым одного из русских разведчиков, за которыми столько времени без ощутимых результатов охотился хауптштурмфюрер. И поэтому когда Кройцер в поисках шефа гестапо Бад-Аусзее, который ему срочно потребовался для организации преследования «диверсионной группы» большевиков, случайно узнал, что гестаовец находится вместе с Линдеманом, хауптштурмфюрер бросился к руднику, словно ищейка, наконец-то почуявшая верный след.

«...Опять Линдеман! Нет, не случайно наши пути с ним скрещиваются в самых горячих местах. Сперва — подозрительная история с цементом на «помпе». Теперь — таинственное убийство курьера СД в районе секретной базы ВМС. И там и тут я наткнулась на Линдемана. Пожалуй, настал момент заняться им вплотную...» Такие мысли проносились в голове Кройцера, когда он мчался на машине из Бад-Аусзее к заброшенному руднику.

— Какая встреча, не правда ли, господин Линдеман? — с этими словами Кройцер протянул руку Артуру. — Никак не ожидал, что вы столь страстный поклонник искусства...

— Я предпочитаю музыку, но сюда попал, уступая любезному приглашению герра Ригеля, — с той же надменностью, как и тогда, на «помпе», ответил Линдеман.

— Я слышал об этой «пещерной галерее», — продолжал все в том же чуть-чуть развязном тоне Кройцер, бесцеремонно отгеснившись от стеллажа шефа гестапо. — Жаль только, что здесь не представлена русская школа. Вам нравятся, Линдеман, работы Нестерова? Я его даже предпочитаю Левитану: мне кажется, он глубже раскрывает природу русской души...

Кройцер, рассматривая какое-то полотно, искоса поглядывал на Артура.

— Я не психолог, герр хауптштурмфюрер. И «русская душа» для меня — книга за семью печатями, — ответил Линдеман, с тревогой подумав, почему это Кройцер заговорил о «русской душе».

— Вот как? А я полагал, что такой просвещенный человек, как вы, разбирается не только в цементных растворах...

Кройцер в упор взглянул в лицо Артура.

— Вы чем-то взволнованы, господин Линдеман? Не встречей ли со мной?

«...Пора кончать эту сцену «свидания» берлинских знакомых», — решил Линдеман, поворачиваясь к шефу гестапо.

— Я надеюсь, господин Ригель не откажется встретиться с нами вечером в «Курсалоне», чтобы осушить пару бутылок «хох-ригеля»? — спросил Артур.

Гестаповец вопросительно взглянул на Кройцера. Хауптштурмфюрер решил пустить в ход свой запасной козырь в начавшейся словесной дуэли с Линдеманом.

— Герр Ригель, разумеется, воспользуется столь высокой честью. Я же прошу вас, Линдеман, помочь в одном щекотливом деле нашей службе безопасности!

— Здесь? — Артур удивленно поднял брови.

— О, зачем же! — Кройцер взял Артура за локоть. — Мы потолкуем в машине, если разрешите, в вашей. — Кройцер сознательно шел на риск остаться один на один со своим противником.

Хауптштурмфюрер шел ва-банк. Он старался во что бы то ни стало спровоцировать Артура, заставить «раскрыться», выдать себя каким-нибудь неосторожным словом, жестом, выражением лица. Кройцер мобилизовал все свое мастерство матерого, умного и коварного фашистского контрразведчика, чтобы толкнуть Линдемана на активный выпад против него, Кройцера, и получить в свои руки так недостававшие Кройцеру прямые улики против Линдемана.

Перед тем как сесть в машину Линдемана, Кройцер переложил пистолет из кобуры в правый карман мундира. Учитывал он и то, что Линдеман будет все время занят управлением машиной и руки у него будут лежать на руле. Это было решающим преимуществом для Кройцера, если бы дело дошло до рукопашной. Правда, Линдеман мог попытаться свалить машину в пропасть, в последний момент выскочив из кабины. Но в этом случае их шансы на спасение и гибель были равны. Кроме того, Кройцер заранее приказал гестаповской машине, на которой он приехал к руднику, незаметно следовать за машиной Артура, куда бы он ни поехал.

Артур на большой скорости вел машину через перевал, в объезд «Мертвых гор».

— Вам не приходилось встречать имя фон Борзига? — спросил Кройцер Артура, когда они уже порядком удалились от рудника и машина вырвалась на высокогорное шоссе.

Артур лишь сильнее сжал рукоятку рулевого управления машины, мчавшейся по узкой ленте дороги над глубокой пропастью. Ответил же равнодушно, как будто имя, только что названное гитлеровцем, было ему совершенно незнакомо.

— Нет, а в чем дело?

— Он хорошо был знаком с вашей покойной супругой...

«Вот она, первая западня», — подумал Артур, лишь на мгновение в волнении нажав больше, чем это было нужно, на педаль акселератора. Мотор взревел и рванул машину. Внезапная смена режима работы двигателя не ускользнула от напряженного внимания Кройцера.

— Мы познакомились с женой в студенческие годы, когда и у нее и у меня было много знакомых и друзей, о которых мы не говорили при встречах друг с другом. Позже — тем более, — все тем же монотонно-спокойным голосом сказал Артур.

— Недавно фон Борзиг сообщил мне, что он был знаком и

с Драйэкком, — как бы про себя, никому не адресуясь, продолжал Кройцер. — Его-то вы уж знаете?

— О, с Драйэкком мы старые приятели, — ответил Артур, небрежно положив локоть левой руки на приспущенное стекло автомашины.

— Час тому назад труп фон Борзига был обнаружен в двух километрах от военно-морской станции Топлицзее. — Кройцер пристально взглянул в маленькое зеркало, привинченное к ветровому стеклу, и встретился взглядом с Артуром. — Вы, конечно, осведомлены о характере этого объекта...

— Даже, если бы я знал все, что касается этого, как вы утверждаете, «секретного объекта», я, разумеется, не стал бы подтверждать это даже вам, герр хауптштурмфюрер, — чуть улыбнувшись все той же знакомой Кройцеру надменной прусской улыбкой аристократического превосходства, парировал Артур.

— Тяжело раненным, но не убитым, как наверняка рассчитывал покушавшийся, оказался и наш агент, сопровождавший фон Борзига к объекту. Он даже не потерял сознания и отлично запомнил приметы напавшего...

По мере того как Кройцер подробно перечислял эти приметы, перед глазами Артура все отчетливее вырисовывался дорогой образ его смелого боевого товарища, весельчака спортсмена, непременного «тамады» на их редких, но тем более запомнившихся обоим загородных пикниках, готового всегда взять на себя самую опасную и самую тяжелую долю в их неизбежном риске.

— Не понимаю, чем я могу помочь СД в этом, как вы выразились «щекотливом деле», которое, на мой взгляд, является дерзким преступлением? — сухо спросил Артур.

— Преступник уже понес заслуженную кару, — медленно процедил Кройцер, на всякий случай опустив руку в карман и спустив предохранитель пистолета.

Это была, пожалуй, самая мучительная минута во всей жизни Артура в фашистском тылу. Рядом с ним сидел ненавистный враг, быть может, сыгравший главную роль в той катастрофе, которая постигла его боевого друга Хайнца. Ее последствия наверняка скажутся и на нем, на остальных товарищах по подполью, если и дальше Артур позволит ходить по земле этому страшному, двуногому хищнику с чутьем гиены и повадками старого лиса. А он, Линдемман, вынужден был переносить эту пытку, ибо и дальше должен был оставаться все тем же хауптштурмфюрером СС с незапятнанной репутацией зятя видного имперского промышленника. Что бы ни произошло с Хайнцем, Артур должен был оставаться пользующимся доверием берлинского шгаба СС «особым уполномоченным» секретного объекта, откуда он отдал приказ Хайнцу выехать сюда, в долину «Мертвых гор» на встречу с поджидавшей его смертью! Но, быть может, Хайнц еще жив? Не темнит ли Кройцер в своей грязной игре? — как искра над потухающим костром, мелькнула у Артура слабая надежда.

— Снайпер сторожевого участка уничтожил покушавшегося в последний момент, когда тот карабкался с ловкостью кошки по отвесным, неприступным скалам, пытаясь уйти от погони. Он чуть было не скрылся за верхними зубцами отрогов, нависших над «Чертовым озером», — глухо говорил Кройцер, сжимая рукоятку пистолета. — Этот парень рухнул в озеро со стометровой

высоты. И надо ведь такому совпадению: в тот же момент на Топлицзее испытывались «самонаводящиеся торпеды». Как и положено в таких случаях, все этапы испытаний снимались на киноплёнку. В её кадры попал и этот дерзкий, но, следует ему отдать должное, смелый человек, точнее труп храбреца, когда он летел головой вниз в бездонную глубину Топлицзее...

Кройцер с удивлением и злобой посмотрел на лицо Артура. Это была застывшая, каменная маска, холодная и надменная. Невозможно было по ней угадать каких-либо эмоций скорби, сочувствия или негодования. Кройцер, как и там, в бетонных казематах «помпе», увидел надменного аристократа, в жилах которого хоть и текла австрийская кровь, но, видно, из той же группы, что и у фюрера! И все же у хауптштурмфюрера был в запасе еще один козырь, способный, как он был уверен, проломить эту гранитную глыбу недостижимого для гитлеровского понимания самообладания. Когда в окнах машины замелькали предместья Бад-Аусзее, Кройцер обратился к Артуру подчеркнуто официальным тоном:

— Вы не откажетесь, господин хауптштурмфюрер, просмотреть кадры этой киноплёнки у нас в Берлине? Дело в том, что покушавшегося, как нам только что стало известно, видели и на объекте господина Шисля! Но только вы, господин уполномоченный, можете подтвердить или опровергнуть этот факт.

— С удовольствием, как только позволят время и обстоятельства! Хайль Гитлер! — Артур подождал, пока Кройцер, сутулясь, вышел из его машины, и захлопнул за ним дверцу машины.

Кройцер лгал, говоря о том, будто бы Хайнца видели на объекте, куда СС командировала Линдемана. Но хауптштурмфюрер специально поставил Артура перед тяжелой и рискованной дилеммой, не без оснований рассчитав, как трудно Артуру будет найти выход из расставленной Кройцером западней.

ГЛАВА XII. ПОДЗЕМНЫЙ ГЕЙЗЕР

Старый приятель Линдемана по Вене Рольф Драйэкк уже давно служил в гестапо. Несмотря на свой высокий чин штурмбаннфюрера, он охотно встречался с Артуром, держал себя с ним на равных, прекрасно зная, какими связями располагает Линдеман.

Несколько лет тому назад Рольф женился — в явно карьеристских целях — на одной партийной активистке, занимавшей довольно большой пост в национал-социалистской организации «Бунд дочер мёдель» («Союз немецких девушек»). Однако надежды на особо большую помощь в продвижении по службе не оправдались. Ханни, жена Рольфа, сразу же бросила свой высокий пост, быстро обаялась и с пугающей Рольфа быстротой стала рожать для фюрера белокрысых ребят.

Жить приходилось на одну, правда, большую, зарплату Рольфа, так как единственным приданым фрау Ханни Драйэкк были фанатичная преданность фюреру и большие заслуги перед национал-социалистским движением. Выручало еще то, что в гестапо Рольф получал «фресспакете» — продовольственные пайки и жил в недорогой служебной квартире.

Вначале фрау Ханни все время намекала своему супругу, что было бы неплохо съездить на восток: многие из ее подруг получали оттуда шикарные посылки. Но после того как на рукавах русских каракулевых шуб ее знакомых все чаще стали появляться черные траурные пояски, она больше уже не заговаривала о путешествии Рольфа на восток и даже использовала свои прежние связи для того, чтобы он остался в Берлине.

Честно говоря, причин для особого недовольства жизнью у Драйэкса не должно было быть, но в молодости он мечтал о большем. Самое же главное: теперь, в конце 1943 года, он сильнее, чем когда-либо раньше, понял шаткость своего благосостояния, основанного только на его служебном положении. Сейчас наилучшим выходом был бы только пусть небольшой, но независимый капитал и связи в промышленных кругах Единственным человеком, который мог бы помочь Драйэксу в этой ситуации, был Артур.

Они встретились, как обычно, в берлинском партийном ресторане «Отец и сын». Кельнер, достаточно хорошо знавший Артура, молча поставил на стол тарелки с холодными закусками, не значившимися в меню: мясное ассорти «кальте платте», сардины, сыр «Рокфор», налил в высокие рюмки сухое вино «Либфрауэнмилх».

В этот вечер Драйэкс предпочел бы выпить что-нибудь более крепкое, но разговор предстоял серьезный и напиваться не стоило. После ужина кельнер принес кофе и две крошечные рюмки с ликером. Теперь можно было приступить к главной теме разговора.

— Ты знаешь, Артур, — сказал Драйэкс немного сиплым от волнения голосом, — я все думаю о будущем моей семьи, о банде из трех ребят, о Ханни да и о себе самом. На службе, как тебе известно, я кое-чего достиг, но ведь служба не будет вечно кормить.

Заметив ироническое выражение на лице Артура, Драйэкс поспешно добавил:

— Ведь мы с тобой старые друзья и достаточно хорошо знаем друг друга.

Артур согласно кивнул головой: он прекрасно понимал Рольфа, который уже начал трястись за свою шкуру.

Рольф продолжал:

— Так поступать, как некоторые мои сослуживцы, — гоняться за мелкими взятками, спекулировать продовольствием и трофеями — я не могу. Мне хочется заняться каким-нибудь солидным, добротным делом — таким, чтобы после войны, как бы она ни кончилась, меня ни в чем не могли упрекнуть.

Драйэкс вопросительно посмотрел на Артура.

Значит, этот Рольф, который десять лет лез из кожи, доказывая свою преданность фюреру, бросал в тюрьму антифашистов, устраивал гнусные провокации, натравливал одних людей на других и был всегда уверен в своей правоте, теперь ищет спасения, хочет чего-то «солидного», что не наказывалось бы после войны. Ну что ж, это можно будет использовать. Но только не спешить, без горячки, и никакой опрометчивости! Да, кстати, это признание Драйэкса может быть обычной провокацией гестапо.

— Вот что, Рольф, — после минутного молчания сказал Ар-

тур, — давай приступим сразу к делу. Есть такой фабрикант-цементник фон Зальц. Мой тесть в силу ряда причин не очень его любит. Недавно на секретнейшем объекте во Франции было раскрыто большое «швайнерай» (свинство): на строительстве объекта использовался цемент низших марок. Поставлял этот цемент фон Зальц. За это он дал крупную взятку чиновнику министерства вооружений и боеприпасов Глекнеру. Комиссия на объекте все тщательно расследовала и результаты своей работы направила в Берлин. Прошел уже месяц, но взяточник Глекнер сидит в министерстве в своем кабинете, а поставщик второсортной продукции фон Зальц по-прежнему налево и направо срывает выгодные заказы. Мой тесть, например, считает, что с этим безобразием нужно кончать.. Ну как, берешься?

Драйэкк молча кивнул головой. Дело было, безусловно, стоящим.

— Теперь слушай внимательно, — уже деловым голосом сказал Артур, — Глекнер моего тестя не очень интересует, поэтому навалились на фон Зальца, хотя он и твердый орешек, заранее предупреждаю. И пожалуйста, не цепляй ему политику, саботаж, оппозицию фюреру и прочее. Это самое обычное уголовное дело, со взятками, гнилым товаром и тремьястами процентами прибыли. И соответственно, никаких казет! Просто он должен возместить все убытки, причиненные рейху. Если ты хорошо поведешь дело, то фон Зальцу придется продать два своих основных предприятия.

— Артур, но ты должен учесть, что скушать этого фон Зальца будет не так-то просто. Я вспомнил сейчас это имя. Ведь он старый заслуженный пеге и, как я слышал, был одним из тех, кто финансировал партию до 1933 года.

— Я все знаю, дорогой Рольф. Но чем больше усилий ты затратишь, тем солиднее будет компенсация.

Теперь Артур регулярно встречался с Рольфом. Тот довольно откровенно рассказывал о некоторых, делах, над которыми он работал, слухах, доходящих до него из имперской канцелярии, и некоторых сплетнях, имевших хождение среди чиновников гестапо...

Наступили дни, когда Артур почувствовал острое неудовлетворение своей работой. Не все шло так, как планировалось. Его беспокоили малейшие недоработки, которые могли привести к провалу всей работы. Смерти Артур не боялся, но считал абсолютно недопустимым малейший отход от всех сложнейших правил конспирации и соответственно строил работу своей группы, чтобы свести до минимума возможность катастрофы.

Эти качества он выработал в себе в результате долголетнего опыта своей работы, в которой, пожалуй, самым опасным было чувство привычки, «рутины». По своему поведению, манере излагать мысли, держаться среди людей, действовать в той или иной ситуации нужно было всегда быть немцем. И так год за годом. Постепенно втягиваешься, привыкаешь к окружению, все, кажется, идет нормально, никто не обращает на тебя внимания. И может наступить момент, когда бдительность, осторожность притупляется, когда не всегда обращаешь внимание на, казалось бы, мелкие детали, а в результате — провал.

Для Артура все это не было какими-то теоретическими размышлениями. За этот опыт было заплачено кровью товарищей, еще до Артура ведших схватку на незримом фронте. Руководитель Артура — «старик» как-то говорил ему:

— Самый опасный для водителя машины период, когда он перестает быть новичком. Машина слушает его, он отлично знает все знаки и правила уличного движения, может лихо затормозить на большой скорости, точно припарковать машину. Но впереди у него дорога, и он не знает еще, какие опасности она таит в себе. В сложной ситуации такой человек вряд ли найдет выход.

Сейчас, вспоминая эти слова, Артур еще раз убеждался в их справедливости. Последние полгода были исключительно напряженными, и в такой обстановке можно было легко сорваться. А ошибки были, и немалые. Взять хотя бы тайник в Пенемюнде, который оказался под наблюдением. Хорошо, что у Хайнца был вариант для ухода от шпигелей. Теперь эта ловушка на «Хохдрукнумпе», которая хоть и не захлопнулась, но произойти это могло в любой момент. И наконец, смерть Хайнца. Правда, риск в данном случае был вполне оправдан. Собственно, все это дело с «черным портфелем» с самого начала таило в себе смертельную опасность, но другого выхода не было. И именно там произошла новая встреча с Кройцером.

...Они все время сталкиваются. Вначале, возможно, случайно, но все эти случайности не могут продолжаться до бесконечности. Нужно готовиться к решительной схватке с Кройцером, схватке, которая, возможно, будет самой серьезной в его, Артура, жизни.

И все-таки не все уж столь плохо. За это время он сумел разобратся с проектом «Хохдрукнумпе». Москва одобрила его инициативу, направленную на распыление средств на различные секретные программы. У него был разговор со Штумпфом, и теперь можно ждать от старика конкретной диверсии. Вот только тянут они почему-то слишком долго, а любая задержка повышает угрозу срыва уничтожения объекта.

После просмотра доставленной в Берлин из Бад-Аусзее киноплетки, заснятой на секретной испытательной станции Топлицзее, Шелленберг сразу же пригласил хауптштурмфюрера к себе в кабинет.

В кадрах киноленты лицо и фигура смертельно раненного Хайнца, падавшего в озеро, запечатлелись достаточно отчетливо, и специалисты из СД уже приступили к работе над ними. Лишь вопросом времени было установить личность погибшего. На этот счет Шелленберг уже дал соответствующие распоряжения. Специально выделенная группа агентов СД дожидалась окончания работы фотолаборантов, чтобы броситься на поиски Фотографии Хайнца должны были вывести на русского резидента. В этом Шелленберг не сомневался, хотя и не думал делиться своей уверенностью с Кройцером. Хауптштурмфюрер должен был почувствовать всю тяжесть своей личной ответственности за потерю «черного портфеля». Кройцер даже заметил в полумраке просмотрового зала, как подался вперед Шелленберг, когда на экране мелькнула фигура человека с прижатым к поясному ремню зло-

получным портфелем. (В последний момент, уходя от преследований, Хайнц прикрепил захваченный портфель к своему поясу, чтобы высвободить руки, которыми он цеплялся за выступы скал, карабкаясь по отвесной стене над озером.)

Когда Шелленберг и Кройцер вошли в кабинет и, как обычно, сели в кожаные кресла под торшером, хауптштурмфюрер с мучительным нетерпением стал ждать, когда шеф вынесет свой приговор в отношении его дальнейшей судьбы.

Фортуна, казалось, совершенно отвернулась от хауптштурмфюрера. К величайшей досаде Кройцера, штаб бригаденфюрера СС Каммлера накануне просмотра внезапно откомандировал Линдемана на один из секретных объектов — в «Генерал-губернаторство», как называл Гитлер захваченную нацистской Германией Польшу. Для Артура эта неожиданная командировка на новый ракетодром под Блицной, где гитлеровцы развернули испытания ФАУ и самолетов-снарядов, представляла не только исключительный интерес как разведчика. Она выводила Артура из труднейшего положения: до самого кануна назначенного в РСХА просмотра киноленты он так и не смог подыскать предлога для отказа, который бы не вызывал никаких подозрений у «севшего ему на хвост» Кройцера. Из Берлина в Варшаву Артур вылетел сразу же, как только расписался в получении приказа от генерала Каммлера.

Кройцер перевел взгляд на окна кабинета своего шефа. Рамы, словно клетки шахматного поля, покрывали маленькие проводочные квадраты сигнализации. Шелленберг включал ее каждый вечер, перед тем как покинуть кабинет. Сигнализация была соединена со всеми окнами, бронированными сейфами и различными дверями примыкающих к кабинету служебных помещений. Спаренные с фотоэлементами сигнализаторы фиксировали каждого, кто приближался к входу в бюро, кабинеты, к сейфам или окнам, автоматически включая мощные сирены тревоги. На их сигнал через несколько секунд появлялась вооруженная охрана служебных апартаментов начальника разведки СД.

Кройцер содрогался от одной только мысли, что его могут взять прямо в кабинете. Он не представлял, какой может быть выход из позорного капкана, в который он так несчастливо попал...

Но Шелленберг ни словом не обмолвился о случившемся и сразу же протянул Кройцеру тоненькую папку, в которой лежали шесть листов бумаги. «Ознакомьтесь и действуйте», — сказал Шелленберг и кивком головы отпустил Кройцера.

У себя в кабинете Кройцер немедленно прочитал содержание досье. Это были донесения с секретного объекта под Веной, принадлежавшего некоему Шислю. В донесениях, подписанных помощником главного конструктора объекта Зеппом Эшмюллером, речь шла о том, что на объекте существует подпольная антифашистская организация. Правда, автор донесений не приводил никаких конкретных фактов и не называл фамилий, ссылаясь только на свою интуицию и один-единственный случай, когда двое рабочих при виде его, Эшмюллера, прекратили о чем-то говорить.

Последнее донесение было датировано пятым сентября 1943 года. Как видно, после этого от Эшмюллера больше ничего не поступало. Дело, судя по всему, было пустяковым, но все же сле-

довало проверить, почему этот бдительный помощник конструктора перестал слать свои донесения в Берлин. Ведь уже был конец декабря этого зловещего 1943 года, омраченного гибелью группировки под Сталинградом и разгромом на Курской дуге.

Кройцер позвонил в Вену в штаб СС и попросил срочно выяснить, что делает в настоящее время помощник главного конструктора объекта Шисля — Зепп Эшмюллер. Утром на столе Кройцера лежала телефонограмма из Вены: «Интересующий Вас Зепп Эшмюллер погиб 28 сентября с. г. на охоте от разрыва ствола винтовки. Дополнительное следствие никаких результатов не дало»

Порывисто вскочив, Кройцер побежал снова звонить в Вену. Он потребовал немедленно эксгумировать тело Эшмюллера, а причину смерти — винтовку направить в Берлин для экспертизы. У аппарата в Вене сидел человек, который был, очевидно, в курсе дела, потому что извиняющимся голосом он сообщил о том, что труп Эшмюллера после вскрытия был кремирован, а остатки винтовки забрала вдова погибшего, которая вскоре уехала с объекта к своим родным в Инсбрук.

Кройцер с трудом сдержался, чтобы не разразиться бранью в присутствии молодых телефонисток. Ему просто фатально не везло. Тогда этот возмутительный подход к расследованию серьезнейшего происшествия на Пенемюнде, потом утеря «черного портфеля», и вот теперь гибнет при странных обстоятельствах «фау-ман»*, но никто и пальцем не пошевелил, чтобы добратся до причин. Другой бы на его месте пришел в отчаяние.

Правда, в тот же день пришла еще одна информация, которая сразу повысила настроение Кройцера. Два месяца тому назад, расследуя все обстоятельства убийства двух эсэсовцев на Пенемюнде, когда Кройцеру, благодаря сложной комбинации с люксембургским рабочим, удалось обнаружить тайник в камуфляжном бараке, он столкнулся с фактом исчезновения одного кацетника из Пенемюнде под номером 85124, который предположительно также принимал участие в убийстве эсэсовцев. Ни на что не надеясь, Кройцер тогда же направил циркулярный запрос во все концлагеря и тюрьмы с требованием установить, не находится ли у них заключенный № 85124.

Пока он ездил во Францию, в Берлин стали поступать ответы из разных мест, и все они, как и ожидал Кройцер, были неутешительными. Но вот из Маутхаузена пришло сообщение, заставившее Кройцера в волнении забежать по своему кабинету. В сообщении говорилось.

«Комendant КЦет Маутхаузен
Маутхаузен, 20 декабря 1943 г.

Штрэнг фертраулих!
(Строго доверительно!)

Касается: Ваш запрос № 124-817а

Сообщаю, что заключенный № 85124 находится в КЦет Маутхаузен с 25.8.43 г. 10.10.43 г. переведен в филиал КЦет Маутхаузен на заводе динл. инженера Шисля. Данные на заключенного № 85124: Леман, Роберт, род. в 1913 г. в гор Граце (Штирия), член Компартии Австрии, токарь высшей квалификации.

Хайль Гитлер!

* Фау-ман (сокр.) — «фертрауенсман» — осведомитель, агент (нем.).

Подп. Бем, унтерштурмфюрер СС, зам. ксменданта КЦет Маутхаузен».

Дело начинало принимать совершенно иной оборот. Значит, Эшмюллер доносит, что на заводе Шисля есть подполье, и вскоре после этого гибнет на охоте — возможно, случайно Кацетник № 85124, которого он, Кройцер, так давно искал, тоже почему-то оказывается на этом же заводе. Все в общем сходится в одном месте Кройцер немедленно дал телеграмму в Вену с распоряжением посадить Лемана в карцер.

После этого он позвонил в архив РСХА: «Попрошу срочно подобрать и принести мне все секретные досье по промышленным объектам первой категории гау* Вены!» Через час на столе у него лежало свыше десятка объемистых досье, в которых содержались данные о наиболее важных в военном отношении промышленных объектах Вены и ее окрестностей. Кройцер быстро нашел досье с надписью на обложке: «Объект «Флора». Таково было условное обозначение завода Шисля.

В досье имелись сведения об истории создания завода, его промышленной мощности и характере продукции. Здесь же были подшиты подробнейшие справки на всех руководящих работников завода, включая самого хозяина Шисля, главного конструктора, инженера, мастеров, уполномоченных НСДАП и прочих крупных и мелких начальников. Здесь же имелись донесения осведомителей гестапо о настроениях среди рабочих, приводились некоторые высказывания, направленные против рейха и фюрера. После каждого такого сообщения следовала всего одна лишь фраза: «Фестгеномен унд нах ка-цет гебрахт» («арестован и доставлен в концлагерь»).

С интересом читал Кройцер имевшуюся в досье довольно большую и толково написанную справку (примерно на сорока страницах) о состоянии работы на объекте «Флора». В справке давался анализ новых предложений конструкторов объекта, а также содержались различные выводы, которые свидетельствовали о том, что ее автор отлично разбирается в технических вопросах и сложном производстве. Фамилия автора справки была отлично знакомой Кройцеру: хауптштурмфюрер СС А. Линдеман.

Опять Линдеман! 5 сентября от Эшмюллера поступает последнее донесение, в середине сентября на объект приезжает Линдеман — после истории с цементом Кройцер не может спокойно думать об этом человеке, — 28 сентября — смерть Эшмюллера. Весьма интересная последовательность... На объекте «Хохдрук-пумпе» Линдеман появился в очень острое время, на объекте «Флора» он также побывал как раз в разгар очень важных и пока что непонятных для него, Кройцера, событий. И наконец, эта последняя встреча в Бад-Аусзее.

Объект «Флора» начинал приобретать весьма важное значение в поиске Кройцера. Через полчаса его принял Шелленберг, которому он немедленно доложил о всех странных происшествиях на объекте «Флора». Разумеется, он все еще помалкивал о своих подозрениях в отношении Линдемана. Пока что эту вер-

* Гау — область, административное деление гитлеровской Германии. Отсюда «гауляйтер» — областной руководитель (нем).

сию нужно было держать при себе. Как и ожидал Кройцер, Шелленберг проявил исключительный интерес к его докладу и приказал ему немедленно вылетать в Вену.

Сразу же из управления Кройцер заехал к себе домой, быстро уложил в чемодан туалетные принадлежности, пижаму и некоторые документы и успел сесть в последний «юнкерс», вылетавший в тот день в Вену. Отдышавшись и уложив чемодан на полку, Кройцер огляделся. Кроме него, в самолете было еще десять пассажиров. Впереди справа от него сидел... Линдеман Почувствовав на себе пристальный взгляд, Линдеман медленно повернул голову и равнодушно посмотрел на Кройцера. Потом он встал и, сделав два шага, остановился перед ним.

— Искренне рад нашей случайной встрече, коллега, — мрачно пробурчал он — Вы, очевидно, тоже в Вену. Надеюсь, во время вашего пребывания в этом городе там ничего не случится. — И, несколько смягчив интонацию в голосе, добавил: — Иначе я вас буду считать «летучим голландцем» двадцатого века.

Не ожидая ответа Кройцера, Линдеман повернулся и снова уселся в свое кресло. В течение всего полета он не обращал на Кройцера никакого внимания. Тот также старался не смотреть в сторону Артура.

После той памятной встречи с Артуром Штумпф чувствовал себя гораздо увереннее, чем прежде. Он — старый пролетарий, потерявший свою ногу, защищая молодую Советскую власть, не мыслил себя вне борьбы. Поэтому, когда коричневая саранча хлынула на поля и дороги России — страны, с которой была связана его боевая молодость, он без всяких колебаний сделал единственный для себя вывод — продолжать бороться. Вначале ему приходилось трудно. Он был совершенно одинок. Конечно, думал он, ему все-таки гораздо легче, чем другим антифашистам. Ведь он с 1922 года работает на этом заводе и пользуется полным доверием хозяина. Начав с простого вахтера, постепенно стал превращаться в живую традицию завода. О его партизанском прошлом никто не знал. Все считали, что ногу он потерял в бою против партизан.

Когда новым хозяином завода стал Шисль, он сразу же повысил Штумпфа, сделав его начальником охраны. Во-первых, это был преданный заводу человек, а во-вторых, дело шло к войне, но в любом случае такого начальника охраны в армию не взяли бы.

С июня 1941 года Штумпф вел двойную жизнь. Он носился по объекту на своем протезе, тщательно проверял посты по ночам, следил за всеми случаями нарушения секретности в конструкторских бюро и в цехах. И одновременно он старался мешать чем только мог форсированному расширению производства на заводе Шисля. Он устраивал короткие замыкания, портил электромоторы у станков. Но все это были мелочи. Штумпф завел себе фотоаппарат и тщательно фотографировал все чертежи и расчеты, которые он по вечерам обнаруживал на столах нерадивых инженеров. Но все это накапливалось у него мертвым грузом, потому что ему было некому передать добытый с таким риском материал.

Темной сентябрьской ночью 1942 года он обходил цехи и услышал какой-то шорох. Рабочего Карла Млочника, австрийца чешского происхождения, он застал как раз в тот момент, когда тот, подобно самому Штумпфу, пытался вывести из строя электромотор. Так их стало двое. Потом появился третий — бывший токарь из Галле, мастер на все руки, который попал в кадет Маутхаузен за свое участие в боевой организации Германской компартии «Рот фронт». Уже из концлагеря он попал в его филиал на объекте «Флора». Свою фамилию токарь не называл. У него было только имя — Курт и номер, выколотый на левой руке. Именно Курт и придумал диверсию с заменой штампов, которая была затем сурово раскритикована Артуром.

Конечно, участникам своей группы Штумпф и словом не обмолвился о встрече с Артуром и стал с нетерпением ждать пополнения, которое обещал Артур. Новых заключенных не поступало весь октябрь, и только 10 ноября из Маутхаузена прибыла новая партия заключенных. Двое из них и оказались теми людьми, которых так ждал Штумпф.

Помня указания Артура, Штумпф не устанавливал сам связь с этими двумя «новенькими». Это сделал Карл Млочник, и весь дальнейший контакт поддерживался по цепочке через него. Один из вновь прибывших — Роберт Леман, был как раз тем человеком, в котором больше всего нуждался Штумпф. Несмотря на свои тридцать лет, Леман уже успел повоевать в Испании. В республиканской армии он был подрывником и снайпером. После поражения он, подобно другим антифашистам, бежал во Францию, где был арестован вишистскими властями и передан гитлеровской Германии. До 1943 года он успел побывать в трех концлагерях. Маутхаузен был четвертый по счету. О том, что с ним было на Пенемюнде, он по приказанию руководителя подпольной группы в Маутхаузене никому не рассказывал.

Две недели были потрачены Штумпфом на то, чтобы составить подробный план подземных цехов объекта «Флора», расположенных в громадной пещере. Затем Штумпф оставил план в заранее обусловленном месте в Вене и через неделю получил его обратно. Чья-то рука аккуратно отметила на плане места, которые должны быть заминированы. Возле каждой точки минирования было указано четким почерком количество взрывчатки, потребное для этого участка, и порядок минирования, с тем чтобы детонация от взрыва имела определенную направленность.

Для осуществления задачи на объект требовалось скрытно доставить, замаскировать, а потом заложить пятьсот тридцать килограммов взрывчатки. Только такое количество могло обеспечить нужный эффект, о котором Артур говорил Штумпфу. Доставка этой взрывчатки оказалась самым трудоемким и рискованным делом. На территорию объекта вела только автомобильная дорога, и для транспортировки оборудования, сырья, деталей использовались грузовики. При въезде на объект каждый грузовик тщательно проверялся в соответствии с указаниями самого Штумпфа. Вахтеры залезали в кузов и придирчиво осматривали все, что там находилось, сверяли номера на ящиках с номерами в накладных.

У Штумпфа не было в личном распоряжении шофера, на которого он мог бы положиться. Поэтому доставку взрывчатки ему пришлось взять на себя.

На своем мотоцикле БМВ Штумпф всегда беспрепятственно въезжал на объект. С собой он обычно возил объемистый портфель, который прикреплял сзади к багажнику мотоцикла. Разумеется, никому из охраны и в голову не могло прийти проверить портфель своего шефа. А там умещалось целых восемьдесят килограммов взрывчатки.

Вначале Штумпф доставлял ежедневно только одну партию динамита, но через неделю подсчитал, что так ему придется возить взрывчатку по меньшей мере пятьдесят дней, а то и больше. Но это был слишком длительный срок. Пятьдесят дней риска, смертельной опасности, постоянной угрозы провалиться! Но самое главное — пятьдесят дней завод сможет беспрепятственно выпускать продукцию. Поэтому в некоторые дни Штумпф дважды — утром и после обеда — привозил на объект свой груз.

Содержимое портфеля получал Млочник, прятал его в надежные места, а затем передавал его по частям другим подпольщикам. Минировать приходилось только по ночам, так как днем в подземных цехах было слишком много народу, а некоторые места для закладки взрывчатки находились в самых видных участках. Но ночью проникать на объект могли лишь Штумпф и Млочник, так как всех заключенных вечером после работы отвозили в их бараки в двадцати километрах от объекта. Исключение составляли только несколько высококвалифицированных рабочих, среди которых был и Роберт Леман. Их заставляли работать по ночам над особо сложными деталями. Леман был самый знающий из всей группы в области минирования. Он проверял качество закладки динамита и, самое главное, должен был в нужный момент обеспечить его одновременный взрыв.

Наконец все было готово. Но случилось непредвиденное. Был брошен в карцер Леман. Причина его изолирования была неизвестна, а выяснять все обстоятельства не было времени. Теперь Штумпфу приходилось рассчитывать только на себя и Млочника. Самый опытный среди них минер сидел в карцере и, возможно, подвергался допросу. Нужно было спешить.

На ночь на объекте остались Штумпф и Млочник. Вдвоем они могли в течение часа соединить вместе всю сложную систему детонаторов и наконец-то осуществить операцию.

Накануне Штумпф съездил в Вену и получил там указание приступить к операции только после бомбардировки наземных цехов объекта «Флора» советской авиацией.

Время тянулось мучительно долго. Наконец они услышали пронзительные звуки сирены. Казалось, прямо над ними раздалась первые взрывы. Тускло светившиеся в подземном цехе электрические лампочки погасли как раз в тот момент, когда они собирались включить рубильник. Электросеть вышла из строя! Хорошо, что она предвидели это заранее и припасли аккумулятор от легкой автомашины. Но где гарантия, что его слабого тока будет достаточно для получения необходимой искры на таком большом расстоянии от главной закладки динамита.

Млочник молча схватил аккумулятор и бросился с ним в правый угол громадной пещеры, где была основная закладка взрывчатки. Да, это была верная смерть, но в этот момент они уже не думали о ней.

Штумпф быстро шел, чуть заметно прихрамывая, рядом с Млочником. Они поставили аккумулятор рядом с шурфом, молча пожали друг другу руки, и Млочник соединил две тонкие проволоки с аккумулятором. В последнюю минуту своей жизни старый партизан Штумпф почувствовал, как у него под ногами уходит вниз земля..

Была уже поздняя ночь, когда самолет приземлился на аэродроме Асперн под Веной. Холодный ветер заставил Артура поднять воротник пальто. Где-то сзади в группе других пассажиров шел Кройцер. Треск мотора самолета прекратился, и наступила тишина. Неожиданно с юго-западной стороны до Артура донеслись глухие раскаты, как будто где-то там шла гроза. Но зимой грозы не бывает. Он на минуту замедлил шаг, а потом прямо направился к ожидавшему его большому семиместному «мерседесу».

Из «мерседеса» выскочил эсэсовец со знаками различия обершарфюрера и отсалютовал Линдеману. Артур кивнул головой в ответ и не спеша сел на заднее сиденье. Обершарфюрер завел мотор, и машина медленно двинулась по дороге с аэродрома.

В венский штаб СС Линдеман и Кройцер прибыли почти в одно и то же время. Там царил переполох, так как час тому назад произошел взрыв большой мощности на объекте «Флора». Оба быстро посмотрели друг на друга и разошлись в разные стороны.

В ту же ночь, едва перекусив с дороги, Кройцер выехал для ведения следствия на объект «Флора». После налета русской авиации наземные цехи завода представляли собой обгоревшие черные развалины. К месту, где раньше было расположено подземное производство, нельзя было подойти: там было теперь громадное углубление, быстро заполнившееся водой. Прибывшие из Вены специалисты заявили, что причиной обвала пещеры являются детонация от взрывов громадных бомб и движения почвы в нижней части пещеры — как раз над подземным озером.

Здесь, конечно, трудно было обнаружить и тем более доказать диверсию, но факт оставался фактом: завод перестал существовать. Правда, русской авиации кто то передал точные координаты завода. Это мог сделать только агент русской разведки. Но ему не обязательно было работать на объекте «Флора». Установить наземные объекты можно было и чисто визуальным способом. Перед Кройцером стала почти неразрешимая задача. Возможно, единственный выход — этот кацетник, который побывал уже на Пенемюнде и в Маутхаузене. Кажется, его зовут Леман. Нужно срочно допросить этого заключенного. Кройцер быстро направился к полемому «ханомагу», на котором он приехал сюда, и, не обращая уже внимания на других гестановских чинов, пожарников, потрясенного директора Шисля, приказал шоферу немедленно отвезти его в лагерь, где находились заключенные, работавшие на объекте «Флора».

Из штаба СС Артур направился в девятнадцатый район Вены. Здесь, в небольшом отеле, он обычно останавливался во время своих приездов в бывшую дунайскую столицу. Он помылся, надел пижаму и лег спать. На этот раз он долго не мог заснуть. Очевидно, сказывалось колоссальное напряжение последних дней и особенно встреча с Кройцером в самолете.

Теперь он окончательно убедился в том, что в отношении этой лисы Кройцера нужно срочно принимать самые решительные меры.

Перед отлетом в Вену Артур зашел к Рольфу Драйэку, который рассказал Линдемону о том, что им несколько раз ингересовался Кройцер. А это, по мнению Драйэка, не сулило ничего хорошего для Артура. Слово инга — это угадайка. Рольф достал из сейфа черную толстую папку с надписью на обложке «Аскет», протянул ее Артуру и вышел из кабинета, сказав, что вернется через полчаса.

Линдеман по достоинству оценил деликатность Рольфа, так как эта папка представляла собой личное дело хауптштурмфюрера СС Кройцера.

Артур внимательно читал анкеты, аккуратные донесения о Кройцере, различные проверки на его родителей, характеристики преподавателей из Геттингенского университета, в котором учился Кройцер, представления к наградам, справки о расовой полноценности Кройцера.

И через все дело, со страницы на страницу тянулись измены, провокации, подлые убийства из-за угла, интриги, подсиживание сослуживцев — цепочка преступлений, неизменным участником и организатором которых был Густав Кройцер.

Линдеман тщательно запоминал все основные сведения из личного дела Кройцера: сын хозяина нотного магазина в предместье Мюнхена, лучший ученик в гимназии и самый прилежный студент философского факультета Геттингенского университета. К двадцати годам почти в совершенстве владел английским, французским и шведским языками. В студенческих попойках и разгуле не участвовал, за что получил кличку «Аскет». В 1931 году на него обратил внимание агент разведслужбы немецкой армии профессор римского права университета Алоис Хольц, который познакомил Кройцера с резидентом албера священником католической церкви отцом Даниэлем. Тот проявил интерес к языковым способностям Кройцера и порекомендовал ему заняться изучением Восточной Европы и в первую очередь Советской Россией, ее нравами, бытом, экономикой и политикой.

Первым заданием Кройцера был реферат на тему «Россия во взглядах молодого поколения Германии». Чтобы написать этот реферат, Кройцер сблизился со многими студентами левых убеждений, в том числе с одной группой, участников которой в университете считали «красными». Взгляды этих молодых людей были подробно описаны Кройцером в своем реферате, за который он получил от профессора «гонорар». Так Кройцер стал осведомителем. Он по-прежнему водил дружбу с социал-демократами, знал даже кое-кого из коммунистов. Многие из бывших приятелей Кройцера называли его теперь не иначе как «красный аскет».

По заданию того же профессора Кройцер взялся за изучение произведений Маркса, Энгельса и Ленина, делал многочисленные выписки из их трудов. Оставалось меньше месяца до защиты докторской работы Кройцера, посвященной Советской России, когда канцлером Германии президент фельдмаршал Гинденбург назначил ефрейтора Гитлера.

«Красный аскет» Кройцер был вскоре арестован штурмовиками. Найденные у него на квартире произведения Маркса и Ленина оказались достаточным криминалом, чтобы упрятать Кройцера в тюрьму и даже осудить к расстрелу. От казни Кройцера спас профессор Хольц, но за полгода, проведенные в тюрьме, Кройцер узнал все ужасы пыток и окончательно решил всегда быть на стороне сильных.

В личном деле Кройцера имелись сообщения о том, что его неоднократно включали в подпольные группы антифашистов в Германии, которые были впоследствии разгромлены гестапо.

Некоторые отчеты о действиях Кройцера — вначале агента, а затем официального сотрудника гитлеровской службы безопасности Артур прочел дважды: в них были детали, которые можно было впоследствии использовать против самого Кройцера.

И вот сейчас, безуспешно пытаясь уснуть, Артур снова вспоминал биографию этого опасного провокатора, который вместе с десятками тысяч ему подобных эсэсовцев, гестаповцев, штурмовиков, сотрудников службы СД, криминальной полиции, полиции нравов, строительной и какой-то там еще полиции, подобно цепному псу, служил фюреру и его клике.

Прибыв в лагерь, Кройцер не спешил допрашивать Лемана. Вначале он тщательно изучил все, что было написано о Лемане в журнале коменданта лагеря. Ничего особенного там не было. Леман ничем не выделялся от других узников и ни разу не попал в поле зрения гестаповских осведомителей, которые были и среди заключенных. Кройцеру это не понравилось. Из своего опыта он знал, что такое благополучие и спокойствие часто скрывает весьма опасные вещи. К тому же Леман — коммунист и участник боев в Испании, так что трудно было поверить в его пассивность и бездеятельность.

Срочно вызванные под благовидным предлогом два осведомителя подтвердили, что они ни в чем не подозревают Лемана. «Правда, — сказал первый осведомитель, худой человек с нервным блеском глаз, в прошлом известный «медвежатник», — этого Лемана довольно часто оставляли в подземном цехе на ночь, а ведь в это время контроль значительно слабее. И что он там делал, я не знаю».

Всем заключенным было уже известно о бомбардировке, и многие из них, особенно русские, не скрывали своей радости.

Наконец Кройцер распорядился привести в кабинет коменданта заключенного Лемана. Роберт вошел в комнату в сопровождении двух эсэсовцев и остановился у двери. Кройцер, сидя за столом напротив коменданта лагеря, внимательно рассматривал этого человека, от которого, возможно, зависела дальнейшая карьера хауптштурмфюрера.

Несмотря на истощенность Лемана, в нем чувствовалась боль-

шая сила рабочего человека. Свои крупные жилистые руки он сжал в кулаки, вместо того чтобы держать их по швам, как того требовал лагерный режим. Лицо Роберта также не понравилось Кройцеру: упрямый подбородок, волевой рот, насупленные брови и особенно глаза, не потерявшие своего блеска в кацет и с каким-то скрытым вызовом смотревшие на Кройцера.

«С этим парнем, видимо, придется повозиться», — подумал про себя Кройцер и жестом приказал Леману подойти поближе к столу. Пока что Кройцер еще не определил линию допроса, но в данном случае нельзя было просто надеяться на свою интуицию

и опыт контрразведчика. Скорее всего следовало загнать этого кацетника в угол неожиданными и конкретными вопросами, чтобы он почувствовал, что Кройцеру уже все известно.

Но в этот момент все расчеты Кройцера были опрокинуты Робертом. Неожиданно для всех он быстро повернулся к одному из стоявших позади него эсэсовцев, нанес ему резкий удар ногой

в пах и вырвал из рук автомат. Кройцера спасло только то, что автомат был на предохранителе. Раздался сухой щелчок выстрела из парабеллума Кройцера, и Роберт рухнул лицом вперед, все еще сжимая в своих больших рабочих руках автомат. Ни на кого не глядя, Кройцер вскочил и выбежал из кабинета: от потрясения и минутного ужаса его начало тошнить.

Из лагеря Кройцер уехал в подавленном настроении. оборвалась последняя цепочка, которая могла его привести к русскому резиденту. Но мозг Кройцера по-прежнему лихорадочно работал, вспоминал все детали и мелкие факты, сопоставляя их, отбрасывая все ненужное и второстепенное. За последние полгода через его руки прошло несколько дел, казалось бы не связанных друг с другом, но ко всем этим делам имел, как правило, какое-то отношение хауптштурмфюрер СС Артур Линдеман.

Первая цепочка вела от Пенемюнде к объекту «Хохдрукпумпе». В ловушку на объекте никто не попал, но Линдеман приезжал туда

Вторая цепочка: Леман на Пенемюнде, потом в Маутхаузене и, наконец, на объекте «Флора». Линдеман, правда, не был в Пенемюнде, но посещал примерно в это же время и кадет Маутхаузен и объект «Флора».

И наконец, попытка похитить «черный портфель» в Бад-Аусзее. Установить личность погибшего пока еще не удалось, но по странному стечению обстоятельств в это время здесь оказался все тот же Линдеман. Правда, он, Кройцер, проверил эти поездки Линдемана и установил, что они были вполне оправданными, хотя это ничего и не значило для всех логических умозаключений Кройцера. Кстати, налет на объект «Флора» совершила русская авиация, не английская или американская, а именно русская. А значит, он не ошибся, с самого начала предположив, что идет по следу русской резидентуры. Черт, если бы подобные факты были у него, Кройцера, не о Линдемани с его наглостью и положением в берлинском обществе, а о ком-то другом, то он, не задумываясь, давно пустил бы их в ход. А тут ведь боишься организовать элементарную проверку корреспонденции Линдемана или поставить его под наблюдение. Здесь нужно бить только наверняка, ошибки должны быть исключены, иначе тот же Линдеман и его проклятый тесть Бингель сожрут его, Кройцера, с потрохами. Но он найдет, обязательно найдет последнее звено в цепочке предположений, которые могут стать доказательствами.

Чем больше думал обо всем этом деле Кройцер, тем сильнее росла в нем уверенность в необходимости проведения острого психологического опыта, который мог бы явиться завершением этой истории и, возможно, концом Линдемана.

...Сидя в выделенном ему кабинете в венском штабе СС, Артур неторопливо просматривал сообщения гестапо за последние три дня. Сообщения эти весьма наглядно показывали, какой сейчас «боевой дух» у немцев и австрийцев. «Две женщины в очереди за хлебом осуждали присоединение Австрии к рейху», «Старший кассир страхового агентства «Донау» не сомневается в поражении Германии», «Чиновник почтового отделения в Пратере стыдится того, что он соотечественник Гитлера».

Да, прошедшие годы многому научили людей. Сейчас Артур вспомнил, как в 1938 году тысячные толпы венцев, совершенно осатаневшие от буйного шовинизма, дикими криками «хайль!» встречали фюрера, когда он проехал в своем «мерседесе» по улицам Вены, а потом выступил с балкона дворца «Хофбург»... Дальше в сводках гестапо шли сообщения из концлагерей и тюрем. «Готовился побег из тюрьмы гестапо в Линце», «В кацет Маутхаузен среди заключенных весьма тревожные настроения». «В филиале кацет Маутхаузен при объекте «Флора» вызванный на допрос заключенный Леман вырвал у охраны оружие и пытался застрелить хауптштурмфюрера СС Кройцера, но тот сумел ликвидировать Лемана».

Артур еще и еще раз перечитывал это короткое сообщение. За прошедшие годы ему пришлось пережить гибель многих боевых друзей. И вот теперь Леман! Артур никогда не видел его в лицо, но знал, какой это смелый и решительный человек, настоящий коммунист. Благодаря опыту и усилиям Лемана удалось осуществить этот сложный взрыв на «Флоре».

И вот он погиб. Погиб, конечно, не случайно. Его вызвал на допрос Кройцер. Леман почувствовал большую угрозу для друзей, участников подполья и предпочел смерть неизбежным пыткам. Да, но опять Кройцер! Снова судьба сводит его с этим цепным псом. Игра чересчур затянулась. Нужно ее кончать.

В это время в дверь кто-то постучал. Артур распахнул ее и удивленно отступил на пороге: стоял несколько смущенный Кройцер.

— Нет, нет, господин доктор, — сказал он, заметив жест Артура, приглашавший его садиться. — Я к вам зашел только на минуту.

— Ради бога, располагайтесь, — Артур взял его под руку и подвел к креслу.

— Господин доктор, — продолжал Кройцер, усевшись в кресле напротив Артура, — для нас обоих не секрет, что между нами установились какие-то странные отношения взаимного недоверия. Не будем сейчас выяснять, кто виноват в этом, но мне кажется, что с этим недоверием нужно кончать.

Артур согласно кивнул головой. Заметив одобрительный жест Линдемана, Кройцер с явным чувством облегчения продолжал.

— Мы с вами образованные люди, многое повидали в жизни, кое в чем разбираемся — зачем же нам враждовать! Но вот что, я знаю здесь, в Вене, одно чудесное место, где можно великолепно провести время. Был бы очень рад, если бы у вас нашлось сегодня свободный часок-другой.

— С удовольствием принимаю ваше приглашение, господин хауптштурмфюрер. Где и когда?

— Я думаю, в девять вечера. Если вы не возражаете, я заеду за вами сам.

— Буду вас ждать. Я живу в гостинице «Цум хойриген», Химаништрассе, 25, в девятнадцатом районе.

Ровно в двадцать один час Кройцер подъехал к гостинице. Артур уже ждал на улице. Он сел рядом с Кройцером, и они быстро поехали по пустынным улицам в сторону Пратера.

Ресторан «Шварце Ауген» («Очи черные») существовал в Вене больше двадцати лет. Хозяином его был один бывший петербург-

ский адвокат, в свое время бежавший из революционной России и сумевший даже увезти с собой свои капиталы. Старый гурман и знаток русской кухни, он добился того, что к нему ездили наиболее именитые люди довоенной Австрии.

В ресторане «Шварце Ауген» можно было встретить фабриканта Маутнер-Маркгофа, графа Эстергази, крупных чиновников, бывших министров и богатых помещиков из Бургенланда. Артур был впервые в этом заведении. Он с любопытством осматривал стилизованную роспись зала: Кремль, березы, купола церквей и хороводы девушек в сарафанах.

Навстречу им уже бежал метрдотель — высокий худой мужчина с прилизанными волосами и большим — картошкой — носом. Подобострастно сгибая свою немощную фигуру и бормоча с сильным русским акцентом: «Прошу вас, господа», он провел Кройцера и Линдемана к столику, отгороженному от всего зала высокой стойкой.

Кройцер, очевидно, заранее побывал здесь, потому что на белоснежной скатерти стояли холодные закуски: соленые огурцы, яйцо под майонезом, маринованные грибы, квашеная капуста, красная рыба, бутерброды с черной икрой. В серебряной вазе лежал большой кусок льда, из которого выглядывала бутылка московской водки.

— Ужин по-русски, — пояснил Кройцер, заметив недоуменный взгляд Линдемана. — Они умеют поесть и выпить.

Метрдотель сам принимал заказ. На ломаном немецком языке он объяснил Линдеману, что из себя представляет то или иное блюдо. Произносить такие русские слова, как «борщ», «грибы», «икра» было довольно трудно, и Кройцер даже слегка улыбнулся, слушая, как Линдеман неумело выговаривает такие сложные сочетания согласных, как «гр», «рш», «кр».

— Господин доктор! — сказал Кройцер. — Борщ обычно едят днем, но это великолепная вещь, и я предложил бы заказать по небольшой чашке этого отличного супа с капустой и свеклой. А на второе? — Кройцер вопросительно посмотрел на метрдотеля.

— Позвольте порекомендовать карпа, запеченного в тесте, и биточки по-казацки с гречневой кашей.

Артур согласно кивнул головой — полагаюсь, мол, на ваш вкус — и стал накладывать себе в тарелку разные закуски.

Метрдотель взял бутылку с водкой и стал разливать ее в большие рюмки из толстого зеленого стекла. Заметив удивленно поднятые брови Линдемана, Кройцер пояснил: русские пьют большими рюмками и перед едой, а у нас ведь сегодня ужин по-русски.

— Господин Кройцер, — Артур повернулся к нему лицом, — а откуда вы знаете все эти русские традиции?

— Видите ли, я дважды бывал в России — в 1939 и 1940 годах и кое-что успел там узнать. Э, нет, пить будем до дна, по-русски, — и Кройцер лихо опрокинул в рот рюмку.

После этого он крикнул и стал нюхать ломтик черного хлеба, а потом щепотку взял капусту и стал ее жевать.

Артур удивленно смотрел на все эти манипуляции и потом нехотя, повинувшись призывному жесту Кройцера, маленькими глот-

ками выпил содержимое рюмки. Несмотря на призывные взгляды Кройцера, Артур ел борщ без всякого аппетита. Карп в teste ему очень понравился, а гречневую кашу он решился попробовать только после заверения Кройцера, что это очень вкусная вещь, которую любили даже цари.

Линдеман с трудом съел две ложки каши, потом отодвинул тарелку в сторону и снова принялся за бутерброды с икрой.

От Кройцера он, Артур, ожидал, по правде говоря, более тонкой игры, хотя этот «ужин по-русски» был расчетливой уловкой. Конечно, сам факт посещения русского ресторана был достаточно красноречивым. Кройцер стремился использовать эту «русскую атмосферу» как лакмусовую бумагу, чтобы посмотреть, как будет реагировать Артур!

Для этого же здесь крутится и этот метрдотель, очевидно, старый агент Кройцера. «Ну, ничего, — подумал про себя Артур, — поужинаем по-русски. Но нужно кончать с Кройцером. И как можно быстрее, ведь он подозревает меня в том, что я русский разведчик! Теперь это совершенно ясно»

После второй рюмки, которую Артур и Кройцер выпили на брудершафт, Линдеман немного захмелел. Кройцер с удивлением заметил, как у нового приятеля покраснело лицо, заблестели глаза, а движения рук стали более резкими. Спаивать Линдемана Кройцер не собирался, но тот теперь сам уже взял инициативу в руки, наливая одну за другой рюмки и даже пытался по примеру Кройцера опрокинуть водку в рот. Правда, у него из этого ничего не получилось, он закашлялся, а лицо еще больше покраснело.

Постепенно настроение Кройцера стало портиться. Его «психологический опыт» оказался снова неудачным, как и тогда, под Бад-Аусзее. Этот Линдеман вел себя за русской едой как самый обычный немец, и поймать его на какой-то мелочи не удалось. Хуже того: он стал постепенно упиваться, а этого Кройцер терпеть не мог. Он не любил вести работу с пьяными, зная из своего опыта, что это не дает обычно никаких результатов.

Он пытался незаметно убрать водку со стола, но Артур решительно воспротивился этому. Он даже потребовал «Кримзект» — крымское шампанское и с удовольствием выпил большой бокал этого отличного напитка, который ему удалось попробовать в Берлине еще в 1942 году.

Все тщательные приготовления Кройцера к этому вечеру пошли насмарку. Уже через полтора часа после их прихода в «Шварце Ауген» Артур настолько захмелел, что даже пытался обнять Кройцера, еще больше побледневшего от досады, и нелепо размахивал руками в такт веселой русской мелодии, которую лихо играли на небольшой эстраде ресторана пять балалаечников.

Перед тем как рассчитаться, Кройцер пошел в туалет. Сразу же вслед за ним туда вошел и метрдотель.

— Ну как? — спросил его Кройцер.

— Он такой же русский, как я немец, — уверенно ответил метрдотель.

К машине Артура пришлось тащить втроем — Кройцеру и двум официантам. Линдеман успокоился и больше не порывался бежать к музыкантам, игравшим в это время «Красный сара-

фан». Его бережно уложили на заднее сиденье, и он мгновенно заснул.

«Только бы не напачкал в машине», — безгласно подумал Кройцер, усаживаясь рядом с шофером. Настроение у него было самое скверное: его «психологический опыт» превратился в самую заурядную попойку. К тому же расплачиваться за пьянку ему пришлось из своего кармана. Никто в VI управлении не стал бы компенсировать эти расходы.

Когда они подъехали к гостинице, в которой жил Линдеман, Кройцер пошел звать на помощь портье, чтобы совместными усилиями доставить Артура в его номер.

В коридоре им встретилась хозяйка гостиницы, которая с упреком посмотрела на Кройцера, очевидно, считая его виновным в том, что Линдеман возвращается к себе в номер в таком плачевном состоянии.

Кройцер и его шофер сняли с Линдемана пиджак и туфли и осторожно уложили его в постель. Он тут же повернулся к стене и снова мгновенно заснул.

Кройцер приказал шоферу выйти из номера и, стоя вполоборота к спящему Линдеману, обыскал карманы его пиджака. Он достал оттуда бумажник и блокнот, внимательно просмотрел все записи, а потом аккуратно положил все обратно в карманы.

После этого Кройцер погасил свет и вышел из комнаты. Шофер ждал его в машине. Ехать домой Кройцеру не хотелось, и он приказал шоферу отвезти его в управление СС. Там он поработал около часа, а потом отправился пешком домой, на частную квартиру, в которой он обычно останавливался во время своих приездов в Вену.

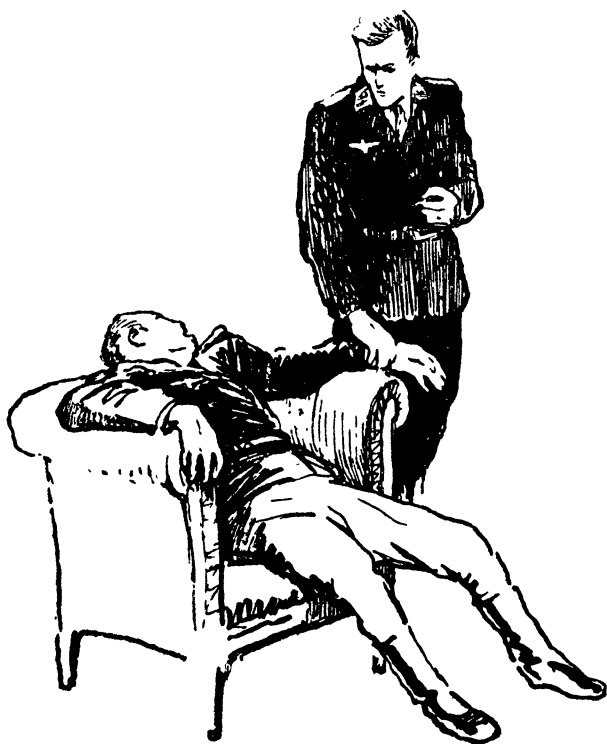
Была холодная зимняя ночь, но в воздухе уже пахло весной. Кройцер с удовольствием дышал свежим ночным воздухом. Теперь можно было спокойно поразмыслить над сложившейся ситуацией. Захватить Линдемана врасплох сегодня вечером ему не удалось. Придется снова перейти к повседневной кропотливой работе, дотошному выискиванию новых фактов. Но своего, в этом Кройцер был уверен, он все равно добьется.

Кройцер поднялся по лестнице на второй этаж, открыл дверь своей квартиры, не спеша снял пальто, ботинки и надел комнатные туфли.

После этого он зашел в свой рабочий кабинет и застыл у двери. Прямо лицом к нему за письменным столом сидел Линдеман. Он как-то безразлично и довольно равнодушно пригласил Кройцера сесть напротив. Кройцер машинально последовал приглашению. В этот момент он почувствовал, что руки у него становятся отвратительно липкими от пота.

— Я думаю, Кройцер, — сказал Линдеман холодным и спокойным голосом, — нам нужно все-таки завершить свой диалог. Он слишком затянулся.

Кройцер с ужасом смотрел на Линдемана. В этот момент он совершенно потерял все свое самообладание, внутреннюю дисциплину, умение логично мыслить. Сейчас им владело только одно чувство страха.

— Вы, Кройцер, — продолжал Линдеман, — как-то переоценили свои силы и допустили целый ряд грубейших ошибок, которых в рейхе вам никто не простит, а уж Шелленберг, безусловно, не станет спасать вашу шкуру. Я буду краток. По вашей инициативе, а вернее подозрительной халатности, в руки русской разведки попал абсолютно секретный документ об объекте «Хохдрукпумпе». Делалось это вами под предлогом того, что вам якобы удастся найти русского резидента. Наблюдение за русским разведчиком, ездившим к тайнику на Пенемюнде, было организовано вами с вопиющей безграмотностью, а может быть, это вы сделали вполне сознательно?

Кройцер подавленно молчал.

— Вместо того, чтобы взять лучших «шпитцелей», вы пустили за русским каких-то заезженных лошадей. Конечно, они его вскоре упустили. Следующий случай — сам объект «Хохдрукпумпе». Кто поверит, что такой прожженный контрразведчик, как вы, Кройцер, не смог обнаружить на этом объекте саботаж гигант-

ских размеров? Кстати, мне стало известно, что вы компаньон по игре в скат с Глекнером, бравшим взятки у фон Зальца! Кто поверит, что вы не знали обо всем этом? А ведь фюрер придает громадное значение именно этому объекту! Я задаю вам вопрос: как русский разведчик мог узнать об операции «черный портфель»? Почему в поезде Борзиг ехал один, без сопровождения? Выходит, вы его поставили под удар! Кто вам поверит, что в этом повинна ваша слепая кишка? И наконец: последняя нить, которая могла дать нам русского резидента, была вами оборвана. Почему вы поспешили ликвидировать этого кацетника Лемана? А ведь из него можно было бы многое выпотрошить!

Артур встал и подошел к Кройцеру.

— Мне кажется, наш диалог закончен, — сказал он своим обычным, несколько монотонным голосом. — У вас есть два выхода: или мы отсюда едем в управление СС. Вы знаете, что вас там ждет. Или...

В этот момент Артур увидел, что голова Кройцера откинута назад, нижняя челюсть отвалилась и его тело стало сползать с кресла.

Артур быстро взял его за руку и попытался нащупать пульс. Хауптштурмфюрер СС Кройцер был мертв.

Линдеман медленно брел в предутренней мгле по набережной Венского канала. Поравнявшись с мостом Шведенбрюкке, он неожиданно увидел, как рядом с ним притормозила небольшая спортивная «альфа-ромео». Дверца распахнулась, и из машины слышалось русское, родное: «Садись, Андрюша!»

В машине его крепко обнял «старик». Машина снова помчалась вдоль Дуная. Позади оставались темные громады Вены.

Над крышами домов с сухим треском взвилась белая ракета: это с зенитной батареи гитлеровцы сигналили своим «мессершмиттам» — ночным перехватчикам, барражировавшим над австрийской столицей. Оставляя за собой дымящийся хвост, ракета, шипя и плавая, растворилась тысячами искр в сыром предрассветном тумане, окутавшем кроны каштанов в парке «Пратер».

«Будто нам подали сигнал к новым атакам», — подумал Артур, взглянув в лицо «старика». Тот понимающе улыбнулся. А стрелка спидометра на освещенном приборном щитке, вздрагивая, карабкалась все выше и выше, словно тоже спешила в неизвестную даль, где Артуру уже предназначалось новое, быть может, еще более суровое и опасное свидание с тем, что не назовешь судьбой, ибо судьба — это и есть работа разведчика. В ней же для него весь смысл бытия. И потому своему ратному делу он до конца отдает самое дорогое и незаменимое — жизнь!

Года четыре назад появились на свет новые герои Станислава Лема — хитроумные конструкторы Трурль и Клапауциус, друзья и соперники. Первые «кибернетические сказки» с участием этих героев вошли в книгу «Сказки роботов». Позже появилась «Кибериада», где Трурль и Клапауциус стали основными героями. Из этой книги и взята публикуемая ниже сказка «Проказы короля Балериона».

Трурль и Клапауциус живут в мире, населенном роботами, и сами они — роботы. Впрочем, это чапековское обозначение не очень-то уместно в данном случае: им приходится пользоваться лишь за неимением другого. Они — роботы лишь в том смысле, что сконструированы из ме-

Станислав Лем

Фантастическая сказка

е жестокостью досаждал своим подданным король Балерион Кимберский, а пристрастием к увеселениям. И опять же ни пиров он не устраивал, ни оргиям ночным не предавался; невинные забавы были милы сердцу королевскому: в горелки, в чирика либо в стуколку готов был бы играть с утра до вечера; однако всему предпочитал Балерион игру в прятки. Ежели требовалось принять какое-либо важное решение, подписать декрет государственного значения, побеседовать с послами чужезвездными либо дать аудиенцию какому-нибудь

талла и пластиков и сложных электронных устройств. Но это не создания людей, вступающие в конфликт со своими создателями, какими описывал роботов Карел Чапек в пьесе «RUR», а короли, придворные, конструкторы, мастеровые — обитатели миров, где органической жизни вообще не существует.

Конечно, это лишь сказочно-юмористический прием, а не попытка пророчества — так же, как басня, где действуют говорящие львы, лисицы, волки, не претендует на предвещание мира, населенного разумными животными — без людей. О том, что Трурль и Клапауциус — роботы, помнишь далеко не всегда: действуют они подчас как люди.

Рисунки Г. КОВАНОВА

маршалу, король немедленно прятался и под страхом суровейших наказаний повелевал себя искать. Бегали тогда придворные по всему дворцу, заглядывали в башни и рвы, простучивали стены, так и этак переворачивали трон, и поиски эти нередко затягивались, ибо король каждый раз придумывал новые тайники и укрытия. Однажды не дошло до объявления сугубо важной войны лишь потому, что король, обвешавшись стекляшками и финтифлюшками, три дня висел в главном дворцовом зале, изображая люстру, и посмеивался исподтишка над отчаянной беготней придворных.

Тот, кто его находил, немедленно награждался званием Великого Открывателя Королевского; было таких Открывателей при дворе уже семьсот тридцать шесть. Ежели кто хотел попасть в доверие к королю, непременно должен был поразить монарха какой-то новой, неизвестной ему игрой. Нелегко это было сделать, ибо король был весьма сведущ в этом вопросе: знал и древние игры — например, чет и нечет — и новейшие, с обратной связью, на манер кибергая; время от времени говорил он также, что все есть игра либо развлечение — и его королевство и весь свет.

Возмущали эти речи, легкомысленные и неразумные, степенных королевских советников, а более всех страдал старейшина дворцового совета, достопочтенный Папагастер из древнего рода Матрицнев, видя, что для короля нет ничего святого и что даже собственное высочайшее достоинство решается он подвергать осмеянию.

Наивысший, однако, ужас охватывал всех, когда король, поддавшись внезапному капризу, начинал игру в загадки-отгадки. С давних пор увлекался он этим и еще во время своей коронации поразил великого канцлера вопросом: различаются ли между собой патер и матерь, и если да, то зачем?

Король вскорости уразумел, что придворные, которым задает он загадки, не слишком тшятся их разгадывать. Отвечали они лишь бы ответить, впопад и невпопад, что безмерно Балериона

гневало. Дело лучше пошло, когда король заявил, что назначение на придворные должности будет зависеть от результатов отгадывания. К величайшему прискорбию, многие сановники решались обманывать короля, и тот, хоть и был добрым по натуре, такого поведения стерпеть не мог. Главный маршал королевский осужден был на изгнание за то, что на аудиенциях пользовался шпаргалкой, укрытой под горловиной панциря; вряд ли бы это обнаружилось, если б некий генерал, его недруг, не доложил об этом потихоньку королю. Так же и старейшине дворцового совета Папагастеру пришлось распрощаться со своей должностью, ибо не знал он, где находится самое темное место в мире. По прошествии некоторого времени дворцовый совет состоял уже из самых ловких во всем государстве разгадывателей кроссвордов и ребусов, а министры и шагу не ступали без энциклопедии. Под конец достигли придворные такой сноровки, что давали правильные ответы еще прежде, чем король заканчивал вопрос, и дивиться этому не приходилось, поскольку и придворные и король были постоянными подписчиками «Правительственной газеты», в которой вместо скучных приказов и указов публиковались преимущественно шарады и массовые игры.

Однако, по мере того как проходили годы, королю все меньше хотелось раздумывать, и вернулся он поэтому к своему первому и самому любимому развлечению — к игре в прятки. А однажды, разыгравшись, установил совершенно необычную награду для

того, кто придумает самое лучшее укрытие в мире. Наградой этой назначил король драгоценность неоценимую: коронный бриллиант рода Кимберитов, из которого происходил Балерион. Камня этого дивно давно уже никто и в глаза не видел — долгие века пребывал он за семью замками в королевской сокровищнице.

Надо же было случиться, что Трурль и Клапауциус во время очередного своего путешествия наткнулись на Кимберию. Весть

о королевской причуде как раз в это время обошла все государство; а поэтому быстро дошла и до слуха конструкторов; услышали они это от местных жителей на постоялом дворе, где провели ночь.

И отправились они наутро к дворцу, чтобы сообщить что знают секрет укрытия, равного которому нет. Жаждающих награды явилось, однако, так много, что невозможно было сквозь эту толпу протиснуться. Это им пришлось не по вкусу, и вернулись они на постоянный двор, решив на следующий день снова попытаться счастья. Однако счастьем надо хоть чуточку помогать; мудрые конструкторы об этом помнили, а посему Трурль каждому стражнику, который хотел их задержать, а погом и придворным, чинящим препятствия, молча совал в руку увесистую монету; а ежели тот не отступал, но, напротив, возмущался, Трурль тут же добавлял вторую, еще более увесистую; не прошло и пяти минут, а они уже очутились в тронном зале перед лицом его величества.

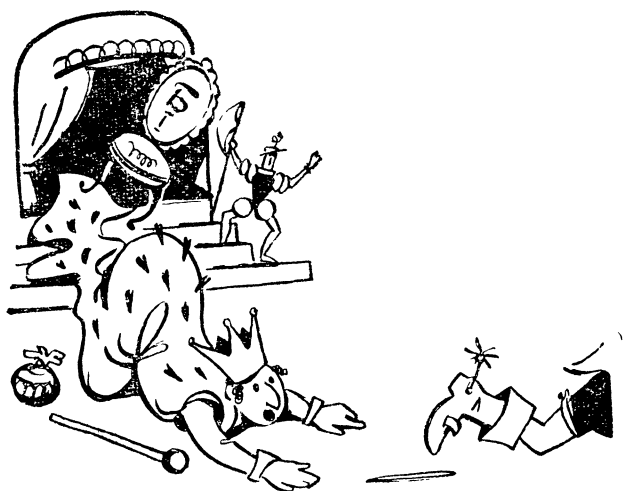
Весьма обрадовался король, услышав, что такие прославленные мудрецы прибыли в его владения специально, чтобы одарить его сведениями об идеальном укрытии. Не сразу удалось растолковать Балериону, что да как, но разум его, с детства приученный к трудным загадкам, ухватил, наконец, в чем суть дела. Король возгорелся энтузиазмом, сошел с трона и, заверяя двух приятелей в неизменной своей благосклонности, сказал, что наградой он их не обойдет, при условии, что тут же сможет испробовать тайный рецепт. Клапауцус, правду говоря, не хотел сообщать рецепт, бормоча сквозь зубы, что следовало бы ранее написать, как положено, договор на пергаменте, с печатью и шелковой кистью, однако же король неотступно молил их и клялся всеми святыми, что награда им обеспечена, — и конструкторы сдались.

Необходимое устройство было у Трурля в маленьком ящичке, который он принес с собой и теперь показал королю. С игрой в прятки это изобретение не имело, собственно, ничего общего, однако можно было применить его и с такой целью. Был это карманный, портативный двусторонний обменник индивидуальности — разумеется, с обратной связью. При его посредстве двое могли по желанию обменяться индивидуальностями, что происходило совершенно просто и весьма быстро. На голову надевался аппарат, похожий на коровьи рога. Надо было приставить рога эти к голове того, с кем хочешь совершить обмен, и слегка нажать; тогда включалось устройство, генерирующее две противоточные серии молниеносных импульсов. По одному рогу ваша собственная индивидуальность уходила в глубь чужой, а по другому — чужая индивидуальность вливалась в вашу. Происходила, таким образом, абсолютная разгрузка памяти и одновременная загрузка чужой памяти в возникшую пустоту.

Трурль для наглядности надел аппарат на голову и приблизил рога к монаршему челу, объясняя, как следует пользоваться обменником, но тут порывистый король так крепко боднул его, что устройство включилось и произошел моментальный обмен индивидуальностей. И совершилось это так быстро и так незаметно, что Трурль, до тех пор экспериментов над собой не произ-

водивший, даже не сообразил, что случилось. Клапауциус, стоявший поодаль, тоже ничего не заметил и только удивился, что Трурль внезапно прервал свое объяснение, а продолжил его сам король, применяя такие выражения, как «потенциалы нелинейного субмемонического перехода» или «адиабатический проток индивидуальности по обратному каналу». Лекция продолжалась, и, слушая пискливый голос монарха, почувствовал вскоре Клапауциус, что случилось нечто недоброе.

Балерион, находившийся в организме Трурля, вовсе не слушал ученых разглаголистгований, а пошевеливал слегка руками и ногами, будто старался поудобней устроиться в новом для него теле, с большим любопытством его осматривая. И вдруг Трурль, облаченный в длинный плащ королевский, взмахнув рукой при повествовании об антиэнтропических критических переходах, почувствовал, будто ему мешает нечто. Он глянул на собственную руку и остолбенел, увидев, что держит в ней скипетр. Не успел Трурль и слова вымолвить, как король рассмеялся радостно и выбежал из тронного зала. Трурль устремился за ним, но запутался в пурпурном монаршем одеянии и растянулся во весь рост на полу, а на грохот этот сбежались придворные. Бросились они сперва на Клапауциуса, думая, что он угрожает его величеству. Пока коронованный Трурль поднялся, пока объяснял, что ничего ему плохого Клапауциус не сделал, Балериона уж и след простыл. Тщетно пытался Трурль в королевской мантии бежать за ним, придворные того не допустили. Отбивался он от них и кричал, что никакой он не король и что произошла пересадка.

Они же решили, что чрезмерное увлечение головоломками, несомненно, повредило разум властителя, посему почтительно, но не преклонно увели его в спальню, хоть орал он и изо всех сил упирался, и послали за лекарями.

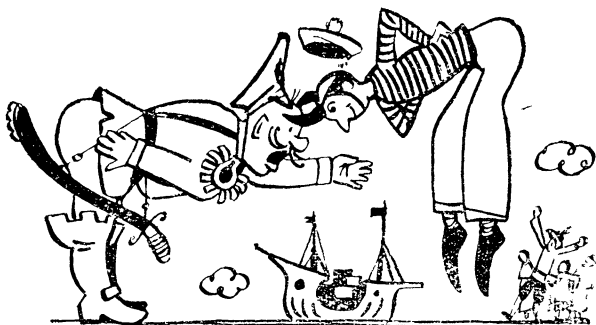
Клапауциуса же стражники вытолкнули на улицу, и он побрел к постоялому двору, не без тревоги размышляя об осложнениях, которые могут из всего происшедшего возникнуть.

«Разумеется, — думал он, — если б это я был на месте Трурля, то при свойственном мне спокойствию духа мигом навел бы порядок. Не скандалил бы я и не кричал о пересадке — ведь это неминуемо вызовет мысль о душевной болезни, — а потребовал бы, используя свое новое, королевское тело, чтобы поймали мнимого Трурля, сиречь Балериона, который бегаёт себе теперь где-то по городу. А заодно повелел бы, чтобы другой конструктор остался при моей королевской персоне в качестве тайного советника. Но этот абсолютный кретин, — так назвал он невольно про себя Трурля-короля, — распустил нервы; ничего не подделаешь, придется применить мой стратегический талант, иначе все это добром не кончится...»

Затем постарался Клапауциус вспомнить все, что ему известно о свойствах обменника индивидуальности, а знал он об этом немало. Наиболее важным, а вместе с тем и наиболее опасным считал он то свойство, о котором легкомысленный Балерион, злоупотребляющий где-то телом Трурля, и понятия не имел. Если бы он упал и при этом рогами боднул какой-нибудь предмет материальный, но неживой, его индивидуальность немедленно вошла бы в этот предмет, а поскольку неживые вещи индивидуальности не имеют и ничего взамен со своей стороны дать не могут, тело Трурля стало бы трупом, а дух королевский, замкнутый в камень либо в фонарный столб, навеки остался бы там.

В тревоге ускорил Клапауциус шаги и невдалеке от постоянного двора узнал от оживленно беседующих горожан, что его товарищ выскочил из королевского дворца, будто за ним черти гнались, и, стремглав сбегая по длинной и крутой лестнице, ведущей в порт, упал и сломал ногу, что привело его в ярость прямо-таки необычайную; лежа, начал он орать, что, мол, перед ними король Балерион собственной персоной и требует он придворных врачей, носилок с пуховыми подушками и освежающих ароматов. И стоявшие вокруг смеялись над его безумием, а он ползал по мостовой, ругался на чем свет стоит и раздираал свои одежды. Некий прохожий, добросердечный, видно, человек, склонился над ним и хотел помочь ему подняться. Тогда лежащий сорвал с головы шапку, из-под которой, как уверяли лично видевшие эту сцену, показались дьявольские рога. Рогами этими он боднул доброго самаритянина в лоб, вслед за чем пал на землю, издавая слабые стоны, а тот, кого он боднул, сразу изменился, «будто сам дьявол в него вступил», и, прыгая, приплясывая, расталкивая всех по пути, во весь дух помчался вниз по лестнице, к порту.

Клапауциусу прямо-таки дурно сделалось, когда он все это услышал, ибо понял он, что Балерион, попортив тело Трурля, которое так недолго ему служило, пересел в тело какого-то неизвестного прохожего. «Ну, вот теперь-то начнется! — подумал он

с ужасом. — И как я теперь найду Балериона, спрятанного в новом и незнакомом теле? Где его искать?» Пробовал он выведать у горожан, кто был прохожий, так добросердечно отнесшийся к поверженному лже-Трурлю, а также куда девались рога; но никто не знал этого человека, видели только, что одежда на нем была моряцкая и чужеземная, словно приплыл он на корабле из дальних стран. О рогах же никго и вовсе не ведал. Но тут отозвался один нищий и сказал Клапауциусу, что добросердечный моряк сорвал рога с головы у лежащего весьма поспешно — никто другой этого и заметить не успел.

Похоже было на то, что обменник по-прежнему у Балериона и цепь головоломных пересадок из тела в тело может продолжаться. Особенно перепугало Клапауциуса известие о том, что Балерион находился сейчас в каком-то моряке-чужеземце. «Вот те на! — подумал он. — Моряк, а это значит, что ему вскоре отплывать. Если он вовремя не явится на корабль (а он наверняка не явится, ведь Балерион понятия не имеет, с какого корабля этот моряк!), капитан обратится к портовой полиции, а та схватит моряка как беглеца, и король Балерион мигом окажется в подземельях тюрьмы! А если он с отчаянья хоть раз боднет стену темницы рогами, то есть аппаратом... ужас, ужас и еще раз ужас!»

И хоть поистине ничтожными были шансы найти моряка, в которого перебрался Балерион, Клапауциус немедленно отправился в порт. Счастье, однако, ему сопутствовало, ибо еще издали увидел он большую толпу. Сразу почуяв, чем тут пахнет, Клапауциус вmeshался в эту толпу и из разговоров понял, что случилось нечто весьма похожее на то, чего он опасался. Не далее как несколько минут тому назад некий достопочтенный арматор, владелец целой торговой флотилии, заметил здесь своего матроса, человека на редкость добропорядочного. Однако же теперь матрос осыпал прохожих бранными словами; тем, которые предостерегали его и советовали, чтобы шел он восвояси да полиции остерегался, заносчиво в ответ выкрикивал, что он сам-де кем захочет, тем и будет, хотя бы и всей полицией зараз. Возмущен-

ный этим зрелищем арматор обратился к матросу с увещанием, но тот немедленно схватил валявшуюся тут же немалой величины палку и обломал ее о туловище почтенного арматора. Тут появился полицейский отряд, в порту патрулировавший, — ибо драки тут всегда нередки, — и получилось так, что во главе его шел сам комендант участка. И поскольку матрос упорствовал в строптивом непослушании, комендант велел его немедленно схватить. Когда же приступили к нему полицейские, бросился матрос как бешеный на самого коменданта и боднул его головой, из которой нечто наподобие рогов торчало. В тот же миг матрос будто чудом переменялся — начал он кричать во весь голос, что он-де полицейский, да не простой, а начальник портового участка; комендант же, выслушав этакие бредни, не разгневался, но неведомо почему засмеялся, словно весьма развеселившись, и приказал своим подчиненным, чтобы они кулаков да палок не жалели и побыстрее препроводили скандалиста в каземат.

Итак, Балерион менее чем за час трижды уже сменил телесное свое местопребывание и находился в теле коменданта, тот же ни за что ни про что в подземной темнице сидел. Вдохнул Клапауциус и направился напрямик в участок, каковой находился в каменном здании на набережной. По счастью, никто его не задержал, и вошел Клапауциус внутрь, заглядывая поочередно в пустые комнаты, пока не увидел перед собой до зубов вооруженного исполина, восседающего в тесноватом для него мундире;

сурово посмотрел он на конструктора и так угрожающе пошевелился, будто за двери его собирался вышвырнуть. Но в следующий момент рослый сей индивидуум, которого Клапауциус впервые в жизни видел, подмигнул ему внезапно и расхохотался, причем физиономия его, к смеху не приученная, поразительно изменилась. Голос у него был басистый, явно полицейского тембра, однако улыбка его и подмигивание незамедлительно напомнили Клапауциусу короля Балериона, ибо король это был перед ним, король встал из-за стола, в чужом, правда, теле!

— Я тебя сразу узнал, — сказал Балерион-комендант. — Это ведь ты был во дворце со своим коллегой, который мне аппарат дал, верно? Ну, не отличное ли теперь у меня укрытие? Ха! Да весь дворцовый совет хоть из кожи вон лезть будет, ни-почем не додумается, куда я спрятался! Превосходная это штука — быть вот таким важным здоровенным полицейским! Глянь-ка!

И, сказав это, он трахнул могучей, истинно полицейской лапшей по столу — доска даже треснула, да и в кулаке что-то хрустнуло. Поморщился слегка Балерион, но, растирая руку, добавил:

— Ох, что-то у меня там лопнуло, да это неважно — в случае надобности переседаю я, может, в тебя. А?

Клапауциус невольно к двери попятился, комендант, однако, загрохотал ему путь исполнинской своей тушей и продолжал:

— Я, собственно, тебе, милуша, зла не желаю, но ты можешь наделать мне хлопот, поскольку знаешь мой секрет. А потому думаю я, что лучше всего для меня будет, если засажу я тебя в кутузку. Да, так будет лучше всего! — Тут он отвратительно захохотал. — Таким образом, когда я во всех смыслах уйду из полиции, никто уже, в том числе и ты, не будет знать, в ком я спрятался. Ха-ха!

— Однако же, ваше величество, — проговорил Клапауциус с нажимом, хоть и понизив голос, — вы подвергаете свою жизнь опасности, ибо не знаете многочисленных секретов этого устройства. Вы можете погибнуть, можете оказаться в теле смертельно больного человека или же преступника...

— Э! — ответил король. — Это меня не пугает. Я, мой милый, сказал себе, что должен помнить лишь об одном: при каждой пересадке надо рога забрать!

Говоря это, он потянулся рукой к столу и показал аппарат, лежащий в ящике.

— Каждый раз, — продолжал он, — должен я это схватить, сорвать с головы того, кем я был, и взять с собой, тогда мне нечего бояться!

Пытался Клапауциус убедить его, чтоб оставил он мысль о дальнейших телесных переменах, но тщетно: король лишь посмеивался в ответ. Под конец сказал Балерион, явно развеселившись:

— О том, чтобы я во дворец вернулся, и говорить нечего! Уж если хочешь знать, то вижу я перед собой длинное странствие по телам моих подданных, что, кстати сказать, согласуется с моей демократически настроенной натурой. А в завершение,

вроде как на десерт, оставлю я себе вхождение в тело какой-нибудь пленительной девы — это ведь наверняка будет ощущение безмерно поучительное, ха-ха!

Говоря это, открыл он дверь одним рывком могучей лапищи и гаркнул, вызывая своих подчиненных. Видя, что если не совершить нечто отчаянное, то попадешь в каземат, схватил Клапауциус чернильницу со стола, плеснул чернила в лицо королю, а сам, пользуясь временной слепотой своего преследователя, выпрыгнул в окно. К счастью, было это невысоко, а к тому же никаких прохожих поблизости не оказалось, так что удалось ему, мчась во весь дух, добраться до многолюдной площади и затеряться в толпе, прежде чем полицейские, которых король последними словами обзывал, начали выбегать из участка на улицу, одергивая мундиры и грозно бряцая оружием.

Клапауциус, отдаляясь от порта, предался размышлениям поистине невеселым. «Лучше всего было бы, — думал он, — предоставить этого мерзкого Балериона его судьбе да отправиться в больницу, где пребывает тело Трурля с душой этого честного матроса; если это тело попадет во дворец, приятель мой снова может стать самим собой — и духовно и телесно. Правда, появится тогда новый король с матросским естеством — но провалится он пропадом, этот весельчак Балерион!»

План этот был неплох, однако для его осуществления не хватало одной вещи, хоть и небольшой, но весьма важной, — обменника с рогами, который находился ведь в ящике комендантского стола. Поразмыслил было Клапауциус, не удастся ли ему построить второй такой аппарат, но для этого не хватало как материала и инструментов, так и времени.

«Ну, тогда, может, так надо сделать... — рассуждал Клапауциус. — Пойти к Трурлю-королю; он, надо полагать, уже пришел в себя и сообразил, что надо делать; скажу ему, чтобы повелел он солдатам окружить портовый полицейский участок, таким образом попадет в наши руки аппарат, и Трурль сможет вернуться в собственное тело!»

Однако его даже и не впустили во дворец, когда он туда направился. Король, сказали ему в караульне дворцовой, спит крепко благодаря тому, что лекари применили средства электронного успокоения и подкрепления; сон этот продлится не менее сорока восьми часов.

«Этого только не хватало!» — в отчаянии подумал Клапауциус и пошел в больницу, где пребывало Трурлево тело, ибо опасался, чтобы, выписавшись досрочно, не исчезло оно в лабиринтах большого города. Представился он там как родич потерпевшего — имя матроса ему удалось вычитать в истории белезни. Узнал Клапауциус, что ничего серьезного с матросом не случилось, нога у него была не сломана, а лишь вывихнута, однако же несколько дней не сможет он покинуть больничной постели. Видеться с матросом Клапауциус, разумеется, не стремился, поскольку имело бы это лишь одно последствие: обнаружилось бы, что они с потерпевшим вовсе не знакомы.

Удостоверившись в том, что тело Трурля не сбежит внезапно, вышел Клапауциус из больницы и начал блуждать по улицам, погрузившись в напряженные размышления. И не заметил он, как

в этих блужданиях приблизился к порту, а тут увидел, что кругом так и толкуются полицейские и испытующие заглядывают в лицо каждому прохожему, сверяя черты его облика с тем, что записано у них в служебных блокнотах. Сразу понял Клапауциус, что это штучки Балериона, который настойчиво разыскивает его. В тот же миг обратился к нему ближайший караульный: дорога к отступлению была отрезана, ибо из-за угла вышли еще два стражника. Тогда с совершенным спокойствием сам отдался Клапауциус в руки полицейских и сказал, что одного лишь добивается — чтобы привели его к своему начальнику, поскольку должен он немедленно дать чрезвычайно важные показания о некоем ужасном злодеянии. Тут же его окружили и кандалы надели, но, на счастье, не сковали обеих рук, а лишь его десницу к шуйце стражника приторочили.

В участке полицейском Балерион-комендант встретил скованного Клапауциуса, удовлетворенно ворча и злорадно подмигивая маленькими глазками, конструктор же еще с порога возопил, всячески стараясь изменить свою речь на чужеземный манер:

— Господина начальника! Ваша благородия полицейская! Моя хватать, что я Клапауциус, но нет, моя не знать никакая Клапауциус! Но, может быть, это такая нехорошая, она боднуть-пихнуть моя рогами на улице, и моя-твоя чудо быть, наша-ваша и моя терять телесность, и теперь душевность от моя, а телесность быть от не моя, моя не знать как, но та рогац убежать быстро-быстро! Ваша великая полицейскость! Спасите!

И с этими словами пал хитрый Клапауциус на колени, гремя кандалами и болтая быстро и неустанно на том же ломаном языке. Балерион же, в мундире с эполетами за столом стоя, слушал и моргал, слегка ошеломленный; вглядывался он в коленопреклоненного, и видно было, что уж почти поверил ему, ибо Клапауциус по дороге к участку вдавливал пальцы свободной левой руки в лоб, чтобы получились там две вмятины, подобные тем, какие оставляют рога аппарата. Приказал Балерион расковать Клапауциуса, выгнал всех своих подчиненных, а когда остались они с глазу на глаз, велел Клапауциусу подробно рассказать, как было дело.

Клапауциус сочинил длинную историю о том, как он, богатый чужеземец, лишь сегодня утром причалил к пристани, везя на своем корабле двести сундуков с самыми удивительными в мире головоломками, а также тридцать прелестных заводных девиц, и хотел он и то и другое преподнести великому королю Балериону, ибо был это дар от императора Труболюда, который тем самым желал выразить династии Кимберской дистанционное свое почтение; и как по прибытии сошел он с корабля, дабы хоть ноги размять после длительного странствия, и прохаживался преспокойно по набережной, когда некий субъект, с виду вот именно такой, — тут показал Клапауциус на свое туловище, — уже тем возбудивший его подозрение, что так алчно глазел на великолепное одеяние чужеземное, внезапно ринулся на него с разгона, будто обезумел и хотел его, страхом обьятого, навывлет пробовать, однако же лишь сорвал с головы шапку, боднул его сильно рогами, и свершилось тогда непонятное чудо обмена душ.

Заметить тут надлежит, что Клапауциус немало страсти вло-

жил в сие повествование, стремясь придать ему как можно более правдоподобия. Подробно рассказывал он о своем утраченном теле, а притом весьма презрительно и едко отзывался о том, в коем сейчас пребывал; он даже оплеухи себе самому закатывал и плевал то на живот, то на ноги; не менее подробно описывал он сокровища, им привезенные, а в особенности — девиц заводных; говорил о своей семье, оставленной в краю родном, о любимом сыне-машине, о мопсе своем электронном, об одной из трехсот своих жен, которая умеет такие соусы готовить на сочных ионах, что и сам император Труболюд подобных не едал; доверил он также коменданту полиции самый большой свой секрет, а именно, что условился он с капитаном корабля, чтобы тот отдал сокровища любому, кто на палубе появится и тайное слово произнесет.

Алчно выслушивал Балерион-комендант бессвязное его повествование, ибо и вправду все это казалось ему логичным: Клапауциус хотел, видимо, укрыться от полиции и совершил это, перенесясь в тело чужеземца, которого избрал потому, что муж сей облачен был в великолепные одежды, а значит, наверняка богат; благодаря такой пересадке возможно было обзавестись немалыми средствами. Видно было, что различные мысли Балериона одолевают. Всячески старался он выпытать тайное слово от лжечужеземца, который, впрочем, не очень тому противился и, наконец, шепнул ему на ухо это слово, а звучало оно так: «Ныртек». Теперь уже видел конструктор, что привел Балериона туда, куда нужно, ибо Балерион, на головоломках помешанный, не желал, чтобы преподнесли их королю, поскольку сам он сейчас королем не был.

Сидели они теперь молча, и видно было, что какой-то плач созревает в голове Балерионовой. Начал он кротко и тихо спрашивать у мнимого чужеземца, где стоит его корабль, как на него попасть и так далее. Клапауциус отвечал, на алчность Балериона рассчитывая, и не ошибся, ибо тот внезапно поднялся, заявил, что должен проверить его слова, и вышел из кабинета, тщательно замкнув двери. Услыхал также мнимый чужеземец, что, наученный недавним опытом, Балерион поставил на пост под окном комнаты вооруженного стражника.

Знал, разумеется, Клапауциус, что корыстолюбец вернется ни с чем, ибо ни корабля такого, ни сундуков с головоломками, ни заводных девиц и в помине не было. Однако на этом его план и основывался. Едва закрылись двери за королем, подбежал Клапауциус к столу, достал из ящика аппарат и поскорее нацепил его на голову, а потом преспокойно стал дожидаться Балериона. В скором времени услышал он грохот шагов и извергаемые сквозь зубы проклятия, потом заскрежетал ключ в замке, и ввалился в комнату комендант, с порога еще выкрикивая:

— Мерзавец, где корабль, где сокровище, где головоломки?!

Однако больше он ничего не успел вымолвить, потому что Клапауциус, притаившийся за дверью, прыгнул на него, как взбесившийся козел, боднул его в лоб, и, прежде чем успел Балерион как следует расположиться в новом теле, Клапауциус-комендант во весь голос заорал, вызывая полицейских, и велел заковать короля, тут же в каземат отправить да стеречь хорошенько. Ополоу-

мев от неожиданности, Балерион в новом теле понял, наконец, как позорно его провели; уразумев, что все время имел дело с ловким Клапауциусом, а никакого чужеземца и не существовало, разразился он в темнице ужасающими ругательствами и угрозами, но тщетно — не было уже у него аппарата.

Клапауциус же хоть временно и утратил свое хорошо знакомое тело, но зато получил обменник индивидуальности, чего и добивался. Так что облачился он побыстрее в парадный мундир и отправился напрямик в королевский дворец.

Король по-прежнему спал, однако же Клапауциус в качестве коменданта полиции заявил, что необходимо ему хоть на десять секунд повидать короля, поскольку речь идет о деле величайшего значения, об интересах государства, и всякого такого наговорил, что придворные перепугались и допустили его к спящему. Хорошо зная привычки и причуды Трурля, Клапауциус пощекотал ему пятку, Трурль подпрыгнул и немедленно пробудился, потому что щекотки боялся сверх меры. Он быстро пришел в себя и удивленно глядел на незнакомого исполина в полицейском мундире, но тот, склонившись, сунул голову под балдахин кровати и шепнул:

— Трурль, это я, Клапауциус, мне пришлось пересест в полицейского, иначе я не добрался бы до тебя, а к тому же у меня и аппарат при себе.

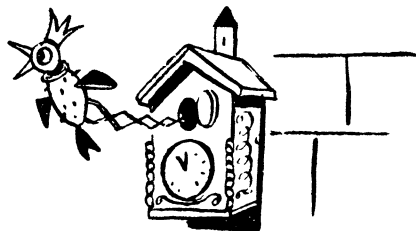
Рассказал ему тут Клапауциус о своей хитрой проделке, и Трурль, чрезвычайно обрадованный, немедленно встал и заявил, что чувствует себя отменно. А когда обрядили его в пурпур, воссел он со скипетром и державой на троне, дабы отдать многочисленные приказания. Велел он попервоначально, чтобы привезли ему из больницы его собственное тело с ногой, которую свихнул Балерион на портовой лестнице; когда же сделали это, наказал он лекарям придворным, дабы пострадавшего немедленно величайшей заботой и опекой окружили. Посоветовавшись затем с комендантом полиции, сиречь Клапауциусом, решил действовать во имя восстановления всеобщего равновесия и подлинного порядка.

Нелегко это было совершить, ибо история безмерно запуталась. Однако же конструкторы не имели намерения вернуть все души в прежние их телесные оболочки. Ранее всего, со всевозможной быстротой следовало так поступить, дабы Трурль и телесно стал Трурлем, равно как Клапауциус — Клапауциусом. Повелел поэтому Трурль привести пред лицо свое скованного Балериона в теле коллеги, прямо из полицейского каземата. Совершили тут же первую пересадку, Клапауциус снова стал собой, а королю в теле экс-коменданта полиции пришлось выслушать немало весьма для него неприятного, после чего отправился он опять в каземат, на этот раз — королевский; официально же объявили, что впал он в немилость вследствие неспособности к решению ребусов.

Назавтра тело Трурля до такой степени уже выздоровело, что можно было отважиться на пересадку. Одна лишь проблема оставалась нерешенной. А именно — неловко все же было покинуть эту страну, должным образом не уладив вопроса о престолонаследии. Ибо о том, чтобы извлечь Балериона из оболочки полицейской и снова на престол его посадить, конструкторы и ду-

мать не желали. Решили они поэтому рассказать обо всем тому честному матросу, который в теле Трурлевом обретался, взяв с него великую клятву, что сохранит он молчанье. Увидев же, как много содержится разума в этой простой душе, сочли они его достойным властвовать, и после пересадки Трурль стал самим собой, матрос же — королем.

Еще ранее повелел Трурль доставить во дворец большие часы с кукушкой, каковые заприметил Клапауциус в антикварном магазине, когда бродил по городу. И пересадили разум короля Ба-

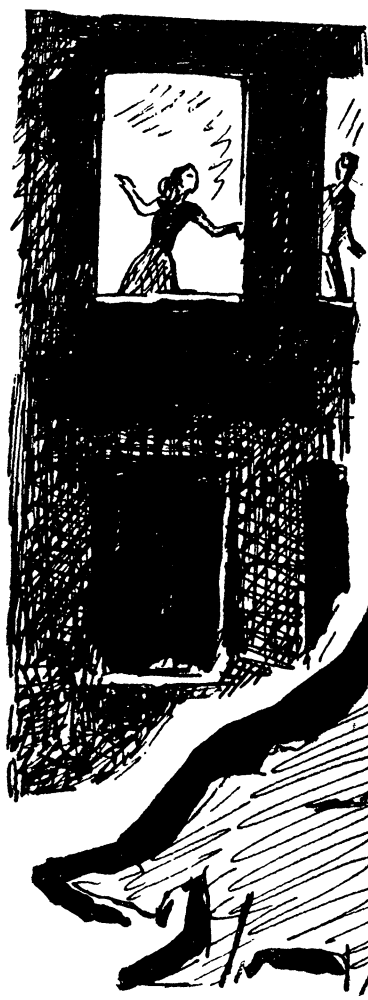

лериона в тело кукушечье, а кукушкин разум — в тело полицейского; тем самым восторжествовала справедливость, ибо королю с той поры пришлось добросовестно трудиться и аккуратным кукованьем, к которому принуждали его в соответствующее время уколы часовых шестеренок, должен он был весь остаток жизни, висая на стене тронного зала, искупать безрассудные свои забавы и покушение на здоровье конструкторов. Комендант же вернулся на свою прежнюю работу и отлично с ней справлялся, ибо кукушечьего разума оказалось для этого вполне достаточно.

Когда же это произошло, друзья, попрощавшись поскорее с венценосным матросом, взяли пожитки свои на постоялом дворе и, отряхнув с башмаков прах этого не слишком гостеприимного королевства, двинулись в обратный путь.

Присовокупить следует, что последним деянием Трурля в теле королевском было посещение дворцовой сокровищницы, откуда забрал он коронную драгоценность рода Кимберского, поскольку награда эта по справедливости ему полагалась как изобретателю неоценимого укрытия.

**Перевела с польского
Ариадна ГРОМОВА**

Уильям
Айриш

ОКНО во двор

Рассказ

Я не знал их имен. Я никогда не слышал их голосов. Строго говоря, я даже не знал, как они выглядят, потому что на таком расстоянии лица были слишком малы, чтобы можно было различить их черты. Но зато я мог бы составить расписание их приходов и уходов, повседневных привычек и поступков. Они были обитателями окон, выходивших во двор моего дома.

Я признаю, конечно, что это несколько напоминало подглядывание и даже могло быть ошибочно принято за нездоровый интерес любителя подсматривать в замочную скважину. Но в этом не было моей вины, это получилось само собой. Случилось так, что как раз в то время я фактически был лишен возможности передвигаться. Я только с трудом перебирался от окна к кровати и от кровати к окну. А окно эркера, выходившее во двор, было, пожалуй, самым большим удобством моей спальни в жаркую погоду. Оно не было затянато сеткой, и, чтобы избежать нашествия всех окрестных насекомых, я вынужден был сидеть с выключенным светом. Меня мучила бессонница. Разгонять же скуку чтением я так никогда и не научился. Что же я должен был делать — сидеть с зажмуренными глазами?

Возьмем наугад некоторых из них. Прямо напротив, где окна выглядели для меня еще квадратными, жила парочка только что поженившихся молодых непосед, почти подростков. Они бы просто погибли, проводи они один-единственный вечер дома. Куда бы они ни уходили, делали они это в такой спешке, что всегда забывали выключить свет. Не думаю, что за все то время, что я наблюдал за ними, они хоть раз изменили этой привычке. И вместе с тем они никогда не забывали об этом полностью. Минут через пять он врывается в квартиру, наверное прибежав уже с другого конца улицы, и вихрем проносился по комнатам, щелкая выключателями. На обратном пути он обязательно в темноте обо что-нибудь спотыкался. Я внутренне посмеивался над этой парочкой.

Соседний дом. Окна уже немного сужены перспективой. Там тоже было одно окно, в котором каждый вечер гас свет. Это всегда вызывало у меня легкую грусть. Там жила женщина с ребенком, вероятно молодая вдова. Я видел, как она укладывала девочку в кроватку, наклонялась и с какой-то особенной тоской целовала ее. Она загораживала от ребенка свет и тут же садилась подкрашивать себе глаза и губы. Потом она уходила. Возвращалась она всегда на исходе ночи.

В третьем доме уже ничего нельзя было рассмотреть, его окна казались узкими, словно щели между зубцами средневековой башни. В доме, притаившемся в конце двора, опять открывалось широкое поле для наблюдений, поскольку он стоял под прямым углом к остальным, в том числе и к моему собственному, замыкая ущелье, образованное задними стенами всех этих домов. Из своего выступавшего полукругом эркера я мог заглядывать туда так же свободно, как в кукольный домик, у которого снята боковая стенка. И все было уменьшено почти до тех же размеров.

Это был многоквартирный доходный дом. Он был двумя этажами выше своих соседей, и, как бы подчеркивая эту разницу, по его задней стене поднималась пожарная лестница. Но дом этот был стар и, видимо, уже не приносил много прибыли. В то

время его модернизировали. Чтобы как можно меньше потерять на арендной плате, хозяева на время работ не выселили жильцов из всего здания, а ремонтировали квартиры по одной. Из шести квартир, выходящих во двор, верхняя была уже готова, но пока пустовала. Сейчас работали в той, что была на пятом этаже, нарушая стуком молотков и визгом пил покой обитателей этого «чрева» квартала.

Мне было жаль пару, которая жила этажом ниже. Я не переставал удивляться, как они терпели над своей головой такой бедлам. Вдобавок ко всему жена еще страдала каким-то хроническим недугом: даже на таком расстоянии я мог определить это по той апатии, с которой она передвигалась по квартире, по тому, что она никогда не переодевалась, все время оставаясь в халате. Иногда я видел, как она сидит у окна, подперев голову рукой. Я часто думал, почему он не пригласит доктора; впрочем, быть может, это было им не по средствам. Похоже, что он нигде не работал. Нередко в их спальне за опущенной шторой до поздней ночи горел свет, и мне тогда казалось, что ей особенно плохо и он бодрствует вместе с ней. А однажды он, видно, не сомкнул глаз всю ночь напролет — огонь там горел почти до самого рассвета. Не подумайте, что я всю ночь наблюдал за их окном. Просто в три часа, когда я, наконец, перетащился с кресла на кровать, чтобы попробовать хоть немного вздремнуть, там все еще горел свет. А когда, убедившись в тишине моей попытки, я на рассвете прискакал на одной ноге обратно к окну, свет в этой квартире еще слабо пробивался сквозь рыжеватую штору.

Немного спустя с первыми лучами занимавшегося дня кайма света вокруг шторы вдруг померкла, а в другой комнате шторы поднялась, и я увидел, что он стоит у окна и смотрит во двор.

В руке он держал сигарету. Разглядеть ее я, конечно, не мог — я понял это по порывистым, нервным движениям его руки, которую он то и дело подносил ко рту, и по поднимавшемуся над его головой облачку дыма. «Наверное, беспокоится за нее», — подумал я. Что ж, в этом не было ничего удивительного. Любой муж испытывал бы то же самое. Должно быть, она уснула только теперь, после долгой ночи, полной страданий. И не пройдет и часа, как над ними, вгрызаясь в дерево, вновь завизжит пила и загремят ведра. «Это, конечно, не мое дело, — подумал я, — но ему все-таки следовало бы увезти ее оттуда. Если бы у меня на руках была больная жена...»

Он слегка подался вперед, чуточку высуновшись из оконной рамы, и принялся внимательно осматривать задние стены домов, окружавших прямоугольное ущелье двора. Когда человек во что-нибудь пристально вглядывается, вы можете определить это даже на значительном расстоянии — он как-то по-особенному держит голову. И все же этот его пристальный взгляд не был прикован к определенному месту, он медленно скользил вдоль домов, стоявших напротив моего. Когда все они были осмотрены, я понял, что его взгляд теперь перейдет на мою сторону и, проделав тот же путь, вернется к исходной точке. Не дожидаясь этого, я немного отодвинулся в глубину комнаты, чтобы дать его взгляду благополучно миновать мое окно. Мне не хотелось, чтобы он за-

подозрил меня в подглядывании. В моей комнате сохранилось еще достаточно ночной синевы, чтобы скрыть от него это маленькое бегство.

Когда через одну-две минуты я занял свою прежнюю позицию, его уже не было. Он поднял еще две шторы. Та, что закрывала

окно спальни, по-прежнему была спущена. Меня невольно заинтересовал тот непонятный всеохватывающий взгляд, которым он обвел полукружие окон. В этом взгляде в общем-то не было ничего особенного. Всего-навсего маленькая странность, которая не гармонировала с его озабоченностью или тревогой о жене. Когда

вы чем-то озабочены или встревожены — это озабоченность внутренняя, и ваш взгляд рассеянно устремлен в пространство. Когда же он описывает дугу, захватывая окружающие вас окна, это говорит об озабоченности иного рода, об интересе, направленном на нечто вне вас. Одно не совсем согласуется с другим. Но это противоречие было настолько пустяковым, что едва ли стоило придавать ему значение. На это мог обратить внимание только такой, как я, изнывающий в пустоте полного безделья.

Судя по окнам, после этого там все как бы вымерло. Должно быть, он ушел или лег спать сам. Три шторы были подняты до нормальной высоты, а та, что скрывала спальню, оставалась опущенной. Вскоре Сэм, мой приходящий слуга, принес мне завт-

рак и утреннюю газету, и это помогло мне убить какое-то время. И я до поры до времени выбросил из головы чужие окна.

Все утро косые лучи солнца падали на одну сторону дворового ущелья, после полудня они переместились на другую. Потом начали постепенно ускользать, покидая двор, и снова наступил вечер — ушел еще один день.

По краям прямоугольника стали зажигаться огни. Порой то там, то здесь стена, как резонатор, отражала обрывки слишком громкой радиопередачи. Если прислушаться повнимательней, можно было уловить среди прочих звуков доносившееся издали слабое позвякивание посуды. Разматывалась цепь маленьких при-

вычек, из которых складывалась жизнь обитателей дома. Эти привычки связывали их крепче, чем самая хитроумная смирительная рубашка, когда-либо изобретенная тюремщиком, хотя они считали себя свободными. Как и во все вечера, парочка непосед стремительно вырвалась на простор, забыв потушить свет; он примчался обратно, пощелкал выключателями, и их квартира погрузилась в темноту. Женщина уложила спать ребенка, грустно склонилась над кроваткой и в глубоком отчаянии села красить губы.

Весь день в квартире четвертого этажа того дома, что стоял поперек этой длинной внутренней «улицы», три шторы оставались поднятыми, а четвертая — спущенной. До сих пор это как-то не доходило до моего сознания — я почти не глядел в ту сторону и не думал об этом. Правда, иногда в течение дня мои глаза останавливались на тех окнах, но мысли мои были заняты другим. Только когда в крайней комнате, их кухне, на окне которой штора была поднята, вспыхнул свет, я вдруг понял, что весь день шторы оставались в прежнем положении. Это навело меня на другую мысль — впервые я подумал о том, что за весь день ни разу не видел той женщины. До этой самой минуты я вообще не видел в их окнах никакого признака жизни.

Он пришел с улицы. Входная дверь находилась в другом конце кухни, напротив окна. На нем была шляпа, из чего я и заключил, что он только что пришел.

Он не снял шляпы. Как будто снимать ее уже было не для кого. Вместо этого, прикоснувшись рукой ко лбу, он сдвинул ее на затылок. Я знал, что это не тот жест, которым стирают пот. Человек стирает пот горизонтальным движением — а он провел рукой по лбу снизу вверх. Это указывало на какую-то тревогу или замешательство. Кроме того, если бы ему было слишком жарко, он бы первым делом снял шляпу.

Она не вышла встретить его. Порвалось первое звено столь прочно сковывавшей их цепи привычек и обычаев.

Должно быть, ей так плохо, что она весь день пролежала в постели, в комнате за опущенной шторой. Я продолжал наблюдать за ним. Он все еще был там, от нее через две комнаты. Мое ожидание постепенно превратилось в удивление, удивление — в недоумение. «Странно, — подумал я, — что он не заходит к ней. Мог же он хотя бы подойти к порогу ее комнаты, чтобы узнать, как она себя чувствует».

Быть может, она спит, и он не хочет беспокоить ее — и тут же другая мысль: откуда он мог знать, что она спит, если он даже не заглянул к ней? Ведь он только что вошел в квартиру.

Он подошел к окну и стал там, как на рассвете. Незадолго до этого Сэм унес поднос, и у меня был потушен свет. Зная, что он не сможет разглядеть меня в темноте зеркала, я не тронулся с места. Несколько минут он стоял неподвижно. И сейчас его поза соответствовала внутренней озабоченности. Он глядел куда-то вниз, погрузившись в раздумье.

«Он беспокоится за нее, — подумал я, — как на его месте беспокоился бы любой муж. Что может быть естественней?

Но все-таки странно, что он не подошел к ней, оставив ее одну в комнате. Если он встревожен, почему же, вернувшись домой, он даже не заглянул к ней? Еще одно незначительное противоречие между его внутренним состоянием и внешним поведением».

Стоило мне об этом подумать, как тут же повторилось то первое несоответствие, которое бросилось мне в глаза на рассвете. Как и тогда, он настороженно поднял голову и, словно пытаясь что-то выяснить, опять стал медленно описывать ею полукруг, скользя взглядом по панораме задних окон. Я сидел не шелохнувшись, пока его идущий издачека взгляд не миновал мое окно. Движение привлекает внимание.

«Почему его так интересуют чужие окна?» — мелькнула у меня мысль. И конечно, почти мгновенно сработал тормоз, который не дал мне развить ее дальше: «А сам-го ты чем занимаешься?»

Я упустил из виду, что между нами была существенная разница. Я не был ничем озабочен. А он, по-видимому, был.

Снова опустились шторы. За их рыжеватыми экранами горел свет. Только за той, что все время оставалась спущенной, комната была погружена во мрак.

Время уходило. Трудно сказать, сколько его прошло — четверть часа, двадцать минут. В одном из задних дворишков, на которые был разбит огромный участок земли между всеми этими домами, запел сверчок. Перед уходом домой Сэм заглянул узнать, не нужно ли мне чего. Я сказал, что мне ничего не нужно, все в порядке. С минуту он постоял, опустив голову. Потом он слегка покачал ею, как бы выражая недовольство.

— В чем дело? — спросил я.

— Знаете, к чему это? Мне об этом говорила еще моя старая мама, а уж она-то за всю жизнь меня ни разу не обманула. И я не припомню случая, чтобы это не исполнилось.

— Ты о чем, о сверчке?

— Если уж эта тварь запела, значит, где-то рядом смерть.

Я отмахнулся от него.

— Но ведь это же не у нас, так что пусть это тебя не волнует.

Он вышел, упрямо ворча:

— Но где-то совсем рядом. Где-то тут. Иначе и быть не может.

Дверь за ним закрылась, и я остался в темноте один.

Стояла душная ночь, намного тяжелее предыдущей. Даже у открытого окна каждый глоток воздуха доставался мне с трудом. Я не представлял, как он — тот неизвестный — мог вытерпеть эту жару за спущенными шторами.

И вдруг в тот самый миг, когда праздные мысли о происходящем вот-вот готовы были осесть в какой-то определенной точке моего сознания, выкристаллизироваться в некое подобие подозрения, там опять поднялись шторы, и эти мысли, так и не оформившись, не сумев ни на чем остановиться, рассеялись вновь.

Он находился за средними окнами, в гостиной. Без пиджака и верхней рубашки, с голыми руками. Видно, он тоже невыносимо страдал от жары.

Вначале я никак не мог догадаться, что он делает. То, чем он занимался, заставляло его двигаться не из стороны в сторону, а по вертикали — сверху вниз. Он стоял на месте, но часто наклонялся, через неравные промежутки времени исчезая из виду; затем он выпрямлялся, снова появляясь в поле моего зрения. Это напоминало какое-то гимнастическое упражнение, только для такого упражнения его движениям не хватало ритмичности. Иногда он подолгу оставался в согнутом положении, иногда тут же выскакивал обратно; было и так, что он быстро наклонялся несколько раз подряд. От окна его отделял какой-то черный предмет в форме буквы V. Над подоконником виднелись только его края. Этот предмет на какую-то долю дюйма закрывал подол его нижней рубашки. Но прежде я его там не видел и пока не мог сказать, что это такое.

Внезапно впервые с тех пор, как были подняты шторы, он покинул это место и, обойдя вокруг V, прошел в другую часть комнаты, наклонился и почти сразу же выпрямился, держа в руках нечто напоминавшее издали кипу разноцветных флагов. Он вернулся к V-образному предмету и бросил свою ношу на его край. Потом он опять нырнул, пропав из виду, и довольно долго не показывался.

Переброшенные через V «флаги» на моих глазах начали менять цвета. У меня прекрасное зрение. Только что они были белыми, в следующее мгновение стали красными, потом синими.

И тут-то я все понял. Ведь это были женские платья, и он снимал их оттуда по одному, каждый раз беря то, что лежало сверху. Вдруг они все исчезли, V снова обнажилось и почернело, а в окне возникло его туловище. Теперь мне было ясно, что это такое и чем он занимался. Об этом мне сказали платья. А он подтвердил мою догадку. Он простер руки к краям V — я увидел, как, приподнявшись, он делал толкательные движения, будто силясь притянуть их друг к другу; края V сомкнулись, и оно превратилось в клин. Потом верхняя часть его тела стала раскачиваться, и клин, отъехав в сторону, исчез с моих глаз.

Он укладывал вещи своей жены в большой вертикальный сундук.

Вскоре он появился у окна кухни и немного там постоял. Я видел, как он провел рукой по лбу, причем не один раз, а несколько, после чего потряс кистью в воздухе. Еще бы, для такой ночи это была изнурительная работа. Затем он потянулся куда-то кверху и что-то достал. Поскольку он находился в кухне, в моем воображении, конечно, тут же возникли шкафчик и бутылка.

Немного погодя он быстрым движением дважды или трижды поднес руку ко рту. «Именно так вели бы себя девять мужчин из десяти после упаковки сундука — опрокинули бы рюмку-другую чего-нибудь покрепче, — стараясь оправдать его, подумал я. — А если бы десятый поступил иначе, то только потому, что у него под рукой не оказалось бы бутылки».

Он вернулся к окну и, став к нему боком — так, что мне был виден только его узкий силуэт по поясу, начал снова внимательно всматриваться в темный прямоугольник окон, в большинстве которых уже был погашен свет. Свой круг осмотра он всегда начинал слева, с домов напротив моего.

По моему подсчету он делал это уже второй раз за сегодняшний вечер. И третий за день, если вспомнить его поведение на рассвете. Я внутренне улыбнулся. Могло даже показаться, что у него не чиста совесть. Впрочем, скорее всего это ровно ничего не значило — просто маленькая странность, чудачество, которого он и сам в себе не замечал. У меня тоже были свои причуды. А у кого их нет...

Он направился в глубину комнаты, и в ней наступила темнота. Его фигура появилась в гостиной, где еще было светло. Затем погас огонь и здесь. Меня не удивило, что, войдя в третью комнату, в спальню за спущенной шторой, он не зажег там свет. Ясно, что он не хочет беспокоить ее — тем более если она завтра уезжает, о чем свидетельствовала упаковка сундука. Перед путешествием она должна хорошенько отдохнуть. Вполне естественно, что он потихоньку скользнул в постель в темноте.

Но зато я удивился, когда спустя немного во мраке гостиной вспыхнул огонек спички. Должно быть, эту ночь он решил провести там, на чем-нибудь вроде дивана. К спальне он и не приближался, даже ни разу туда не заглянул! Откровенно говоря, это меня озадачило. Пожалуй, его заботливость зашла уже слишком далеко.

Минут через десять в гостиной, в том же окне, вновь загорелась спичка. Ему не спалось.

Ночь одинаково угнала нас обоих — любопытного бездельника в окне эркера и заядлого курильщика с четвертого этажа, не давая никакого успокоения. Тишину нарушал только ни на минуту не смолкавший стрекот сверчка.

С первыми лучами солнца я был уже у окна. Но не из-за него. Мой матрас жег меня, словно горячие угли. Сэм, пришедший навести в моей комнате порядок, застал меня уже там.

— Эдак вы скоро развалитесь, мистер Джефф, — вот все, что он сказал.

Вначале в тех окнах не было заметно никакого признака жизни. Но вскоре я увидел, как его голова вдруг вынырнула в гостиной откуда-то снизу, и понял, что мои предположения оправдались: он действительно провел там ночь на диване или в кресле. Теперь-то он обязательно зайдет к ней узнать, как она себя чувствует, не лучше ли ей. Это было бы самым естественным проявлением человечности. Насколько я мог судить, он не видел ее с позапрошлой ночи.

Но он поступил иначе. Одевшись, он направился в противоположную сторону, в кухню, и, не присаживаясь, принялся там что-то с жадностью пожирать, хватая пищу обеими руками. Вдруг он резко обернулся и пошел туда, где, как я знал, находился вход в квартиру, словно только что до него донесся оттуда какой-то звук, может быть звонок в дверь.

Так оно и было — через секунду он вернулся обратно с двумя мужчинами в кожаных передниках — носильщиками из транспортно-портной конторы. Я видел, как они поволокли черный клин в том направлении, откуда только что явились. Сам он, однако, не остался безучастным зрителем. Перебегая с места на место,

он прямо-таки нависал над ними — очень уж ему хотелось, чтобы все было сделано наилучшим образом.

Вскоре он появился уже один, и я увидел, как он провел рукой по лбу, будто это вовсе не они, а он вспотел от физических усилий.

Итак, он заранее отправлял ее сундук туда, куда она уезжала. Вот и все.

Он, как это уже раз было, потянулся куда-то вверх к стене и что-то достал. И проглотил рюмку. Другую. Третью. «Но ведь теперь-то он не паковал сундук, — в некотором замешательстве подумал я. — Сундук уже с прошлой ночи стоял готовый к отправке. При чем же здесь тяжелая работа? Откуда этот пот и желание подкрепиться?»

Наконец он все-таки зашел к ней в комнату. Я видел, как его фигура прешествовала через гостиную и исчезла в спальне. Впервые за все это время там поднялась штора. Повернув голову, он окинул взглядом внутренность комнаты. Причем совершенно определенным образом, так, что даже оттуда, где я сидел, можно было безошибочно угадать, в чем дело. Его взгляд не был устремлен в одну точку, как тогда, когда смотрят на человека, а скользил по сторонам и сверху вниз, как это бывает, когда осматривают... пустую комнату.

Он шагнул назад и, слегка наклонившись, сделал торопливое движение руками, и над спинкой кровати показался матрас с постельным бельем, да так и остался там, сиротливо изогнувшись. Через мгновение за ним последовал второй.

Ее там не было.

Это называется замедленной реакцией. В тот момент я понял, что это значит. В течение двух дней, словно насекомое, выбирающее себе место для посадки, в моем мозгу кружилось и порхало какое-то смутное беспокойство, интуитивное подозрение — уж не знаю, как выразиться поточнее. И неоднократно, именно в ту минуту, когда это неуловимое нечто готово было приостановить свой полет и обосноваться, наконец, в одном конкретном пункте моего сознания, достаточно было какого-нибудь незначительного события, незначительного, но вместе с тем как бы доказывающего обратное — вроде поднятия штор после того, как они неестественно долго оставались спущенными, — чтобы тут же спугнуть это, вновь обрекая на бесцельное парение и тем самым лишая меня возможности распознать его сущность. Уже давно в моем сознании определилась точка будущего соприкосновения, ожидая встречи с ускользающей мыслью. И почему-то именно теперь, стоило ему перекинуть через спинки кроватей пустые матрасы — щелк! — в мгновение ока все слилось воедино. А на месте контакта выросла или, если вам угодно, расцвела уверенность в том, что там было совершено убийство.

Иными словами, мое активное мышление намного отставало от подсознания. Замедленная реакция. А теперь одно догнало другое. И в момент их слияния молнией сверкнула мысль: он что-то с ней сделал!

Опустив глаза, я увидел, что мои пальцы, комкая ткань одежды, судорожно вцепились в коленную чашечку. Я с усилием раз-

нял их. «Погоди минутку, не спеши, поосторожнее, — стараясь взять себя в руки, сказал я себе. — Ты ничего не видел. Ты ничего не знаешь. У тебя есть только одна-единственная улика — то, что ты ее больше там не видишь».

У двери кладовой, внимательно разглядывая меня, стоял Сэм.

— Вы так ни кусочка и не съели. Да и лицо у вас белое, как простыня, — с осуждением произнес он.

Я это чувствовал сам. Кожа на лице слегка покалывала, как это бывает, когда вдруг нарушается кровообращение.

И я сказал, впрочем, больше для того, чтобы избавиться от него и получить возможность все спокойно обдумать:

— Сэм, какой адрес того дома? Посмотри вон туда, только не очень-то высовывайся.

— Он вроде бы на Бенедикт-авеню.

— Это я и сам знаю. Сбегай-ка за угол и посмотри, какой на нем номер.

— А зачем это вам нужно? — спросил он, повернувшись, чтобы уйти.

— Не твое дело, — беззлобно, однако достаточно твердо сказал я, чтобы поскорее с этим покончить. Когда он уже закрыл за собой дверь, я бросил ему вслед:

— Войди в подъезд и попробуй выяснить по почтовым ящикам, кто занимает на четвертом этаже квартиру, выходящую окнами во двор. Да смотри не ошибись. И постарайся, чтобы тебя за этим не застукали.

Он вышел, бормоча себе под нос что-то вроде: «Когда человек только и делает, что весь день сидит сиднем, нечего удивляться, если ему черт те что лезет в голову...» Дверь закрылась, и я приступил к серьезному анализу виденного.

«На чем же ты все-таки строишь это чудовищное предположение? — спросил я себя. — Давай-ка посмотрим, что у тебя есть. Всего-навсего несколько незначительных неполадок в механизме, несколько прорывов в цепи их неизменно повторявшихся повседневных привычек.

1. В первую ночь там до утра горел свет.

2. Во второй вечер он вернулся домой позже, чем обычно.

3. Он не снял шляпы.

4. Она не вышла встретить его — она вообще не появлялась с того вечера, когда накануне всю ночь горел свет.

5. Упаковав ее сундук, он выпил рюмку. Но на следующее утро, после того как ее сундук унесли, он выпил целых три.

6. Он был внутренне озабочен и встревожен. Но с этим состоянием не вязался какой-то неестественный, преувеличенный интерес к задним окнам соседних домов.

7. Он спал в гостиной и до отправки сундука ни разу даже не приблизился к спальне.

Отлично. Если в ту первую ночь ей было плохо и он отправил ее отдыхать, это автоматически исключало 1, 2, 3 и 4-й пункты. А пункты 5-й и 6-й полностью теряли свое инкримини-

рующее значение. Но дальше это умозаключение разбивалось вдребезги о пункт 7-й.

Если она, почувствовав себя плохо в первую ночь, сразу же уехала, почему же он не захотел провести в спальне последнюю? Что это, чувствительность? Едва ли. Две прекрасные кровати в одной комнате, а в другой — только диван или неудобное кресло. Так почему же тогда он спал именно там, если она уже уехала? Только потому, что он скучал по ней, что ему было одиноко? Взрослому мужчине такое несвойственно. Хорошо, значит, она все еще была там».

В этот момент стройный ход моих мыслей нарушил вернувшийся Сэм.

— Это номер пятьсот двадцать пять по Бенедикт-авеню. На четвертом этаже в квартире, что выходит во двор, живут мистер и миссис Ларс Торвальд.

— Шшш, — зашипел я и жестом приказал ему исчезнуть.

— То он это требует, то ему это, оказывается, не нужно, — философским тоном изрек он и вернулся к исполнению своих обязанностей.

Я стал рассуждать дальше. Если прошлой ночью она еще была там, в спальне, значит она вообще не уезжала, ведь сегодня я не видел, чтобы она уходила. Незаметно от меня она могла уехать только вчера рано утром. Заснув, я пропустил несколько часов. А сегодня я встал раньше его и, уже просидев некоторое время у окна, увидел, как он поднял голову с того дивана.

Следовательно, если она на самом деле уехала, она могла это сделать только вчера на рассвете. Почему же тогда до сегодняшнего дня он не поднимал штору на окне спальни, не прикасался к матрасам? И прежде всего почему он прошлой ночью не зашел в ту комнату? Это говорило о том, что она никуда не уезжала, что она еще была там. Однако сегодня, сразу же после отправки сундука, он вошел туда, вытащил матрасы, доказав тем самым, что ее там не было.

Сразу же после отправки сундука...

Сундук. Вот где зарыта собака.

Оглянувшись, я удостоверился, что от Сэма меня отделяет плотно закрытая дверь. Моя рука в нерешительности повисла над телефонным диском. Бойн, вот кто сможет в этом разобраться. Он работал в полиции в отделе по расследованию убийств. Во всяком случае, когда я видел его в последний раз. Я не хотел, чтобы на меня набросилась свора незнакомых сыщиков и полицейских. Я не хотел увязнуть в этом глубже, чем мне полагалось. И если бы это было возможно, вообще предпочел бы остаться в стороне.

После двух-трех неудачных попыток мне удалось, наконец, с ним соединиться.

— Бойн? Говорит Хел Джеффрис.

— О, где это тебя носило последние шестьдесят пять лет? — восторженно начал он.

— Об этом потом. А сейчас запиши-ка имя и адрес. Ты готов? Ларс Торвальд. Бенедикт-авеню, пятьсот двадцать пять. Четвертый этаж, квартира выходит во двор. Записал?

— Четвертый этаж, квартира выходит во двор. Записал. А зачем это?

— Для расследования. Я уверен, что стоит тебе только сунуть туда нос, ты обнаружишь там убийство. Не пытайся вытянуть из меня больше — это просто мое глубокое убеждение. До настоящего времени там жили муж и жена. А теперь остался один муж. Сегодня рано утром он отправил ее сундук. Если ты найдешь хоть одного человека, который бы видел, как уезжала она сама...

Все эти доводы, высказанные вслух в такой форме, да еще не кому-нибудь, а лейтенанту полиции, даже мне самому показались неубедительными.

— Да, но... — с сомнением начал было он. И тут же умолк, приняв все так, как есть. Потому что я был достоверным источником информации. Я и словом не обмолвился про свое окно. С ним я себе мог это свободно позволить, потому что он знал меня много лет и его не беспокоил вопрос о моей надежности. Я не желал, чтобы в такую жару в мою комнату набились полицейские ищейки, по очереди глазающие из окна. Пусть действуют с фасада.

— Что ж, поживем — увидим, — сказал он. — Я буду держать тебя в курсе.

Я повесил трубку и в ожидании событий вернулся к своим наблюдениям. В этом представлении мне досталось место зрителя, или, вернее, место, противоположное тому, которое занимает зритель. Я видел все как бы из-за кулис, а не со стороны зрительного зала. Я не имел возможности непосредственно следить за работой Бойна. Я узнаю только ее результаты, когда и если они будут.

Несколько часов прошли спокойно. Полиция, которая, как я полагаю, уже должна была приняться за дело, работала незаметно, как ей и положено. В окнах четвертого этажа все время мелькала одинокая фигура — его никто не беспокоил. Он никуда не ушел. Не находя себе места, он бродил из комнаты в комнату, нигде подолгу не задерживаясь, но из дому не уходил. Я видел, как он еще раз ел — теперь уже сидя, как он брился; он даже пробовал читать газету, но на это его уже не хватило.

Вокруг него крутились крохотные невидимые колесики. Безобидная пока подготовка. «Интересно, — подумал я, — остался бы он там, пронохав об этом, или тут же попытался бы сбежать?» Это зависело не столько от его виновности, сколько от его уверенности в собственной безопасности, уверенности в том, что ему удастся обвести их вокруг пальца. Сам я в его виновности не сомневался, иначе я никогда бы не решился бы на этот шаг.

В три часа раздался телефонный звонок. Это был Бойн.

— Джеффрис? Не знаю, что и сказать. Может, ты подбросишь мне что-нибудь еще?

— А зачем? — парировал я. — Зачем это нужно?

— Я послал туда человека навести справки. Только что онложил о результатах. Управляющий домом и кое-кто из соседей единодушно утверждают, что вчера рано утром она уехала отдыхать в деревню.

— Минуточку. А твой человек нашел кого-нибудь, кто лично видел, как она уезжала?

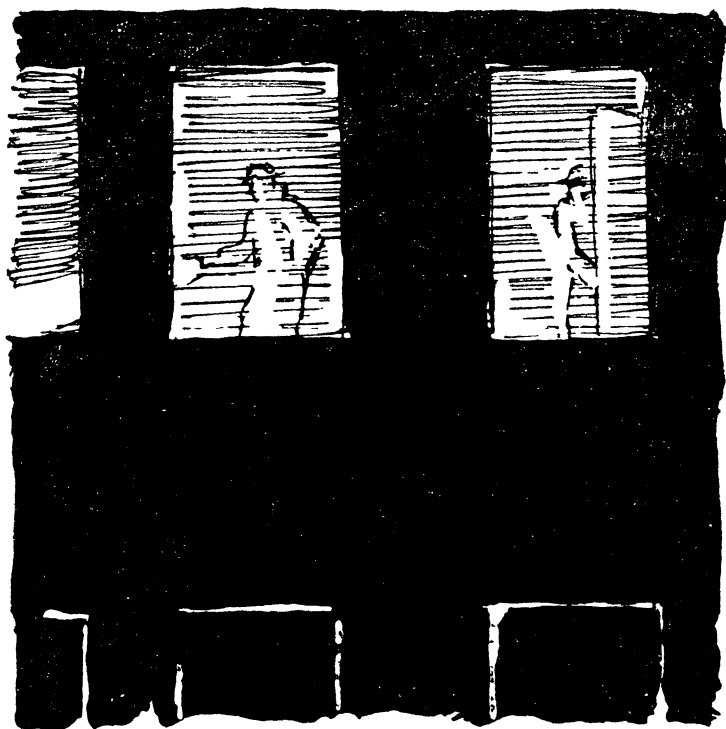
— Нет.

— Выходит, ты всего-навсего получил из вторых рук версию, основанную на его ничем не подтвержденном заявлении.

— Его встретили, когда, купив билет и посадив ее в поезд, он возвращался с вокзала.

— Снова голословное заявление.

— Я послал на вокзал человека, чтобы он постарался выяснить это у билетного кассира. Ведь в такой ранний час его не

могли не заметить. И мы, конечно, следим за каждым его шагом. При первой же возможности мы проникнем в квартиру и произведем обыск.

Я почему-то был уверен, что им ничего не даст даже это.

— От меня ты ничего больше не узнаешь. Я передал это дело

в твои руки. Все, что нужно, я тебе уже сообщил. Имя, адрес и мое мнение.

— Да, прежде я всегда высоко ценил твое мнение, Джефф.

— А теперь, значит, ты произвел переоценку?

— Нет, что ты! Просто мы пока не обнаружили ничего такого, что хоть как-то подтвердило бы твое впечатление.

— Ну, пока вы не очень-то далеко продвинулись.

Он снова отделался той избитой фразой:

— Что ж, поживем — увидим. Буду звонить.

Прошло еще около часа, и солнце стало клониться к закату. Я увидел, как он начал готовиться к выходу. Надел шляпу, опустил руку в карман, вытащил и на минуту застыл, разглядывая ее. Пересчитывает мелочь, догадался я. Сознание того, что после его ухода они тут же войдут в квартиру, странно взбудоражило меня. Видя, как он в последний раз окидывает взглядом помещение, я со страхом подумал: «Если у тебя, братец, есть что прятать, то сейчас как раз время это сделать».

Он ушел. Квартира на какой-то период замерла в обманчивой пустоте, от которой перехватывало дыхание. Даже тройной сигнал пожарной тревоги не заставил бы меня оторвать взгляд от тех окон. Внезапно дверь, через которую он только что вышел, слегка приоткрылась, и через щель один за другим протиснулись двое. Закрыв за собой дверь, они сразу же разделились и приступили к делу. Один занялся спальней, другой — кухней, и, начав с этих крайних точек квартиры, они стали постепенно сближаться, двигаясь навстречу друг другу. Работали они на совесть. Мне было видно, как они тщательно осматривали все сверху донизу. За гостиную они взялись уже вместе. Одному досталась одна сторона, второму — другая.

Они успели кончить еще до того, как их предупредили об опасности. Я заключил это по их растерянным позам, когда они, выпрямившись, на минуту застыли друг против друга. Вдруг их головы как по команде резко повернулись, словно до них донесся звонок, предупреждавший о его возвращении. И они мгновенно выскользнули из квартиры.

Я не был особенно разочарован, я ждал, что кончится именно так. Интуиция подсказывала мне, что они не найдут ничего инкриминирующего. Ведь там уже не было сундука.

Он вошел, держа в объятиях огромный пакет из коричневой бумаги. Я внимательно следил за тем, не обнаружит ли он, что в его отсутствие кто-то там побывал. Видимо, он так ничего и не заметил.

Остаток ночи он провел дома. Иногда он прикладывался к бутылке: я видел, как, сидя у окна, он время от времени подносил ко рту руку, впрочем, не так уж часто. Он, видно, хорошо владел собой — теперь-то ему дышалось легче, когда там уже не было сундука.

Наблюдая за ним сквозь ночной мрак, я продолжал размышлять: «Почему он не уходит? Если мое предположение правильно — а в этом я не сомневался, — почему, совершив это, он

не трогается с места?..» На этот вопрос ответить было нетрудно: потому что он еще не знает, что за ним следят. Он считает, что ему незачем торопиться. Исчезнуть сразу же после нее гораздо опаснее, чем пробыть там еще какое-то время.

Ночь тянулась бесконечно. Я ждал звонка от Бойна. Он позвонил позже, чем я рассчитывал. Я в темноте снял трубку. Как раз в этот момент Торвальд собирался лечь спать. Покинув то место в кухне, где он до этого сидел и пил, он выключил свет. Зажег свет в гостиной. Потом принялся вытаскивать из брюк край рубашки. В ухе у меня раздавался голос Бойна, а глаза мои ни на секунду не упускали из виду того, другого. Расположение сил по треугольнику.

— Алло, Джефф! Послушай, полная неудача. Мы обыскали квартиру, когда он выходил...

Я чуть было не сказал «знаю, я ведь это видел», но вовремя прикусил язык.

— ...и ровным счетом ничего не нашли. Но... — он остановился, как бы собираясь сообщить что-то важное. Я с нетерпением ждал, что он скажет.

— Внизу, в его почтовом ящике мы нашли открытку. Выудили ее через прорезь согнутой булавкой...

— И?

— И оказалось, что это открытка от его жены, посланная только вчера с какой-то фермы. Сейчас прочту тебе копию: «Доехала прекрасно. Чувствую себя немного лучше. Целую. Анна».

Я сказал едва слышно, но с прежним упрямством:

— По твоим словам, она написана только вчера. Чем ты это докажешь? Какая дата на штемпеле?

Он возмущенно крикнул. В мой адрес, а не по поводу открытки:

— Штемпель смазан. Намок с края, и чернила расплылись.

— Смазан полностью?

— Только год и число, — признал он. — Час и месяц видны отчетливо. Август. И восемь тридцать вечера, когда она была отправлена.

На сей раз возмущенно крикнул я.

— Август, восемь тридцать вечера — 1937, 1939 или 1942 года. И ты ничем не можешь доказать, как она попала в этот почтовый ящик — из сумки почтальона или из недр письменного стола!

— Кончай это, Джефф, — сказал он. — Ты уже зарвался.

Не знаю, что бы я на это ответил, если бы в тот момент мои глаза не были прикованы к окнам гостиной Торвальда. Пусть я в этом и не признался, почтовая открытка все-таки ошеломила меня. Но я смотрел туда. Как только он снял рубашку, там погас свет. Но он не зажегся в спальне. Где-то внизу, как бы на уровне кресла или дивана, вспыхнула спичка. В спальне стояли две незанятые кровати, а он все-таки остался в другой комнате.

— Бойн, — звонким голосом произнес я, — плевать я хотел на твои открытки с того света. Я еще раз заявляю, что этот че-

ловек прикончил свою жену! Проследи сундук, который он отправил. А когда доберешься до него — открой. Я уверен, что ты найдешь ее там!

И я повесил трубку, не дожидаясь, пока он сообщит, что он намерен делать дальше. Он не стал тут же перезванивать, и я заподозрил, что, несмотря на свой скептицизм, он все-таки намотал мои слова на ус.

Я провел у окна всю ночь, точно часовой, охраняющий приговоренного к смерти. После первой вспышки спичка загоралась еще дважды, примерно с получасовым интервалом. И все. Возможно, он заснул. А может, и нет. Мне необходимо было немного поспать самому. И в пламенеющем зареве восходящего солнца я, наконец, сдался. Все свои дела он провернул бы под покровом тьмы, не дожидаясь дневного света. В ближайшие несколько часов вряд ли произойдет что-нибудь новое. Да и что ему нужно было делать? Ничего, только затаиться и ждать, пока само собой не пролетит спасительное время.

Когда Сэм разбудил меня, мне показалось, что я спал всего лишь пять минут, однако уже был полдень. Я раздраженно заворчал:

— Ты что, разве не заметил моей записки? Ведь я специально приколол ее на виду, чтобы ты дал мне выпастись.

— Заметить-то заметил, но тут пришел ваш старый приятель инспектор Бойн. И я подумал, что вам...

На этот раз Бойн явился собственной персоной. Он вошел в комнату вслед за Сэмом без приглашения и без особой сердечности в выражении лица.

Чтобы избавиться от Сэма, я сказал:

— Ступай разбей там на сковородку парочку яиц.

— Джефф, куда ты гнешь, вешая на меня такое дело? — возбужденным металлическим голосом начал Бойн. — Я оказался по твоей милости в дурацком положении, рассылая во все стороны своих людей в погоне за какой-то химерой. Спасибо, что я не завяз в этом еще больше — не арестовал того парня и не притянул его к допросу.

— Ах так, значит, ты считаешь, что этого не нужно? — сухо спросил я.

Взгляд, которым он смерил меня, был достаточно красноречив.

— Тебе хорошо известно, что в отделе я не один. Там есть люди повыше меня, перед которыми я отчитываюсь в своих действиях. Красиво это выглядит, когда я за счет отдела на полдня посылаю одного из своих ребят прокатиться на поезде на какой-то забытый богом полустанок...

— Значит, вы нашли сундук?

— Мы выследили его через транспортную контору, — твердым, как скала, голосом ответил он.

— И открыли?

— Мы сделали больше. Мы связались с несколькими расположенными поблизости фермами, и миссис Торвальд приехала на станцию с одной из них и открыла сундук сама, своим собственным ключом!

Мало кто удостаивался от своего старого друга такого взгляда, какой выпал сейчас на мою долю. Уже у двери, прямой, как винтовочный ствол, он произнес:

— Забудем об этом, хорошо? Так будет лучше для нас обоих. Ты не в себе, а я несколько издержал свои карманные деньги, время и терпение. Если ты когда-нибудь захочешь мне позвонить, с удовольствием дам тебе мой домашний телефон.

И за ним — трррах! — захлопнулась дверь.

После его столь стремительного ухода мой онемевший рассудок минут десять пребывал как бы в тисках смирительной рубашки.

Потом он стал судорожно высвобождаться. Провались она пропадом, эта полиция! Пусть я не могу доказать это им, зато я как-нибудь сумею доказать это самому себе. Или я прав, или я ошибаюсь. Оружие он припас против них. А я нападку на него с тыла.

Я позвал Сэма.

— Куда девалась подозрительная труба, которой мы пользовались в этом сезоне, когда бездельничали на яхте?

Он нашел трубу и притащил мне, предварительно подышав на нее и протерев рукавом. Пока я положил ее себе на колени. Взяв

листок бумаги и карандаш, я написал пять слов: «Что вы с нею сделали?»

Я запечатал листок в конверт, но не надписал его.

— А теперь ты должен кое-что сделать, да побыстрее, — сказал я Сэму. — Возьми вот это, отправляйся в тот дом, поднимись на четвертый этаж и просунь это под дверь квартиры, что выходит во двор. Ты парень проворный, во всяком случае был таким раньше. Посмотрим, достаточно ли ты проворен, чтобы на этом не поспать. Когда потом спустишься вниз, легонько ткни пальцем в наружный звонок, чтобы привлечь внимание.

Он приоткрыл было рот.

— И не задавай никаких вопросов, понятно? Я не шучу.

Он ушел, а я стал настраивать подзорную трубу.

Через минуту я поймал его в фокус. Лицо рванулось мне навстречу, и я впервые по-настоящему увидел его. Темноволосый, но, несомненно, скандинавского происхождения. На вид он был сильным мужчиной, хоть и не очень плотным.

Прошло минут пять. Его голова резко повернулась в профиль. Наверное, только что звякнул звонок. Должно быть, записка уже там.

Повернувшись ко мне затылком, он пошел к входной двери. Труба помогла мне проследовать за ним в глубину комнаты, что было раньше недоступно моему невооруженному глазу.

Не заметив вначале конверта, он открыл дверь и выглянул на площадку. Потом закрыл ее. Нагнулся, выпрямился. Конверт уже у него. Мне было видно, как он вертел его в руках.

Отойдя от двери, он приблизился к окну. Ему казалось, что угроза таилась около двери, чем от нее дальше, тем безопаснее. Ему и в голову не приходило, что опасность подстерегает его с другой стороны.

Разорвал конверт, читает. Господи, с какой жадностью я следил за выражением его лица! Мои глаза присосались к нему точно пиявки. Внезапно в его лице что-то изменилось, оно расширилось, напряглось — казалось, вся кожа стянулась за ушами, сузив его глаза в щелочки. Смятение, ужас. Нащупав рукой стену, он оперся на нее. Потом медленно пошел обратно к двери. Я видел, как он крадучись подбирался к ней, как к чему-то живому. Он слегка приоткрыл ее, так осторожно, что со стороны этого даже не было заметно, и боязливо выглянул наружу. Прикрыв затем дверь, он, пошатываясь, вернулся обратно, полностью утратив равновесие от безмерного ужаса. Он рухнул на стул и потянулся за выпивкой. Теперь он уже пил прямо из герлышка. И даже с бутылкой у рта, он, повернув голову, продолжал глядеть на дверь, которая так неожиданно швырнула ему в лицо его тайну.

Я опустил трубу.

Виновен! Виновен, черт побери, будь она проклята, эта полиция!

Моя рука устремилась к телефону, но остановилась на полпути. Что толку? Они отнесутся к моим словам не лучше, чем прежде. «Ты бы видел его лицо и т. д.» И мне уже слышался ответ

Бойна: «Каждый будет потрясен, получив анонимное письмо, даже если в нем нет ни капли правды. В том числе и ты сам». Они могли утереть мне нос настоящей живой миссис Торвальд — по крайней мере так они думали. Чтобы доказать, что это разные лица, я должен был продемонстрировать им мертвую. Я из своего окна должен был показать им ее труп.

Однако сперва этот труп мне должен показать он.

Прошел не один час, пока это, наконец, произошло. День тянулся бесконечно, а я все ждал и ждал. Тем временем он метался по квартире, как посаженная в клетку пантера. Два мозга сверлила одна и та же мысль, но в моем она была перевернута вверх ногами. Что сделать, чтобы это не раскрылось — как добиться, чтобы это не осталось нераскрытым.

Я боялся, что он попытается бежать, но, даже если у него и было такое намерение, он, видимо, ждал, пока стемнеет, так что в моем распоряжении еще было какое-то время. Но, возможно, он и не думал об этом, и решил бежать, только если его что-нибудь вспугнет — кто знает, а вдруг ему все еще казалось, что бежать опаснее, чем остаться.

Незамеченными оставались привычные звуки и события; бурный поток моих мыслей с силой разбивался о препятствие, упорно преграждавшее им путь: как заставить его выдать мне место, где он спрятал труп, чтобы я, в свою очередь, мог указать его полиции?

Помнится, в мое сознание просочилось смутное представление о том, что не то хозяин, не то еще кто-то показывал будущему жильцу квартиру на шестом этаже, ту, где уже был закончен ремонт. Она была расположена над квартирой Торвальда, через этаж; в той, что находилась между ними, еще работали. И в какой-то момент совершенно случайно возникла необычная синхронизация движений. Хозяин и съемщик оказались около окна гостиной на шестом этаже в то самое время, когда Торвальд стоял там же на четвертом. Все они одновременно отправились оттуда в кухню и, пройдя за скрывшей их от меня стеной, появились там у окон. В этом было нечто сверхъестественное: они двигались с точностью участников какого-то представления, почти как куклы, управляемые одной и той же веревочкой. Вероятно, такое совпадение случается не чаще чем раз в пятьдесят лет. Они сразу же разошлись, и никогда в жизни с ними такое больше не повторится.

Но что-то в этом покорило меня. Какая-то едва уловимая ошибка или неточность нарушила эту плавность. Некоторое время я безуспешно пытался сообразить, в чем дело. Хозяин со съемщиком уже ушли, и теперь я видел только Торвальда. Моя память отказывалась восстановить картину происшедшего. Если бы этот эпизод повторился, мне могло бы помочь зрение, но этого, естественно, не случилось.

И мысль об этом погрузилась в подсознание, чтобы, подобно закваске, перебродить там, а я вернулся к главной проблеме.

Наконец меня осенило. Встревоженный поворот головы, рывок в определенном направлении — вот все, что мне было нужно.

И чтобы вызвать это мимолетное, мгновенное движение, кото-

рым он выдаст себя, мне были необходимы два телефонных звонка, а в перерыве между ними — его получасовое отсутствие.

При свете спички я принялся листать телефонную книгу, пока не нашел то, что искал: Торвальд, Ларс, Бенедикт-авеню, 5-2114.

Я задул спичку и в темноте поднял трубку. Это напоминало телевидение. Я видел, что делалось там, куда я звонил, только изображение шло ко мне не по проводам, а прямо — из окна в окно.

— Алло? — хрипло произнес он.

«Как это странно, — подумал я. — Ровно три дня я обвиняю его в убийстве и только теперь впервые слышу его голос».

Я не стал изменять свой собственный. В конце концов ведь мы никогда не встречались.

— Вы получили мою записку? — сказал я.

— Кто говорит? — настороженно спросил он.

— Тот, кто все знает.

— Что знает? — увильнул он.

— То, что знаете вы. Вы и я, только мы с вами.

Он прекрасно держал себя в руках. Я не услышал ни звука. Но он не подозревал, что уязвим с другой стороны. Я удерживал подозрную трубу на нужной высоте с помощью двух толстых книг, положенных на подоконник. Я увидел, как он рванул ворот рубашки, словно тот невыносимо сдавил ему шею. Потом прикрыл глаза рукой, как закрываются от слепящего света.

Его голос твердо произнес:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Как это о чем? О бизнесе, конечно. Ведь я на этом кое-что заработаю, верно? Чтобы это не поползло дальше.

Мне не хотелось, чтобы он догадался о роли окон. Они все еще были мне нужны — и сейчас более, чем когда-либо.

— Позапрошлой ночью вы допустили маленькую оплошность со своей дверью. Хотя, может быть, ее приоткрыл сквозняк, не знаю.

Удар попал в самую точку. Провод донес до меня судорожный вздох.

— Вы ничего не видели. Там нечего было видеть.

— Дело ваше. Только зачем мне идти в полицию? — я слегка кашлянул. — Ведь я за это ничего не получу.

— О, — вырвалось у него. И в этом возгласе прозвучало некоторое облегчение. — Вы хотите... со мной встретиться? Я вас правильно понял?

— Да вроде бы лучше и не придумаешь. Сколько вы можете захватить с собой?

— У меня здесь только долларов семьдесят.

— Сойдет, остальное можно потом. Вы знаете, где находится Лейксайд-парк? Я сейчас неподалеку от него. Может, там и встретимся? — На это требовалось примерно полчаса. Пятнадцать минут туда, пятнадцать обратно. — У входа в парк есть маленький павильон.

— А сколько вас? — предусмотрительно спросил он.

— Только один я. Это выгодно — держать язык за зубами. Ни с кем не нужно делиться.

Видно, это ему тоже понравилось.

— Я сию минуту выхожу, — сказал он. — Все-таки неплохо узнать, о чем речь.

Никогда я так пристально не следил за ним, как теперь, когда он повесил трубку. Он тут же шмыгнул в крайнюю комнату, в спальню, к которой последнее время даже не приближался. Скрылся в стенном шкафу и через минуту появился снова. Видимо, он что-то достал из какого-то тайника, которого не заметили даже сыщики. Еще до того, как этот предмет исчез под его пиджаком, по движению его руки, как бы качнувшей насос, я понял, что это такое. Пистолет.

«Мне повезло, — подумал я, — что я не жду сейчас в Лейк-сайд-парке свои семьдесят долларов».

Свет в комнате погас, и он отправился в путь.

Я позвал Сэма.

— Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал, но это связано с некоторой опасностью. А если уж говорить честно, это чертовски опасное дело. Ты можешь сломать ногу или получить пулю и даже попасть в полицию. Мы с тобой не расставались десять лет, и я никогда не обратился бы к тебе с подобной просьбой, если бы мог сделать это сам. Но я не могу, а сделать это необходимо. Выйди с черного хода, — продолжал я, — перелез через загородку и попробуй по пожарной лестнице забраться в ту квартиру на четвертом этаже. Одно окно там не заперто.

— Что я должен там искать?

— Ничего. — В квартире уже побывали сыщики, какой же в этом смысл? — Там три комнаты. Во всех трех ты должен слегка нарушить порядок — пусть будет видно, что туда кто-то заходил. Загни края всех ковров, чуточку сдвинь с места все стулья и стол, открой дверцы стенного шкафа. Только смотри ничего не пропусти. И не спускай глаз вот с этого. — Я снял часы и надел ему на руку. — В твоём распоряжении двадцать пять минут. Если ты в них уложишься, с тобой ничего не случится. Когда увидишь, что время истекло, сматывай удочки, да побыстрей.

— Опять по пожарной лестнице?

— Нет.

В этом возбужденном состоянии он не вспомнит, закрыл ли он, уходя, окна. А меня вовсе не устраивало, чтобы он увязал опасность с задней стороной своего дома. Я не хотел замешивать в это свое собственное окно.

— Запри окно покрепче, выйди в дверь и беги со всех ног по главной лестнице.

— Хорошего же вы себе нашли дурака, — спокойно сказал он, но все-таки ушел.

Он вышел во двор с черного хода, как раз подо мной, и перелез через загородки. Если бы кто-нибудь поднял по этому поводу шум из окна, я вступился бы за него, объяснив, что он там внизу что-то ищет по моей просьбе. Но все обошлось благополучно. Для человека его возраста он отлично преодолел все препятствия. Ведь он не так уж теперь молод. Взять хотя бы

эту пожарную лестницу — ее нижний конец находился довольно высоко от земли — а он все-таки ухитрился взобраться на нее, став на какой-то предмет. Очутившись в квартире, он зажег свет и принялся за работу.

Я следил за тем, что он делает. Сейчас я уже ничем не мог ему помочь. Даже Торвальд вправе его пристрелить — ведь это незаконное вторжение. Как и прежде, мое место было за кулисами. Я был лишен возможности посторожить его с другой стороны. А без охраны не обошлись даже сыщики.

Он, видно, делал все с большим напряжением. А я, следя за его действиями, был напряжен вдвойне. Двадцать пять минут тянулись как все пятьдесят. Наконец он подошел к окну и тщательно заложил щеколду. Свет погас — его уже там не было.

Вскоре я услышал, как он отпирает ключом дверь с улицы, и когда он вошел ко мне, сразу же предупредил его:

— Не зажигай здесь свет. Иди приготовь себе праздничный двойной пунш из виски. Вряд ли цвет твоего лица будет когда-нибудь ближе к белому, чем сейчас.

Торвальд вернулся через двадцать девять минут после своего ухода в Лейксайд-парк. Я позвонил вторично, прежде чем он успел заметить беспорядок. Уловить этот момент было не так-то просто, и, сняв трубку, я снова и снова набирал номер, сразу же после этого нажимая на рычаг. Он вошел, когда я набирал цифру 2 — из 5-2114, — так что я попал вовремя. Звонок там раздался, когда его рука еще была на выключателе.

Этот звонок уже должен был дать какие-то результаты.

— Вам следовало принести деньги, а не пистолет, поэтому я не подошел к вам. — Я почувствовал, как он вздрогнул. Окно по-прежнему должно было оставаться вне подозрения. — Я заметил, как, выйдя на улицу, вы похлопали себя по пиджаку, под которым вы его спрятали. — Вполне возможно, что ничего подобного и не было, но теперь он уже не вспомнит, как было на самом деле. Обычно так делают те, кто не привык носить при себе оружие. — Тем хуже для вас, что вы прогулялись впустую. Между прочим, в ваше отсутствие я не терял зря времени. Теперь я знаю больше, чем раньше. — Это уже было важно. Я неотрывно смотрел в трубу, буквально пронизывая его сквозь тьму невидимыми лучами. — Я обнаружил, где... это находится. Вы понимаете, что я имею в виду. Теперь я знаю, куда вы... это спрятали. Я заходил туда, пока вас не было.

Ни слова. Только учащенное дыхание.

— Вы мне не верите? Оглянитесь. Положите трубку и посмотрите сами. Я нашел это.

Он положил трубку, направился к двери гостиной и, коснувшись выключателя, зажег свет. Окинул комнату одним внимательным всеохватывающим взглядом, в котором и намек не было на повышенный интерес к какому-нибудь определенному месту, который ни на чем не задержался вообще.

Мрачно улыбаясь, он вернулся к телефону.

Тихо, со злорадным удовлетворением, он произнес всего два слова:

— Вы лжете.

Я увидел, как он положил трубку и снял с нее руку. На своем конце я сделал то же самое.

Испытание потерпело неудачу. Но все-таки кое-что оно мне дало. Он не выдал местонахождения трупа, на что я надеялся. Однако фраза «Вы ждете» подразумевала, что труп был спрятан именно там, где-то неподалеку от него, где-то в том доме. В таком надежном месте, что ему незачем было беспокоиться, незачем было даже проверять сохранность тайника.

Таким образом, это поражение принесло мне своего рода бесплодную победу. Но для меня она не стоила и выеденного яйца.

Он стоял ко мне спиной, и я не видел, что он делает. Я знал, что телефон находится где-то впереди него, но мне казалось, что он, задумавшись, стоит около аппарата случайно. Он слегка наклонил голову — это все, что я мог разглядеть. Я не заметил, двигался ли его локоть. А если двигался его указательный палец, увидеть это было невозможно.

Он простоял так одну-две минуты и, наконец, отошел в сторону. В комнате погас свет; больше я его не видел. Он даже не решался, как бывало, зажечь в темноте спичку.

Поскольку мои мысли уже не отвлекала необходимость следить за ним, я направил их по иному руслу и постарался восстановить в памяти кое-что другое — ту встревожившую меня синхронизацию движений, которую я заметил сегодня днем, когда агент по найму и Торвальд одновременно перешли от одного окна к другому. Наиболее отчетливо я мог вспомнить только следующее: это напоминало ощущение, которое возникает, когда смотришь на какой-нибудь движущийся предмет сквозь скверное оконное стекло, дефект которого на секунду искажает его очертания. Однако тут дело обстояло иначе. Окна были раскрыты, и между нами не было никаких стекол. И я тогда не смотрел в подзорную трубу.

Раздался телефонный звонок. Это Бойн, подумал я. Кроме него, в такой час звонить некому. Быть может, он вспомнил, как на меня набросился... Я беспечно сказал «Алло», не изменив голоса.

Никакого ответа.

— Алло? Алло? Алло? — Я продолжал демонстрировать тембр своего голоса.

Ни звука.

Наконец я повесил трубку. В той квартире по-прежнему было темно.

Перед тем как уйти на ночь, ко мне заглянул Сэм. После бодрящего возлияния у него немного заплетался язык. Он промышчал что-то вроде: «Я пошел, а?» Я слышал это лишь краем уха. В тот момент я думал только о том, на какой бы еще крючок подцепить Торвальда, чтобы он, наконец, выдал мне свой тайник. И я, махнув рукой, рассеянно отпустил Сэма.

Слегка пошатываясь, он спустился по лестнице на первый этаж, и вскоре я услышал, как за ним закрылась входная дверь. Бедняга Сэм, не очень-то он привык к спиртному. Итак, я остался в доме один, со свободой передвижения в пределах кресла.

Внезапно там на секунду снова зажегся свет. Он ему для чего-то понадобился, чтобы найти какую-то вещь, которую он спер-

ва напрасно пытался отыскать в темноте, но в конце концов понял, что без света ему не обойтись. Он нашел это почти мгновенно и сразу же метнулся обратно к выключателю. Обернувшись, он бросил взгляд во двор. Он не подошел к окну, а просто быстро посмотрел в ту сторону.

В этом взгляде меня поразило нечто новое, отличавшее его от всех тех, что я наблюдал у него раньше. Если можно дать определение такому изменчивому явлению, как взгляд, то я назвал бы этот взгляд целеустремленным. Он не был ни рассеянным, ни случайным — в нем искрой промелькнула пристальность. И это не был один из тех осторожных взглядов, когда он внимательно осматривал внутренность двора. Этот взгляд не начал свой путь с домов напротив, чтобы постепенно перейти направо, на мою сторону. За тот краткий миг, что он длился, этот взгляд сразу отыскал мое окно. И исчез. Погас свет, и исчез сам Торвальд.

Порой явления воспринимаются только нашими органами чувств, без участия сознания, которое не вникает в их истинный смысл. Мои глаза видели тот взгляд. Мое сознание отказалось выплавить из этого правильное умозаключение. «Он ничего не значил, этот взгляд, — подумал я. — Всего лишь случайный выстрел, который неожиданно попал в центр мишени».

Замедленная реакция. Безмолвный телефонный звонок. Чтобы проверить голос? И вслед за этим напряженная темнота, в которой мы оба могли играть в одну и ту же игру — украдкой, невидимые друг для друга, вглядываться в квадраты окон противника. Недавняя вспышка света — стратегическая ошибка, но он не мог поступить иначе. Его прощальный взгляд, излучавший лютую злобу. Все эти факты осели на дно, не растворившись. Мои глаза сделали свое дело, это сплеховал мой мозг — вернее, ему понадобилось больше времени.

В знакомом прямоугольнике, образованном задними стенами домов, было очень тихо. Тишина словно затаила дыхание. И вдруг в нее вторгся возникший из ниоткуда звук. Молчание ночи пронзила характерная трель сверчка. Я вспомнил о примете Сэма, которая, по его словам, всегда неизменно сбывалась. Если это так, плохи тогда дела у кого-то в одном из этих дремлющих вокруг домов...

Сэм ушел каких-нибудь десять минут назад. А теперь он вернулся, видно, что-то забыл. И все из-за этой выпивки. Может быть, шляпу, а может, даже ключ от своей лачуги на окраине. Он знал, что я не могу сойти вниз и впустить его, поэтому старался открыть дверь без шума, наверное думая, что я уже заснул. Снизу до меня доносилась лишь слабая возня у замка входной двери. Это был один из тех старомодных домов с крыльцом и незапиравшейся наружной дверью, створки которой свободно хлопали всю ночь; затем шел тесный вестибюль и, наконец, внутренняя дверь, которая открывалась простым ключом. От алкоголя его рука несколько утратила твердость — впрочем, у него и раньше возникали трудности с замком. С помощью спички он нашел бы скважину быстрее, но ведь Сэм не курит. Вряд ли у него при себе были спички.

Теперь звук прекратился. Должно быть, он махнул на это ру-

кой и ушел, решив отложить это неизвестное мне дело до завтра. В дом он не вошел — мне слишком хорошо был знаком тот грохот, с которым за ним обычно захлопывалась предоставленная самой себе дверь; сейчас же я не услышал ничего похожего на стук.

И вдруг у меня в мозгу произошел взрыв. Почему именно в этот момент — я не знаю. Дело тут в неких таинственных процессах моего сознания. Это вспыхнуло словно порох, к которому после долгого путешествия по шнуру, наконец, подобрался огонь. Вышвырнуло из моей головы все мысли о Сэме, о входной двери, обо всем. Притаившись, это выжидало там с сегодняшнего после-полудня и только сейчас... Еще одна замедленная реакция. Будь она трижды проклята.

Оба они, агент по найму и Торвальд, одновременно отошли от окон гостиных. Слепой промежуток стены, и вот они вновь появились у окон кухонь, как прежде, один над другим. И как раз тогда возникла беспокоившая меня помеха, ошибка или еще что-то. Человеческий глаз вполне заслуживает доверия. Был нарушен не ритм их движения, а их параллельность, или как там это называется. Отклонение шло по вертикали, а не по горизонтали. Получился как бы «прыжок» вверх.

Теперь это было в моих руках. Теперь-то я знал. И это не могло ждать. Слишком уж это было здорово. Им нужен был труп? Пожалуйста.

Как бы он там ни был обижен, Бойну теперь не отвертеться от разговора со мной. Не теряя времени, я набрал в темноте номер его полицейского участка, отыскивая на ощупь отверстия диска. Он поворачивался почти бесшумно, только слегка пощелкивал. Даже тише, чем тот сверчок...

— Он давно ушел домой, — сказал дежурный сержант.

Это не могло ждать.

— Ладно, тогда дайте мне его домашний телефон.

Он на минуту отошел, потом вернулся.

— Трафальгар, — произнес он. И ничего больше.

— Что? Трафальгар, а дальше?

Молчание.

— Алло? Алло? — я постучал по аппарату. — Телефонистка, меня прервали. Соедините меня с тем же номером.

Она тоже не отозвалась.

Меня не прервали. Был перерезан мой провод. Это произошло совершенно внезапно, как раз посреди... А так перерезать его можно было только где-то здесь, в доме. Снаружи он уходил под землю.

Замедленная реакция. Теперь уже последняя, фатальная, слишком запоздавшая. Безмолвный телефонный звонок. Взгляд оттуда, безошибочно попавший в цель. «Сэм», пытавшийся незадолго до этого вернуться.

Смерть была где-то здесь, рядом со мной, в доме. А я не мог двигаться, даже не мог встать с этого кресла. Если бы мне и удалось сейчас связаться с Бойном, все равно уже слишком поздно. Я мог бы, конечно, крикнуть во двор в расчете на спя-

щих за всеми этими окнами соседей. Мой крик заставил бы их броситься к окнам. Но он не мог заставить их вовремя примчаться сюда. Когда они сообразят, из какого дома он доносится, крик уже смолкнет, все будет кончено. Я не открыл рта. Не потому, что я был таким уж храбрым, а просто, судя по всему, это было бесполезно.

Через минуту он будет здесь. Наверное, он уже на лестнице, хотя я и не слышал его шагов. Ни малейшего скрипа. Скрип принес бы облегчение, указал бы, где он сейчас находится. А так я был словно заперт в темном помещении наедине с бесшумно извивающейся коброй.

У меня в комнате не было никакого оружия. На стене висела полка с книгами — я до них мог в темноте дотянуться. Я, который никогда не читал. Книги бывшего хозяина. Над ними возвышался бюст не то Руссо, не то Монтескье — я так и не мог никогда окончательно решить, чей именно. Чудовищное изделие из глазированной глины, но и оно появилось здесь еще до меня.

Не вставая с кресла и изогнувшись всем телом, я потянулся к нему и отчаянным усилием попытался схватить его. Дважды мои пальцы соскальзывали с бюста, с трепящего захода я покачнул его, а в результате четвертой попытки он очутился внизу, у меня на коленях, вдавив меня в кресло. Подо мной на сиденье лежал плед. В такую погоду я не прикрывал себе ноги. Я использовал его как подушку, чтобы сделать сиденье помягче. Рывками вытащив его из под себя я завернулся в него, как индийский воин в одеяло. Скорчившись, я забился поглубже в кресло, но моя голова и одно плечо оказались снаружи, за подлокотником — между креслом и стеной. Я поставил бюст на свое другое плечо, где, ненадежно балансируя, он должен был изображать вторую голову, по уши закутанную в плед. Я надеялся, что сзади, в темноте, он будет похож...

Я громко храпел, как человек, спящий тяжелым сном в сидячем положении. Это было не так уж сложно, от напряжения я все равно дышал с трудом.

Он необыкновенно искусно умел обращаться с дверными ручками, петлями и прочим. Я так и не услышал, когда открылась дверь, хотя она была прямо за моей спиной, а не внизу, как первая. Меня коснулось лишь слабое дуновение воздуха. Я ощутил это кожей головы — настоящей, — которая у корней волос совершенно взмокла от пота.

Если это будет нож или удар по голове, моя хитрость подарит мне еще один шанс, и я знал, что это самое большее, на что я мог рассчитывать. Руки и плечи у меня достаточно сильны. После первого удара я медвежьей хваткой прижал бы его к себе и сломал бы ему шею или ключицу. Если же в ход пойдет пистолет, в конце концов он со мною все-таки разделается. Разница в каких-нибудь несколько секунд. Я знал, что у него есть пистолет, из которого он собирался пристрелить меня на улице, у Лейксайд-парка. Я надеялся, что здесь, в доме, чтобы обеспечить себе более спокойное бегство...

Вот оно!

Вспышка выстрела на секунду озарила комнату, до этого совер-

шенно темную. Вернее, ее углы, словно трепещущая слабая молния. Бюст на моем плече подпрыгнул и разлетелся на куски.

Мне вдруг показалось, что он в бессильной ярости затопал ногами. Но когда я увидел, как в поисках пути к бегству он бросился мимо меня и перегнулся через подоконник, этот топот переместился вниз, в глубину дома, и превратился в бешеный стук кулаков и ног по входной двери. Однако он вполне мог меня еще раз пять прикончить.

Я втиснул свое тело в узкую щель между подлокотником и стеной, но мои ноги, голова и плечо по-прежнему торчали вверх.

Он мгновенно обернулся и выстрелил в упор с такого близкого расстояния, что мне в глаза словно ударили прямые лучи восходящего солнца. Я ничего не почувствовал... Он промахнулся.

— Ах ты!.. — хрипло вырвалось у него. Наверное, это были его последние слова. Остаток своей жизни он провел в непрерывном движении, без текста.

Опершись на руку, он перемахнул через подоконник и рухнул во двор. Прыжок со второго этажа. Уцелел он только потому, что приземлился на узкую полосу дерна. Я перелез через подлокотник кресла и всем телом упал вперед, на подоконник, едва не разбив себе подбородок.

Передвигался он невероятно быстро. Побежишь, когда от этого зависит твоя жизнь. Через первую загородку он перевалился на животе. Вторую взял с разбегу, как кошка, соединив в прыжке руки и ноги. Теперь он уже был во дворике своего собственного дома. Он взобрался на что-то, как раньше Сэм... За этим последовал молниеносный взлет по лестнице с быстрыми штопорными поворотами на каждой площадке. Сэм, когда был там, запер все окна, но Торвальд, вернувшись домой, открыл одно из них, чтобы проветрить комнату. Теперь вся его жизнь зависела от этого случайного машинального поступка...

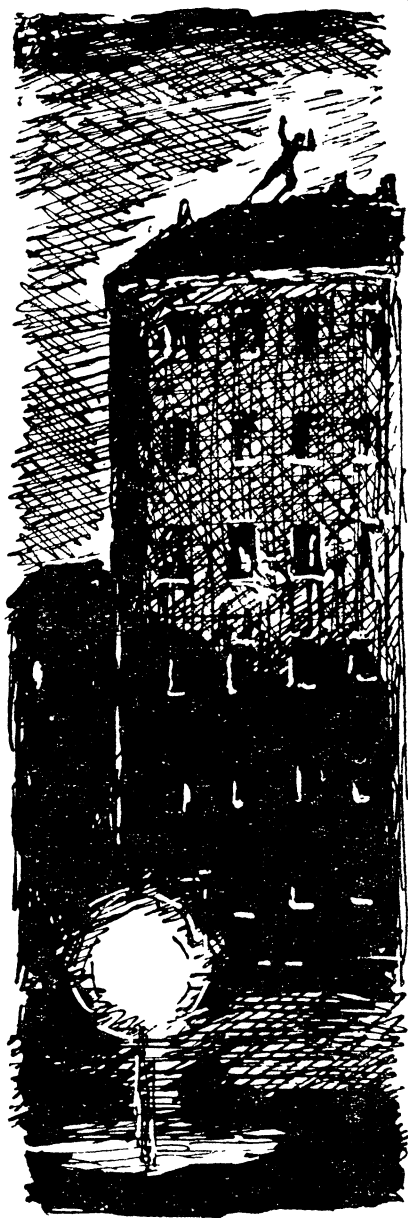
Второй. Третий. Впереди уже его собственные окна. Вот он уже добрался до них. Но там что-то было неладно. Он отпрянул от своих окон и, совершив еще один виток, ринулся на следующий, пятый этаж. Во мраке одного из его окон что-то блеснуло, и в прямоугольном пространстве между домами, как большой барабан, грохнул выстрел.

Он миновал пятый этаж, шестой и достиг крыши. Это заняло не больше секунды. Ого, здорово же он любил жизнь! Парни, притаившиеся в его окнах, не могли оттуда стрелять в него — он находился как раз над их головами, по прямой линии, и, разделяя их, густо переплелись пролеты пожарной лестницы.

Я был слишком поглощен своими наблюдениями, чтобы следить за тем, что происходило вокруг меня. Неожиданно рядом со мной возник Бойн, целившийся из пистолета. Я услышал, как он пробормотал:

— Как-то даже неловко стрелять, ведь ему придется лететь с такой высоты.

Там, наверху, он балансировал на парапете крыши и прямо над ним сверкала звезда. Несчастливая звезда. Он задержался на лишнюю минуту, пытаясь убить раньше, чем убьют его. А может, он знал, что все равно уже мертв.

Высоко в небе щелкнул выстрел, на нас посыпались осколки оконного стекла, и за моей спиной треснула одна из книг.

Бойн уже не заикался ни о какой неловкости. Мое лицо было прижато к его руке. При отдаче его локоть двинул мне по зубам. Я продул в дыму просвет, чтобы увидеть, как он падает.

Это было страшное зрелище. С минуту он еще простоял там, наверху, на парапете. Потом выпустил из руки пистолет, как бы говоря: «Больше он мне не понадобится». И отправился вслед за ним. Он падал по такой широкой дуге, что даже не задел пожарной лестницы. Приземлился он где-то далеко и ударился о доску, торчавшую из невидимого для нас штабеля. Она подбросила его тело вверх, как трамплин. Потом он упал вторично — теперь уже навсегда. И все кончилось.

Я понял, где это, — сказал я Бойну. — В конце концов я все-таки сообразил. Квартира на пятом этаже, над ним, та, где еще идет ремонт. Уровень цементного пола в кухне выше, чем в других комнатах. Они хотели с минимальными затратами выполнить противопожарные правила и заодно создать впечатление углубленной гостиной. Советую тебе разломать этот пол...

Он сразу же отправился туда, через черный ход и загородки, — чтобы сэкономить время. Там еще не включили электричество, и им пришлось воспользоваться карманными фонарями. Управались они быстро, стоило им только начать.

Примерно через полчаса он подошел к окну и просигнализировал мне слово «да».

Вернулся он только к восьми часам утра, когда они уже привели все в порядок и увезли их. Их обоих — свежий труп и труп, давно окоченевший. Он сказал:

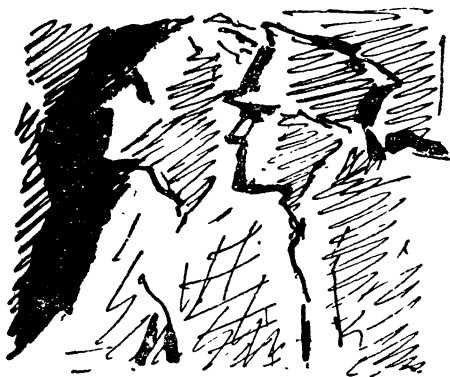
— Джефф, я беру все свои слова назад. Тот безмозглый кретин, которого я послал туда за сундуком... Хотя в общем-то он и не виноват. Виноват я сам. Ему было приказано проверить содержимое сундука, а не приметы женщины. Вернувшись, он в общих чертах описал ее, не вдаваясь в подробности. Я иду домой, ложусь в постель, и вдруг хлоп! — что-то щелкает в моем мозгу: один из жильцов, которого я допрашивал два полных дня назад, сообщил ряд деталей, не совпавших в некоторых важных пунктах с его описанием. Вот и докажи теперь, что я не болван!

— В этом проклятом деле со мной все время происходило то же самое, — признался я, чтобы утешить его. — Я называю это замедленной реакцией. Она чуть не стоила мне жизни.

— Но ведь я офицер полиции.

— Поэтому у тебя вовремя прояснились мозги?

— Конечно. Мы пошли туда, чтобы забрать его на допрос. Увидев, что его нет дома, я оставил там ребят, а сам решил зайти к тебе, чтобы выяснить отношения. Так как же ты додумался до этого цементного пола?

Я рассказал ему о нарушенной синхронизации.

— В окне кухни агент по найму показался мне выше Торвальда, выше, чем минуту назад, когда они оба стояли у окон гостиной. Это не секрет, конечно, что в кухнях делали значительно приподнятые цементные полы, которые затем сверху покрывали пробковым составом. Но это натолкнуло на новую мысль. А так как ремонт шестого этажа был закончен раньше, оставался пятый. Вот как я это теоретически представляю себе. Она

долгие годы болела, а он сидел без работы, и ему надоело и то и другое. Поговори с той, со второй...

— Она будет здесь сегодня к вечеру, ее уже везут сюда под арестом.

— Возможно, он застраховал ее на все деньги, которые ему удалось раздобыть, и потом начал ее медленно отравлять, стараясь не оставить никаких следов. Мне кажется — учти, что это опять-таки всего лишь мое предположение, — что она обнаружила это в ту ночь, когда там до утра горел свет. Как-то догадалась или же застигла его за этим. Он потерял голову и совершил то, чего всячески пытался избежать, — убил ее, применив силу: задушил или ударил по голове. Нужно было с ходу придумать, что делать дальше. Обстоятельства благоприятствовали ему. Вспомнив о верхней квартире, он поднялся туда и осмотрелся. Там только что кончили делать пол, цемент еще не успел затвердеть и вокруг было много материала. Он выдолбил в полу яму, достаточно большую, чтобы вместить ее тело, положил ее туда, замешал свежий цемент и замуровал ее, возможно даже на один-два дюйма повысив уровень пола, чтобы лучше спрятать ее. Вечный гроб без запаха. На следующий день вернулись рабочие и, ничего не заметив, положили поверх этого пробковый слой — он и цемент-то, наверное, заравнивал одним из их мастеров. Потом он, не мешкая, отправил в деревню свою сообщницу с ключами от сундука — примерно в то же место, где отдыхала несколько лет назад его жена, но на другую ферму, где ее не могли бы узнать. Послал вслед за ней сундук и бросил в свой ящик старую почтовую открытку с расплывшейся датой. Не исключено, что через одну-две недели она бы «покончила с собой», как Анна Торвальд, доведенная до отчаяния болезнью. Написав ему прощальную записку и оставив свою одежду на берегу какого-нибудь глубокого водоема. Это было рискованно, но, возможно, им все-таки удалось бы получить за это страховую премию.

В девять Бойн и все остальные ушли. Я остался в кресле, слишком возбужденный, чтобы заснуть. Вошел Сэм и сообщил:

— Тут к вам док Престон.

Он появился, потирая по своему обыкновению руки.

— Пора, пожалуй, снять с вашей ноги этот гипс. Представляю, как вам надоело сидеть целыми днями без дела.

Перевела с английского
С. ВАСИЛЬЕВА

Впервые очерк был опубликован в журнале «Пионер» в 1941 году.

Е. ДОРОШ

*По воспоминаниям бывшего адъютанта
М. В. Фрунзе тов. Сиротинского*

ФРУНЗЕ ОСВОБОЖДАЕТ КРЫМ

Рисунки С. ПРУСОВА

Красная Армия очистила Северную Таврию от белых войск и остановилась перед главными укреплениями Кры-

ма, за которыми сидел барон Врангель. Фрунзе приехал в Строгановку. Нищая рыбацкая деревушка стыла на вет-

ру почти у самой воды залива. В одной из хат разместился полевой штаб Фрунзе. Но командующий фронтом не задержался в штабе: ему подали коня, и он отправился к войскам.

Было еще очень рано. Серое небо дымилось над серой водой Сиваша — Гнилого моря, как называют его иначе. Перекопская равнина, еще одетая травой, была запорошена инеем. Над равниной стлался пар: это дышали многие тысячи людей, спавшие на земле. Когда Фрунзе приближался, они вскакивали и становились в строй. Косматый иней свисал с папах, с бровей и усов, а шинели были совсем белые. На месте, где спали красноармейцы, остались отпечатки множества тел. Вскоре вся степь оцетинилась полками, среди которых ехал Фрунзе. Он поднял руку, приветствуя бойцов.

И хотя все они отвечали одинаково, как требует Устав, но каждый в мыслях своих по-своему здоровался с командующим.

— Здравствуй, Арсений! — с нежностью произносили ивановские и шуйские ткачи, потому что для них он по-прежнему был Арсением, светловолосым и синеглазым парнем, который под этой кличкой начинал свою революционную деятельность в Иванове и Шуге.

— Здравия желаем, товарищ Михайлов! — отрубали бородачи фронтовики: они узнавали в нем агитатора-большевика, известного им еще по германскому фронту, где он вел пропаганду среди солдат.

— Доброго здоровья, Михаил Васильч, — говорили

красноармейцы, под водительством Фрунзе разбившие Колчака.

— Салам, Фрунзе! — восклицали туркмены. Они приехали сюда по призыву командующего, с которым успели сдружиться за время его работы в Средней Азии.

А те из бойцов, что видели Фрунзе впервые, просто глядели на него.

Он был невысокого роста, но крепкий и ловко сидел в седле. На нем была простая солдатская шинель и высокая мерлушковая папаха, чуть сдвинутая набекрень. Холодный ветер зажег румянец на его щеках, окаймленных мягкой каштановой бородой. Добрые глаза улыбались.

— Товарищи, — говорил он бойцам, — я обещал Ленину, что к зиме Крым будет советским.

— Даешь Крым! — кричали бойцы.

Крик этот катился над седой и мохнатой степью, над серой полосой воды и достигал укрепленных твердынь Крыма.

Весь день объезжал Фрунзе полки. Он увидел, что бойцы слабо вооружены и плохо одеты, но дисциплинированы и рвутся в бой. Вечером он вернулся в штаб, разостлал на столе карту Крымского полуострова и сказал адъютанту:

— Пожалуйста, устройте так, чтобы мне не мешали.

Это была не такая карта, по которой учатся в школе: на ней было в точности изображено все, что находится на соответствующем участке земли, вплоть до отдельного дерева, небольшого болотца или одинокой мельницы, затерявшейся в степи, вплоть до мостика через ручей, оврага,

какого-нибудь безыменного холма, который, к примеру, назывался «высота 106».

Но Фрунзе видел больше, чем было изображено даже на этой обстоятельной и подробной карте.

Омываемая двумя морями, лежала перед ним древняя Таврида. Было похоже, что когда-то она плотно прилегала к матерiku, но какой-то морской исполин вышел из Черного моря, рванул ее к себе и почти совсем оторвал. Только в одном месте соединялась она с материком широким, но коротким Перекопским перешейком. Восточнее Перекопа протянулась Арабатская стрелка, похожая на длинный и узкий ремень, лопнувший от чрезмерного напряжения. Все пространство между перешейком и стрелкой было заполнено гнилыми водами Сиваша, которые омывали низменные, изодранные в клочья берега.

На юге полуостров был высок. Здесь громоздились горы, по склонам которых росли сосновые леса. В долинах между гор шумели листвою сады и виноградники. Прекрасные белые дворцы смотрелись в прозрачную синюю морскую воду.

Восток был богат рыбой и ценными рудами, лежавшими в недрах земли.

Обширные степи севера славились пшеницей.

Но враг захватил эту страну, и нужно было любой ценой выбить его оттуда. Нельзя было допустить, чтобы он оправился от поражения, нанесенного ему красными войсками в степях Северной Таврии... Придет весна, придут иностранные корабли, привезут Врангелю оружие, продо-

вольствие и боеприпасы. Отдохнувший за зиму, он ринется на материк, черной чумой разольется по селам и городам Украины, и кто сосчитает жертвы, которые понесет народ!

Многотысячная Красная Армия стояла на топких берегах Гнилого моря, лицом к врагу. Между нею и Врангелем, поперек Перекопского перешейка и вдоль Сиваша, протянулись проволочные, бетонные и стальные укрепления, возведенные лучшими инженерами Европы. И потому, что жизнь каждого красноармейца была Фрунзе неизмеримо дороже собственной, он долго стоял над картой, обдумывая план генерального сражения.

Взгляд командующего остановился на Арабатской стрелке. Это была как бы дорога, проложенная среди волн Азовского и Гнилого морей и достигающая глубокого тыла врага. Фрунзе хорошо знал маневр, проделанный почти двести лет назад фельдмаршалом Ласси. Искусный полководец, обманув бдительность крымского хана, стоявшего главными своими силами у Перекопа, провел армию по стрелке и достиг полуострова. Фрунзе собирался повторить маневр Ласси. Но у противника флот, который встанет вдоль стрелки и расстреляет войска, идущие по открытой и узкой полоске земли. Нужно прикрыть армию собственным флотом. Командующий ждал известий из Таганрога.

Вошел адъютант. Он подал телеграмму, в которой сообщалось, что корабли Азовской флотилии вмерзли в лед Таганрогской бухты и принять участие в операции не могут.

Фрунзе стоял посреди ярко освещенной комнаты, в белые стены которой врезаны были черные квадраты окон, и рука его, державшая карандаш, непроизвольно чертила на полях карты: «Ленин... Ленин... Ленин...» Чуть насупившись, он обдумывал новый план.

А на земле была ночь, и холодный ветер низко бежал над равниной, шевеля обледеневшую траву. Укрывшись рваными шинелями, спали в степи бойцы. Черные села протянули к небу голые стропила крыш, солома с которых давно уже была скормлена лошадям и коровам. В пустых городах луна освещала белые от инея стекла окон, забитые досками витрины магазинов, окостеневший труп лошади посреди разбитой мостовой, каменный остов дома, все деревянные части которого были растащены на топливо. Вся страна спала беспокойным сном. Она была обескровлена войнами, истощена голодом, ослаблена сыпным тифом. Она победила четырнадцать иностранных держав, и ей снилось счастье.

Не спали часовые, оберегая сон страны. Не спал Фрунзе.

В этот час он думал об освобождении Крыма. Требовалось исключительное мужество, чтобы выполнить эту задачу. У Фрунзе было это мужество: он был большевиком.

Он выбрал самое узкое место Сиваша, как раз между Строгановкой и тем небольшим языком суши, который носит название Литовского полуострова, и провел между ними решительную линию: здесь пройдет основное направление удара. Противник

сосредоточил главные свои силы у Турецкого вала, которым заперт вход в Крым со стороны Перекопского перешейка. Противник считает, что воды Сиваша служат ему естественной защитой: ведь у большевиков нет плавучих средств, чтобы перебросить войска через Сиваш. Но противник не знает, что большевики, когда надо, способны пешком перейти море.

Фрунзе закончил линию острой стрелкой, а впереди нарисовал еще несколько стрелок, бежавших по распластанному телу Крыма. Они походили на живые существа, проворные и настойчивые, которые устремлялись в тыл перекопских позиций противника.

И еще две линии легли на карту. Быстрый карандаш командующего превратил их в широкие, почти треугольные стрелки. Острие одной стрелы смотрело в лоб Турецкого вала. Другая, лежавшая на Чонгарском полуострове, тоже была устремлена в сторону крымского берега.

Фрунзе еще раз взглянул на карту, приоткрыл дверь и приказал адъютанту созвать самых старых и опытных рыбаков Строгановки, которые хорошо знают норы Сиваша.

Они пришли утром. У них были обветренные, кирпичного цвета лица и седые с прозеленью бороды, похожие на клочковатую пену, какая закипает у каменистого берега. Тяжелые овчинные шубы залоснились от времени. От стариков пахло рыбой, махоркой и морозом.

Фрунзе спросил рыбаков, известны ли им броды через Сиваш и можно ли пройти

здесь пешему человеку. Помедлив, один из стариков ответил, что, конечно, в сильный ветер вода сбегает и обнажается дно, тогда, если уж позарез нужно, люди проходят. Но другой напомнил про бочаги и речки и про то, что дно в Сиваше такое вязкое — ног не вытащишь.

Фрунзе спросил рыбаков, согласятся ли они в одну из ближайших ночей перевести на крымский берег войска. Старики опешили. Один из них растерянно спросил:

— Поди, стрелять будут?

— Война! — ответил Фрунзе. — На войне стреляют!

Старики молчали. Командующий стоял среди них, затянутый в защитное сукно и скрипучую кожу, спокойный и строгий. Нельзя было сказать, что он не спал уже не первую ночь.

— Что ж, ребята, — сказал один из рыбаков, — не вчера родились, можно и помереть...

— В случае чего старух наших не оставь, — добавил другой.

Лицо командующего просветлело, теплая улыбка засветилась в глазах, он резко шагнул вперед и пожал каждому руку. Пришли командиры частей, которым предстояло перейти Сиваш. Вместе с рыбаками они принялись обсуждать подробности переправы.

А Фрунзе уже скакал степью. Скованная утренним морозом земля гудела. Командующему встречались артиллерийские части, выезжавшие на позиции. Из глубоких тылов тянулись обозы. Там, где можно было, через Сиваш наводились мосты.

Началась подготовка к штурму.

И вот она пришла, черная — хоть глаза выколи — ночь генерального сражения.

Ветер выдувал из Сиваша воду, гнал ее в узкие горловины проливов. Мельчайшие брызги кружились в воздухе. Вязкая грязь хватала за ноги и стягивала сапоги.

Передовые части доблестной 6-й армии шагали по обнажившемуся дну Гнилого моря.

Впереди шли проводники. За ними по двое — красноармейцы. Люди не разговаривали. Временами слышался всплеск воды, означавший, что кто-то из бойцов сорвался в бочаг. Иной раз красноармейцы успевали спасти товарища, но случалось, что он шел ко дну. Он умирал молча, потому что боялся криком своим выдать товарищей врагу.

Над вражеским берегом взвилась ракета. Она осветила темное дно Сиваша, испещренное лужицами воды, похожими на жидкое олово. Три упрямые линии протянулись через глянцевитую грязь. Они росли. Они стремились к противоположному берегу. Это шли наши бойцы. Еще немного — и они достигнут врага, который еще не подозревает об опасности.

Грянул орудийный выстрел. Потом другой, третий... Снаряды рвались в Сиваше, поднимая к небу фонтаны воды и грязи. Случалось, что снаряд разрывал какую-нибудь из линий, уложив на месте нескольких бойцов. Но живые вставали на место погибших, и линия сросталась. Обходя бочаги, пересекая речушки, красноармейцы шли к берегам Литовского полуострова.

По приказу Фрунзе заговорила и наша артиллерия, создав огневую завесу впереди колонн, форсирующих Сиваш. Красноармейцы повеселели.

Головные части достигли берега. Красноармейцы вышли на сушу, мокрые, продрогшие, ослепленные белым светом прожекторов. По голеницам сапог текла жидкая грязь. Серые шинели промерзли. Вокруг рвались вражеские снаряды. Застучали пулеметы, и пули начали рыть холодный, мертвый прибрежный песок.

Когда красноармейцев накопилось достаточно, они построились в боевой порядок и пошли на штурм укрепленных позиций полуострова.

На берег продолжали выходить все новые и новые части.

Снаряды белых рвали дно Сиваша, но три линии, три войсковые колонны, упорно двигались по пути, намеченному Фрунзе.

На земле повторялось все, что родилось в мозгу командующего и было перенесено им на карту. Почти одновременно с частями, штурмовавшими укрепления Литовского полуострова, выступили части, стоявшие под Турецким валом.

Они ползли среди жесткой травы, отважные разведчики пятьдесят первой дивизии. Под огнем неприятельских пулеметов подбирались они к рядам колючей проволоки, прорубали в них проходы и падали мертвыми. За ними шли другие.

Фрунзе сидел в штабе. Бесперывно звонил телефон. Запыхавшиеся ординарцы входили в комнату, внося с собой запахи сгоревшего пороха и конского пота. Они козыряли, передавали смятые бумаж-

ки, исписанные торопливым почерком. Фрунзе просматривал донесения, делал заметки, отдавал распоряжения.

Командующему донесли, что ветер переменялся и вода хлынула в Сиваш.

— Коня! — приказал Фрунзе.

Он прискакал к берегу Гнилого моря и увидел, что войска идут по пояс в воде. Тяжелые волны бились о тела красноармейцев, закипали белой пеной. В иных глубоких местах самые высокие из бойцов подымали на руки своих малорослых товарищей. Вода стремительно бежала назад, подымалась все выше и выше, заливала бесчисленные заливы и бухты, изрезавшие берег.

Фрунзе приказал прекратить переправу. Он стоял на берегу и видел, как последние красноармейцы выходили на песок Литовского полуострова. Между ними и материком колыхалась тусклая вода Сиваша. Они были отрезаны, и вся тяжесть задачи легла на войска, штурмовавшие Турецкий вал. Фрунзе вернулся в штаб, вызвал к телефону командиров дивизий, стоявших под Перекопом, и приказал любой ценой прорвать укрепления врага. Он знал, что это почти невозможно — одной живой силой одолеть бетон и сталь, колючую проволоку и ураганный огонь тяжелых орудий. Но если иного выхода нет, нужно невозможное сделать возможным.

Снова занялось утро. Белогвардейцы узнали, что красные войска на Литовском полуострове отрезаны. Они осмелели. Они направили туда лучшие свои части. Трудно пришлось нашим товарищам.

Впереди у них был враг, а сзади — море.

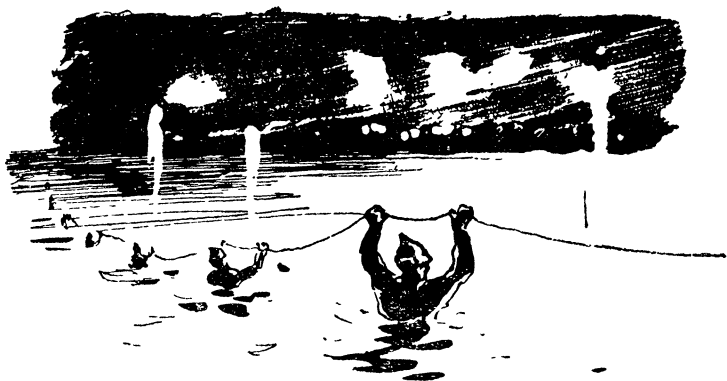
Весь день, всю ночь и весь следующий день шли кровопролитные бои.

К исходу второго дня великого штурма войска, дравшиеся на Перекопском перешейке, стали готовиться к решающей атаке. А на Литовском прижатые к морю бойцы отбивались от наседавшего врага и умирали, орошая кровью бесплодный песок. Нужно было наладить с ними связь, но соленая вода Сиваша разъедала кабель.

Тогда связисты вошли в мертвые воды Гнилого моря. Они шли один за другим, и каждый в поднятой кверху

у командующего, а другой — у командира войск, сражавшихся на полуострове. Была уже глубокая ночь, глухое и темное небо распласталось над плоской равниной, и только над Перекопским перешейком, где еще с полуночи шли бои, небо порозовело от орудийных залпов. Солдаты революции сражались за Родину.

Начальник связи проверял аппарат и доложил командующему, что связь с Литовским налажена. Фрунзе взялся было за трубку, но в это время зазвонил другой телефон. Чей-то взволнованный, прерывистый голос прокричал, что наши войска вошли в укрепления Турецкого вала и гонят

руке крепко держал кабель. Их вел старый рыбак. Сначала вода была им до колен, потом до пояса, потом до плеч. Они протянули кабель с берега на берег и остались в черной, холодной воде, которая леденила мозг в костях и кровь в жилах. Один конец кабеля находился в штабе

бегущего в панике противника. Фрунзе стремительно снял трубку и сообщил на Литовский радостную весть. Голос командующего побежал по кабелю, достиг полуострова, поднял с земли бойцов и повел их в атаку. Они обрушились на укрепления, погнались растерявшиеся войска врага.

В последний раз взглянул Фрунзе на карту, которая уже стала достоянием истории.

Две стрелки — на Сиваше и Перекопе — уже не отвечали действительности: войска, обозначенные ими, дрались в Крыму. Что касается третьей, лежавшей на Чонгарском полуострове, то не позднее нынешней ночи она стремительно ринется вперед: свежие части резерва пойдут добивать врага. Фрунзе старательно

свернул карту и сказал адъютанту:

— Когда в разговорах со мной Владимир Ильич обращался к карте, мне всегда казалось, что он совершенно ясно видит, как народы и классы движутся по земному шару.

Туманное утро клубилось над землей. Фрунзе надел шинель, вышел из хаты, вскочил на коня и поскакал догонять наши части, шагавшие по советскому Крыму.

На 1-й стр. обложки — рисунок Ю. Макарова к рассказу Бориса Смагина «Перед ночным ударом».

На 2-й стр. обложки — фото К. Куличенко «Стратегическая ракета перед стартом».

На 3-й стр. обложки — рисунок С. Прусова к очерку Ефима Дороша «Фрунзе освобождает Крым».

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. ДНЕПРОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, А. А. НОДИЯ, Ю. Б. САВЕНКОВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ

Редакторы выпуска: О. СОКОЛОВ, В. ОСТРОУМОВ.

Художественный редактор А. ГУСЕВ

Технический редактор Р. ГРАЧЕВА

Рукописи не возвращаются.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Адрес редакции: Москва, А-30, Суцевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 4-10.

Сдано в набор 8/1 1968 г. Подп. к печ. 26/II 1968 г. А04446
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4) Уч.-изд. л. 10,5.
Тираж 300 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 3065.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Суцевская, 21.

ВОКРУГ СВЕТА

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦИ ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

Цена 20 коп.

Фантастический рассказ Клиффорда Саймака
«Все ловушки Земли» читайте в ближайших
номерах журнала «Вокруг света».

ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ